ISSN 1998-5053

Министерство образования и науки
Российской Федерации

Научный журнал

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

(продолжение журнала 1947–1975 гг.)

№ 3 (124). Май, 2012

Серия: Общественные и гуманитарные науки

Главный редактор
А. В. Воронин, доктор технических наук, профессор

Зам. главного редактора
В. Б. Акулов, доктор экономических наук, профессор
Э. К. Зильбер, доктор медицинских наук, профессор
Э. В. Ивантер, доктор биологических наук, профессор, член-корреспондент РАН
И. Р. Шегельман, доктор технических наук, профессор

Ответственный секретарь журнала
Н. В. Ровенко, кандидат филологических наук

Перепечатка материалов, опубликованных в журнале, без разрешения редакции запрещена.
Статьи журнала рецензируются.

Адрес редакции журнала
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33. Каб. 272.
Тел. (8142) 76-97-11
E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrsu.ru

© ФГБОУ ВПО «Петрозаводский государственный университет (ПетрГУ)», 2012

Редакционный совет

В. Н. БОЛЬШАКОВ
доктор биологических наук,
профессор, академик РАН (Екатеринбург)

И. П. ДУДАНОВ
доктор медицинских наук, профессор,
член-корреспондент РАМН (Петрозаводск)

В. Н. ЗАХАРОВ
доктор филологических наук,
профессор (Москва)

А. С. ИСАЕВ
доктор биологических наук,
профессор, академик РАН (Москва)

Н. Н. МЕЛЬНИКОВ
доктор технических наук,
профессор, академик РАН (Апатиты)

И. И. МУЛЛОНЕН
доктор филологических наук,
профессор (Петрозаводск)

В. П. ОРФИНСКИЙ
доктор архитектуры, профессор,
действительный член Российской академии
архитектуры и строительных наук (Петрозаводск)

ПААВО ПЕЛКОНЕН
доктор технических наук,
профессор (г. Йоенсуу, Финляндия)

И. В. РОМАНОВСКИЙ
доктор физико-математических наук,
профессор (Санкт-Петербург)

Е. С. СЕНЯВСКАЯ
доктор исторических наук, профессор (Москва)

СУЛКАЛА ВУОККО ХЕЛЕНА
доктор философии, профессор (г. Оулу, Финляндия)

Л. Н. ТИМОФЕЕВА
доктор политических наук, профессор (Москва)

А. Ф. ТИТОВ
доктор биологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН (Петрозаводск)

МИЛОСАВ Ж. ЧАРКИЧ
ведущий профессор Сербской
Академии наук и искусств (г. Белград, Сербия)

Р. М. ЮСУПОВ
доктор технических наук, профессор,
член-корреспондент РАН (Санкт-Петербург)

Редакционная коллегия серии
«Общественные и гуманитарные науки»

В. А. АЧКАСОВ
доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург)

Т. А. БАБАКОВА
доктор педагогических наук, профессор (Петрозаводск)

С. Г. ВЕРИГИН
кандидат исторических наук (Петрозаводск)

А. В. ВОЛКОВ
кандидат философских наук (Петрозаводск)

РИХО ГРЮНТХАЛ
доктор философии,
профессор (г. Хельсинки, Финляндия)

П. М. ЗАЙКОВ
доктор филологических наук, профессор (Петрозаводск)

С. И. КОЧКУРКИНА
доктор исторических наук (Петрозаводск)

А. Е. КУНИЛЬСКИЙ
доктор филологических наук,
ответственный секретарь серии (Петрозаводск)

Т. Г. МАЛЬЧУКОВА
доктор филологических наук,
профессор (Петрозаводск)

В. С. МАКСИМОВА
доктор исторических наук,
профессор (Петрозаводск)

Н. В. ПАТРОЕВА
доктор филологических наук,
профессор (Петрозаводск)

А. М. ПАШКОВ
кандидат исторических наук (Петрозаводск)

В. М. ПИВОЕВ
доктор философских наук,
профессор (Петрозаводск)

С. Н. ЧЕРНОВ
доктор юридических наук,
профессор (Петрозаводск)

М. И. ШУМИЛОВ
доктор исторических наук, профессор (Петрозаводск)

ISSN 1998-5053

Ministry of Education and Science
of the Russian Federation

Scientific Journal

PROCEEDINGS OF PETROZAVODSK STATE UNIVERSITY

(following up 1947–1975)

№ 3 (124). May, 2012

Social Sciences & Humanities

Chief Editor
Anatoly V. Voronin, Doctor of Technical Sciences, Professor

Chief Deputy Editor
Vladimir B. Akulov, Doctor of Economic Sciences, Professor
Elmira K. Zilber, Doctor of Medical Sciences, Professor
Ernest V. Ivanter, Doctor of Biological Sciences, Professor,
The RAS Corresponding Member
Il'ya R. Shegelman, Doctor of Technical Sciences, Professor

Executive Secretary
Nadezhda V. Rovenko, Candidate of Philological Sciences

All rights reserved. No part of this journal may be used
or reproduced in any manner whatsoever without written permission.
The articles are reviewed.

The Editor's Office Address
185910, Lenin Avenue, 33. Tel. +7 (8142) 769711
Petrozavodsk, Republic of Karelia
E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrsu.ru

© FBSEI «Petrozavodsk State University (PetrSU)», 2012

Editorial Council

V. BOLSHAKOV
Doctor of Biological Sciences,
Professor, the RAS Member (Ekaterinburg)

I. DUDANOV
Doctor of Medical Sciences, Professor,
the RAMS Corresponding Member (Petrozavodsk)

V. ZAKHAROV
Doctor of Philological Sciences,
Professor (Moscow)

A. ISAYEV
Doctor of Biological Sciences,
Professor, the RAS Member (Moscow)

N. MEL'NIKOV
Doctor of Technical Sciences,
Professor, the RAS Member (Apatiti)

I. MULLONEN
Doctor of Philological Sciences,
Professor (Petrozavodsk)

V. ORPHINSKY
Doctor of Archtecture, Professor,
Full Member of Russian Academy
of Architectural Sciences (Petrozavodsk)

PAAVO PELKONEN
Doctor of Technical Sciences, Professor (Joensuu, Finland)

I. ROMANOVSKY
Doctor of Physical-Mathematical Sciences,
Professor (St. Petersburg)

E. SENYAVSKAYA
Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow)

HELENA SULKALA
Doctor of Philosophy,
Professor (Oulu, Finland)

L. TIMOFEEVA
Doctor of Political Sciences, Professor (Moscow)

A. TITOV
Doctor of Biological Sciences, Professor,
the RAS Corresponding Member (Petrozavodsk)

M. CHARKICH
the Leading Professor of Serbian Academy
of Sciences and Arts (Belgrade, Serbia)

R. YUSUPOV
Doctor of Technical Sciences, Professor,
the RAS Corresponding Member (St. Petersburg)

Editorial Board of the Series
«Social Sciences & Humanities»

V. ACHKASOV
Doctor of Political Sciences,
Professor (St. Petersburg)

T. BABAKOVA
Doctor of Pedagogical Sciences,
Professor (Petrozavodsk)

S. VERIGIN
Candidate of Historical Sciences (Petrozavodsk)

A. VOLKOV
Candidate of Philosophic Sciences (Petrozavodsk)

R. GRYÜNTHAL
Doctor of Philosophic Sciences,
Professor (Helsinki, Finland)

P. ZAIKOV
Doctor of Philological Sciences,
Professor (Petrozavodsk)

S. KOCHKURKINA
Doctor of Historical Sciences (Petrozavodsk)

A. KUNIL'SKII
Doctor of Philological Sciences,
Executive Secretary of the series (Petrozavodsk)

T. MAL'CHUKOVA
Doctor of Philological Sciences,Professor (Petrozavodsk)

V. MAXIMOVA
Doctor of Historical Sciences, Professor (Petrozavodsk)

N. PATROEVA
Doctor of Philological Sciences, Professor (Petrozavodsk)

A. PASHKOV
Candidate of Historical Sciences (Petrozavodsk)

V. PIVOEV
Doctor of Philosophic Sciences, Professor (Petrozavodsk)

S. CHERNOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Petrozavodsk)

M. SHUMILOV
Doctor of Historical Sciences, Professor (Petrozavodsk)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Разумова И. А.
Тема эвакуации в биографических рассказах старожилов Петрозаводска 7

Сенявская Е. С.
Женщины освобожденной Европы глазами советских солдат и офицеров (1944–1945 годы) 13

Бельский С. В.
Погребальный обряд могильника Кюлялахти Калмистомяки в Северо-Западном Приладожье (по результатам археологических исследований 2006–2009 годов) 20

Петров П. В.
Русские коробейники в Финляндии и слухи о наделении крестьян землей. Дискуссия в финляндской и российской периодике в конце XIX века 25

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Леонов И. В.
Феномен тематических паттернов в исследовании культурно-исторической реальности: понятие и основные компоненты 29

ПЕДАГОГИКА

Грицай Л. А.
Ценностные основы современного родительства в контексте национальной культуры 34

Плотникова В. С., Федорова Е. Н.
Ценностно-смысловое обеспечение подготовки студентов к анимационной деятельности в образовательном процессе педагогического вуза 38

Шишмолина Е. П.
Формирование иноязычной профессиональной компетенции в вузе технологией проектного обучения 42

ПОЛИТОЛОГИЯ

Рожнева С. С.
Функционирование национальных общественных объединений Республики Карелия как институтов гражданского общества на современном этапе 47

СОЦИОЛОГИЯ

Борисов А. Ф.
Концепция социальной сферы в современном социогуманитарном дискурсе 51

ФИЛОЛОГИЯ

Минеева З. И.
Деривация русских агентивов женского рода . . . 56

Макарова А. А.
Параллельные названия озер в гидронимии Белозерья и проблема языковых контактов 60

Кунильский А. Е.
О понятии «жизнь» в русской литературе XIX века 64

Мальчукова Т. Г.
К вопросу об источниках пушкинских морских образов 68

Чепиль А. Р., Дранникова Н. В.
Устные рассказы о встрече *ролевика* и *цивила*, бытующие в среде ролевого движения города Архангельска 75

Андрианова И. С.
Дневник А. Г. Достоевской: творческая история и проблема жанра 80

ФИЛОСОФИЯ

Борисов О. С.
Когнитивные процессы в социокультурном измерении 83

Щербаков В. П.
Символическая экономика современности: антропологические перспективы 89

Михайлова Л. В.
Новые Иерусалимы Русского Севера 93

ЭКОНОМИКА

Акулов В. Б.
Качество институциональной среды и конкурентоспособность экономики Севера 98

Левкин Н. В., Лаптев А. А.
Новые теоретические подходы к типологии социально-экономических систем 101

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Абрамов В. Г.
Объект экологического правонарушения: теоретические аспекты содержания и определения понятия 106

Бакунович А. В.
Международно-правовое регулирование процесса перемещения культурных ценностей через таможенную границу 111

Рецензии

Ефимова В. В.
Рец. на кн.: Воропанов В. А. Региональный фактор становления судебной системы Российской империи на Урале и в Западной Сибири (последняя треть XVIII – первая половина XIX вв.): историко-юридическое исследование 115

Гольденберг М. Л.
Рец. на кн.: Пашков А. М. Карельские просветители и краеведы XIX – начала XX века 117

Дискуссии

Поляков С. Н.
«Призрак бродит по Европе…» 118

Юбилей

К 50-летию А. В. Пигина 121

Contents 122

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2008 года

Требования к оформлению статей см.:
http://uchzap.petrsu.ru/files/req.pdf

Учредитель ФГБОУ ВПО «Петрозаводский государственный университет»

Редактор Г. А. Мехралиева. Корректор С. Л. Смирнова. Переводчик Н. К. Дмитриева. Верстка Е. О. Щукарев.

Подписано в печать 21.05.2012. Формат 60x90 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
10 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. (1-й завод – 130 экз.). Изд. № 122

Индекс 66094. Цена свободная.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-37987
от 2 ноября 2009 г. выд. Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Отпечатано в типографии Издательства Петрозаводского государственного университета
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

Май, № 3 **История** **2012**

УДК 94(470)(470.22)

ИРИНА АЛЕКСЕЕВНА РАЗУМОВА
доктор исторических наук, главный научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц-региона, Кольский научный центр РАН
irinarazumova@yandex.ru

ТЕМА ЭВАКУАЦИИ В БИОГРАФИЧЕСКИХ РАССКАЗАХ СТАРОЖИЛОВ ПЕТРОЗАВОДСКА

В статье рассматриваются устные рассказы об эвакуации в годы Великой Отечественной войны, записанные от жителей Петрозаводска. Рассказы содержат определенные исторические сведения и субъективные оценки процесса эвакуации как разновидности жизненного опыта. Выявляются структура и устойчивые мотивы рассказов, их информационный потенциал.

Ключевые слова: биографический рассказ, устная история, война, эвакуация, адаптация

Предметом нашего рассмотрения являются рассказы об эвакуации в годы Великой Отечественной войны, записанные от жителей г. Петрозаводска 1914–1932 годов рождения. Среди них «дети войны» и те, для которых военные годы совпали с периодом студенчества или началом трудовой деятельности. Состав информантов – 5 женщин и 2 мужчин. (См. список информантов. Мы приводим минимально необходимые сведения, сохраняя конфиденциальность, и используем сокращение: И – информант. Тексты находятся в электронном архиве сектора исторической и социальной антропологии ЦГП КНЦ РАН (г. Апатиты).) Шестеро из них – бывшие преподаватели. Записи были сделаны в 2004 году, трое информантов недавно ушли из жизни. Этой публикацией хочется отдать дань их памяти.

ОТЪЕЗД

Как известно, Петрозаводск был оккупирован частями финской Карельской армии 1 октября 1941 года. Эвакуационные мероприятия начали разрабатываться руководством с начала июля, когда была создана республиканская комиссия по эвакуации [6; 49]. В специальных и обобщающих работах, разделах учебных пособий, посвященных данному периоду истории Карелии и города Петрозаводска, речь идет в первую очередь об организационных мерах и демонтаже оборудования промышленных предприятий, их размещении на новых местах, о героическом труде работников транспорта – водников и железнодорожников. Эвакуации оборудования отдано очевидное предпочтение перед «человеческим фактором» [3; 601–604]. Приводятся статистические данные: к середине сентября 1941 года из города было эвакуировано около 53 тыс. жителей [8; 208].

Судя по имеющимся материалам, документальным, мемуарным и художественным, самым заметным эпизодом была эвакуация горожан в последние дни перед оккупацией Петрозаводска на баржах по Онежскому озеру, когда под бомбежками погибло много людей. В целом теме эвакуации уделяется скромное место в трудах по Великой Отечественной войне в Карелии. Приоритетными являются история боевых действий, сюжеты, связанные с оккупацией и судьбой ингерманландского населения [4], [5], [7], [9], [2]. В силу этого устные рассказы петрозаводчан, переживших эвакуацию, имеют немалый информационный потенциал. Они содержат не только ценный материал по истории повседневности военной эпохи, но и пропущенные сквозь биографический опыт и призму субъективных впечатлений и оценок подробности, связанные с конкретными фактами и обстоятельствами перемещения людей и семей в тыл из прифронтовых районов страны.

Субъективные оценки происходившего базируются на житейской логике, поэтому они не могут не корректировать официальную информацию. Так, согласно учебнику истории города, «перед отходом советские диверсионные группы вынуждены были уничтожить оборудование предприятий, до последних дней работавших на оборону, и ряд городских зданий» [8; 209]. По рассказу одной из наших информантов, «мы удивительно несерьезно все это делали. Это не мы, это они, которые руководили этим, вот, во-первых, они сразу за нашим отъездом все, что могли, здесь взорвали. Дворец пионеров зачем было взрывать? Гостиный двор, вот этот дом, взорвали сразу же, он был новенький, этот дом» (И3). Тут же рассказчица вспомнила о довоенном детстве, воспринимаемом в самых светлых тонах, о кружках Дворца пионеров, о родительском доме: «Вот у нас, например, было всего, не так чтобы очень огромно много, но все было исключительное. Например, у нас не было ни каких-то алюминиевых ложек, или еще каких-нибудь… но была деревянная ложка крупу насыпать и все. У нас все абсолютно было серебряное: все ложки, вилки, ножи, все абсолютно. <…> И вот война началась, все люди закрыли свои квартиры, и было сказано: “Мы уезжаем”». Разрушение города, отъезд в эвакуацию, прекращение детской жизни, вписанной

© Разумова И. А., 2012

в культурный ландшафт города, утрата налаженного быта и семейных реликвий соединяются в единый образ: «Нам не дали, война не дала дожить человеческую детскую жизнь. У нас хорошо все было, Дворец пионеров был, динамка была, где мы плавали, ныряли. Было очень хорошо… Это все разрушили, и все поехали кто куда» (И3).

Тема эвакуации закономерно связана с «женским» и «детским» текстами войны. Как представляется, она более свободна от внутренних запретов на рассказывание, которые характерны для фронтовых или «блокадных» сюжетов, историй о пребывании на оккупированной территории, особенно если оно повлекло за собой репрессии или сопряжено с тяжелыми эмоциональными переживаниями.

Эвакуация – это вынужденное и временное, то есть имеющее начало и конец (отъезд и возвращение), пребывание в чужом месте и в экстремальных условиях. Главное в рассказах – дорога в эвакуацию (в отличие от возвращения, о котором часто вообще не упоминалось) и описание образа жизни на новом месте, контрастирующего с обычными, нормативными условиями существования. Доминирует идея «выживания».

При всей повторяемости типовых мотивов и схем рассказы демонстрируют многообразие реальных ситуаций, в которых осуществлялась эвакуация. Уезжали организованно, иногда с участием сотрудников милиции, спасались бегством по личной инициативе или по совету знакомых. Были другие варианты. Например, И1 получила направление Министерства просвещения на работу в Красноярский край и добиралась туда самостоятельно. Большей частью эвакуировались с предприятием.

«Вот, а потом папа у нас работал начальником снабжения завода… “Северная точка” назывался завод. Там подводные лодки должны были строить, ну, вот, и он с первым составом оборудования уехал, потом вернулся, за вторым составом – опять уехал. Ну, вроде, не думала, что так быстро все это, но в августе мы уже подготовились к эвакуации, уже сидели на вокзале, вдруг нам приносят телеграмму, что езжайте в Горький, папа не может за нами приехать… и мы месяц жили в Горьком, с папой. А потом завод с оборудованием дальше, в Казахстан отправили, это Северо-Казахстанская область, город Петропавловск» (И7).

«В начале войны, в 1941 году, мы не смогли эвакуироваться с фабрикой, потому что отец был больной… Готовилась операция, но операцию не смогли сделать, потому что за время финны были уже в двадцати пяти километрах от города. Нас из города срочно эвакуировали, пришли четыре солдата и милиционер. Вместо баржи, которая шла от фабрики, от лыжной фабрики, нас выгнали из Петрозаводска на обыкновенной моторке» (И5).

«Просто сказали, объявили по радио: вот таким-то вот улицам идти на баржу такого-то числа, если не хотите остаться в плен, и все, конечно, пошли, и мы, конечно, пошли туда на набережную» (И3).

В одном из рассказов есть описание того, что происходило на петрозаводской набережной за несколько недель до оккупации города: «…мы вот вдвоем с мамой, значит, собрались, что с собой, ведь ничего не возьмешь: чемоданы, два-три чемоданчика… И вот полная пристань народа. Пароход ждем, что пароход нас возьмет и увезет, а что-то долго задержался, и мы тут толкались, много людей петрозаводских. Чемодан у меня с зимней одеждой украли сразу же. Ну, и вот началась погрузка, некоторые женщины хотели, чтобы тут, помню, кровать, знаете, тогда с шариками, тогда такие кровати были. Ну, вот и отказали ей. Говорят: “У нас людей некуда, а вы еще с кроватями здесь”. Ну, в общем, многие вещи оставались на пристани. Вот так сели, и полные трюмы, и мы попали только наверх, на палубу, так светлые тогда еще были, еще такие ночи, и так мы поплыли в Пудожский район, и туда эвакуированы были» (И1).

Обязательный момент рассказов, который не требовал дополнительных вопросов, – упоминание о взятых с собой вещах. Оно сопровождалось ретроспективной оценкой своего поведения и ситуации – правильно или неправильно собрались в дорогу, была ли возможность взять необходимое, как представляли себе сроки войны и, соответственно, возвращения и т. д.: «ну, мы все, что могли там взяли, из мебели, конечно, там тряпки, машину, там все, что наиболее ценное, взяли. Славик-то у нас уже был подростком, лишние руки» (И7); «у нас же здесь в городе все, осталась квартира полностью, со всем, со всем, мы с одним чемоданчиком уехали» (И5); «два чемодана и машину швейную и еще ведро с продуктами, какие продукты были: печенье, по-моему, только печенье и сахар. <…> И в этих чемоданах мы взяли совсем не то, что надо было взять, потом мы уже поняли, когда уже уехали из дома, мы поняли, что надо было другое совсем брать. Теплые вещи надо было брать, а мы думали, что мы вернемся, мы вернемся до зимы, мы вернемся. Война кончится, и мы вернемся. А было все у меня, и зимнее пальто, и у мамы все было. А было только с собой одно летнее мамино пальто, больше ничего, у меня только курточка» (И3).

Проблема теплой одежды обсуждалась практически во всех рассказах, очевидно, потому, что они представляют преимущественно женскую точку зрения с характерным вниманием к быту и установкой на самосохранение. Эвакуировались петрозаводчане в конце лета – начале осени, и холодная зима 1941/42 годов в Архангельской области, на севере Урала, в Коми крае или северном Казахстане оказалась одним из

первых серьезных испытаний переселенцев: «Господи, какие же морозы там были, по пятьдесят градусов, а одеть-то нечего. Господи, это-то вот надо же, у меня такая шубенка была на рыбьем меху, и были эти, потом уже что-то завернула там на ноги, сапоги, вот так вот, так я туда вот сувала» (И4); «я-то все-таки довольно легко эвакуировалась. Правда, не было одежды, пока первое, потеплее, чтоб такое мы достали, все ходила в шляпе и в осеннем пальто, а морозы сильные первые этот год были» (И1).

Отъезд в эвакуацию разделял сограждан на категории: уехавших и оставшихся. Сквозь призму времени, социального опыта и знаний рассказчиков судьба оставшихся в оккупации должна бы оцениваться скорее как достойная сожаления. Вместе с тем «оптика повседневности» задает иные формы размежевания: «Все было, а все пропало, ничего не осталось. Все здесь, можно сказать, что мародеры растащили. Те, кто не уехал из Петрозаводска, или сначала уехали, а потом с баржи спустились на берег и вернулись обратно в Петрозаводск, и не растерялись, сразу пошли по квартирам брать чужие вещи. Не все бы так бы сделали, я думаю, не все, наверное. Не знаю, конечно, но я думаю, не все. Потому что и мои родственники там были» (И3).

ДОРОГА

Подробное изложение пути «туда» характерно для эвакуационных рассказов. Перемещение, как правило, происходило поэтапно, часто со сменой мест пребывания. Так, многим из тех, кто первоначально эвакуировался в прифронтовые районы (Заонежье, Пудожский район), приходилось перебазироваться по мере приближения фронта: «Вот, и мы здесь, вот, слезли, в этом селе, в Семенове, в детском доме, в этом. <…> И здесь в этом селе… начинала я работу, так месяца два мы, пожалуй, там. А потом уже финны начали, знаете, налетать на наши, через озеро уже налеты были… нападения. Поэтому решили, что детский дом надо эвакуировать. И вот детский дом за семьдесят пять километров ближе к Архангельской, на грузовиках, нас посадили на грузовики, и семьдесят пять километров мы вот тут тряслись до Колодозера, такое место» (И1).

Одна из информантов эвакуировалась из небольшой деревни Прионежского района: «А война началась, это сорок первый год, мы все учителя, сколько нас было, вот все мы гурьбой, значит, отправились пешком. Сначала дошли до Шелтозера, потом мы дошли до… до Вытегры, пешком шли, пешком от села. Вот село, мы уходим – финны занимают, мы переправляемся на ту сторону Свири – а финны на этой стороне. И вот как-то так за нами, вот так, почти дошли до Вытегры, а там уже и до северного Урала. Там работала в школе» (И4).

«Неорганизованные» эвакуирующиеся старались добраться до родных мест или родственников: «Привезли нас до Сенной Губы. В Сенной Губе, значит, нас высадили и сказали: “Все, вы дальше, мы, значит, сейчас поедем, надо забрать еще народ”. <…> Мы четыре дня кое-как в Сенной Губе проболтались, есть нечего, хлеба кое-какой кусок достанешь, в общем, с первого дня мы сели на норму. Потом через четыре дня какая-то моторка пришла, нас все-таки до Типиниц добросили, до родины до моей» (И5).

Созданный незадолго до Великой Отечественной войны Петрозаводский университет был эвакуирован в Сыктывкар, где и работал весь период оккупации. Многие студенты университета ехали в Сыктывкар самостоятельно, поскольку лето проводили у родных. Добирались разными видами транспорта, нередко часть пути шли пешком, поскольку железная дорога до Сыктывкара не доходила: «Я в Пудож приехал, а там оказалось… еще пятеро ребят, уже старше еще курсом меня. И мы с Пудожа ждали, ждали машину. Там какая-то машина грузовая, в кузове, зимой, не помню, это декабрь был месяц, кажется. Холод, дорога отвратительная. Ну, мы доехали до Няндомы, в Няндоме купили билеты до Айкино, есть такая станция, не доезжая до Сыктывкара сто километров. Ну вот, приехали туда, в Айкино, и пешком сто с лишним километров шли по зимней дороге. В основном она шла или мимо реки, или по реке. Прибыли в Сыктывкар, там уже основная масса была преподавателей…» (И2).

Особенно ярки детские воспоминания. По рассказу одной из информантов, мама которой была студенткой, ее, десятилетнюю, близ той же станции Айкино ночью оставили в зимнем лесу «караулить вещи», пока взрослые ищут попутную машину. Вдруг она со страхом увидела приближающегося «медведя», которым оказался местный житель – коми в малице; он подошел и попытался заговорить с ней на коми языке, чем напугал не меньше. Следующим ее впечатлением от переезда была ночевка эвакуированных в одной комнате с большой группой заключенных, которые, как она теперь полагает, судя по их поведению и речи, были «политическими» (И6). Сама длительность пути, определявшаяся условиями военного времени, делала этот отрезок жизни событийно насыщенным, связанным и с непривычными условиями существования, и с узнаванием новых мест и людей.

НА НОВОМ МЕСТЕ

Эвакуация как любая разновидность миграции сопряжена с адаптацией человека к новому месту, обстоятельствам, окружению. Рассказы об эвакуации подчеркнуто этнографичны, поскольку сквозь призму времени передают восприятие чужого места, быта, социума. Перемена места жительства дает основания для сопостав-

лений. Так, одна из респонденток сравнила Петрозаводск своего детства с другими увиденными северными городами: «Таким образом, мы сразу познакомились с Белозерском там, не знаю, с Вытегрой, еще с чем, с Вологдой. Потом этот… Котлас. Не знаю, где Котлас… Между Архангельском и Вологдой. Потом самое замечательное у меня воспоминание – это город Вельск в Архангельской области. Это очень странный город. Не странный, я просто такого не видела. Петрозаводск – маленький город, но какой-то город он был. Тут был вечно шум, какие-то телеги ехали, кто-то там кого-то куда-то требовал, в общем, что-то тут шевелилось, в Петрозаводске. В связи еще с озером. Все-таки озеро большое, лодки шныряли, яхты ведь были, у моего дедушки тоже была яхта. <…> Итак, чем Вельск замечательный: церковь, маленький посад и тишина, все домики такие одинаковые, какие-то маленькие в городках домики, но городские, не деревня. И протекает тихая, тихая река. Абсолютно ни шума, ничего. Ни камешка, там нет ни камешка, вообще там песок, желтый песок, и такая желтая там протекает эта речка. Удивительно оригинальный городок» (И3).

На восприятие нового места с его природно-ландшафтными и этнографическими особенностями накладывается экстремальность обстоятельств: «Вот, когда папа ушел, нам было не под силу отапливать, а там уже начались морозы в Казахстане, морозы под сорок, пятьдесят градусов. Но как-то они воспринимались не так, сухой воздух очень… ветродуй такой, второй этаж, комнаты большие, отапливать не знаешь чем, потому что там с дровами, вообще, в Казахстане очень сложно было. <…> Ну, знаете, вот в Казахстане строят дома такие… мазанки, знаете, и навоз, солома и вот делают такие кирпичики, и из кирпичей вот этих, саманных… кизяк, наверное, правильно» (И7). «Никакого масла, никакого мяса, даже говорить об этом не… Мы просто забыли о существовании всех этих продуктов. Рыбу там вообще не знают. Может, в Вятке и ловят рыбу, но мы ее не видели» (И3).

По рассказам можно выявить знаковые отличия тех или иных регионов, населенных пунктов и их жителей в восприятии приезжих. Переселенцы из Карелии столкнулись с разными группами коми, манси и хантов, с казахами и представителями некоторых других народов, локальными типами русских на Урале и в Сибири. Характерна амбивалентность оценки местного населения, в том числе иноэтнической его части, в отношении к эвакуированным. Местные жители предстают и в роли спасителей, и в роли антагонистов.

«Вообще, говорили, что люди доброжелательные, которые принимали эвакуированных. Я бы не сказала. Ну, мое детское восприятие, ну, такое, что народ не очень казахи были доброжелательные. Они очень бедные были. За счет нас, эвакуированных, потом обогатились, можно сказать, все, что нам принадлежало, а тут даже обокрали» (И7).

«Картошка у местного населения была, и, конечно, было молоко. У них все-таки эти продукты были. Но там среди них было очень много староверов. У меня там тоже подружка была… Я как-то раз к ним прихожу, а она говорит: “Хочешь молока, я тебя угощу. Я боюсь, но я все-таки тебе налью”. Она наливает стакан себе и мне. Вот по столько молока наливает в стакан, а остальное добавляет абсолютно сырой воды. Вода из колодца. Наливает. Я бы, конечно, все выпила это молоко» (И3).

По рассказам эвакуированных в Коми, местные жители на базаре, «услышав русскую речь, убирали продукты под прилавок» (И4, И6), а когда мать одной из информантов повезла на саночках менять на еду вещи, ей не отпирали, лишь однажды из-за дверей спросили, нет ли швейной машины (И6). Разумеется, могли быть тексты и противоположного характера, но в наших материалах их не оказалось. В отношении культурно дистанцированных народов информанты использовали этнические стереотипы, касающиеся «некультурности», экзотичности поведения, «нечистоплотности» и т. п.: «Меня удивляли обычаи казахов… Слушайте, вот они, если заходишь в квартиру – у них очень грязно было всегда… Но то, что нам это дико было, как это так, где бы они ни были, они тут же справляют свою нужду» (И4).

Негативное отношение местных к приезжим может ассоциироваться с этническим или локальным типом характера. В целом же информанты-женщины старались воспроизвести сбалансированный, «объективный» текст, основанный на идее «все люди разные». Можно пронаблюдать, как в ходе интервью колеблются оценки одного и того же респондента; отчасти это реакция на формулировку вопроса собирателем, отчасти – внутренняя логика, направленная к известному равновесию: «Знаете что, к нам относились, вообще-то, если так по прямой, вот само местное население, так – вот мы приехали, и почему убежали, почему немцев там… А так вот которые люди-то пограмотнее, да так это, ну, нормально… Старики тоже, в принципе, к нам по-доброму» (И4). «Не очень относились, ну, местное население. Конечно, так, кто понимал, тот относился с добром, а кто нет, так. Там ведь в этой местности жили вогулы, жили зыряне. <…> А вогулы – это, наверно, тоже, как бы близкие. <…> Ну, я жила в семье вогулов… так вот, это, действительно, ведь добрые люди тоже водятся» (И4).

Противопоставление «местных» «эвакуированным» осуществляется главным образом на основе качественного различия в условиях вы-

живания. «Надо сказать, эвакуированные жили очень плохо, очень бедно. Местное-то население еще держалось, все-таки у них были и свои овощи. Вот. А эти, конечно, тут и умирало, и уходили дальше… Местное население ничего, а эти очень» (И1).

Особый аспект составляют взаимоотношения внутри сообщества самих эвакуированных. Их оценка, достаточно идеализирующая, почти однозначна (опирается на ключевые понятия – «взаимопомощь», «солидарность») и чрезвычайно актуальна для того поколения, к которому принадлежат информанты: «Там были ведь и с Ленинграда были эвакуированные учителя, были вот с Петрозаводска… ну, в общем, дружно было, очень дружно» (И4). «В смысле вот такого доброго отношения, вот, даже не местное население, хотя и там были добрые люди, конечно, а вот, эвакуированные помогали друг другу. Вот, помню, мама приходила, ну, стирать, приходилось на все идти, была там семья ленинградцев, блокадников. Они, видимо, сами пережив вот этот голод. А у нее муж работал на мясокомбинате, у этой женщины. И она где-то в конторе работала. Как-то познакомилась с мамой и приглашала ее то помыть, то убраться, она очень уставала, и то каких-нибудь косточек там даст, видимо, там работающим выделяли, я не знаю» (И7).

Взаимопомощь была характерна и для детей эвакуированных, которые, например, группой собирали школьные пайки, чтобы по очереди отнести домой немножко хлеба и леденцов (И6). Братство эвакуированных, по аналогии с фронтовым братством, призвано контрастировать с разобщением современных людей, которое болезненно переживается представителями старшего поколения. Ярко выражена «контрапрезентная» функция воспоминаний, критически направленных против настоящего положения дел [1; 83–91]. Вместе с тем есть и примеры того, как эвакуированные «боролись за существование» между собой: «Вот, ну, наконец, нам выделили какую-то комнату, но получилось так, что на эту квартиру или комнату, я уже не помню, были выделены два ордера. Один такой нахрапистый мужик, он, мы уже въехали, он: “Ничего подобного, это мне, значит, выписан ордер”. И выставил нас, и все. Ну, мама, что женщина может противостоять силе» (И7).

В рассматриваемых текстах ощутимо звучит и тема воровства. Конкретные сюжетные ситуации разнообразны: воровство при посадке на транспорт, кража вещей из оставленных квартир, дорожное воровство, кража еды в общежитии, хищение в частных домах, где жили эвакуированные. Ворами могут выступать остающиеся на оккупированной территории, местное население, маргиналы (неведомые попутчики), такие же эвакуированные.

В изложении повседневных обстоятельств жизни в эвакуации основное место отдано борьбе с голодом: добыванию пищи, нестандартным ее видам и способам приготовления. Сфокусированность на экстремальных бытовых обстоятельствах сближает данные тексты с рассказами о жизни на оккупированной территории и с блокадными сюжетами.

«В Обельщине тут уже мы попали на полный голод. В Обельщине ели мы мох, солому, березовые опилки – все. Клевер и щавель, все, что можно только. Березовые опилки, вот, например, пилим кряж толщиной двадцать сантиметров такой, финны заходят с обыском, говорит: “Что делаете? Игрушки детям пилите?” Отец покойничек говорит: “Да, игрушки, на, попробуй эту игрушку”. Он: “Ой, перкеле”. Понял, что это никуда не годится» (И5). (Семья все-таки оказалась на оккупированной территории, далее ее переместили уже в пределах оккупированной зоны, и эвакуацией информант называл оба перемещения.)

Спасителями от голода были люди, животные (корова, коза), вещи, которые можно было продать, обменять или использовать: «Мы совсем с одним чемоданчиком уехали. Но в деревне у матери там были станушки, да полотенца, ну, разная утварь там была. <…> Так что вот ходил я, менял хлеб… Там благодаря этому мы еще остались живы… В общем, кое-как вот тут пережили это. И нам помогло то, что у отца были куплены кукко сетей. Эти сети мы насадили, и вот этими сетями мы ловили рыбу» (И5).

Второе место в описаниях быта эвакуированных занимают жилищные условия. Так, у одной из информантов время, проведенное в эвакуации, отмеряется переменами жилья, периодические поиски которого составили основной сюжет повествования:

«Ну, мама стала просить, поскольку тоже далеко очень работала, от военкомата просить комнату, потому что там было полуподвальное помещение, что я не знаю, я не помню даже, были ли там окна… Нашла домик такой. А уже наступила зима, и такая довольно суровая. Домик, и печка, и кухня вместе одно целое, саманный домик, стены сплошь. В общем, на стенах иней. <…> Приходилось даже ему (брату. – *И. Р.*) и заборы ломать, потому что надо же уголь каменный чем-то разжечь. Никто не выписывает, ну, какое там выписывает, брошены на произвол судьбы, никому не было дела, как кто выживал… Как-то надо было прятать корову, ну, нельзя жить в таком сарае, корова на улице стоит. Нашли новую квартиру, хорошая хозяйка, прекрасная хозяйка все, нам такую чистенькую комнату дала. Ну необыкновенной доброты. <…> Пришла весна, у нее рухнула стена, подмыло водой домик, стена рухнула, пришлось

нам опять искать новую квартиру. Мы столько там квартир поменяли» (И7).

Адаптация к новому месту зависела от вида трудовой деятельности эвакуированных. Для большинства из них эвакуация была сопряжена со сменой или качественным изменением профессиональных занятий. Не успевшую закончить педучилище молодую девушку назначили преподавателем физкультуры и военного дела, она учила допризывников (И4); горожанка – учитель рисования стала директором сельского детского дома (И1). За единственным исключением наши информанты – преподаватели, и двое были ими уже во время войны, поэтому рассказы содержат характерные для учительских текстов подробности жизни учебных заведений.

В целом подобные рассказы – предмет междисциплинарных исследований. Историк может по достоинству оценить их информационные возможности в качестве устно-исторического источника. Как любые воспоминания, они прямо или косвенно соотносят прошлое и настоящее по определенным критериям, выявляют биографические траектории и ценностные ориентации представителей поколения. Анализ материала с социологической точки зрения помогает прояснить жизненные стратегии индивидов и групп, механизмы социальной адаптации к кризисным ситуациям. Обладая несомненной эвристической ценностью, эти тексты демонстрируют все многообразие субъективных смыслов происходившего. Наконец, как явление устной культуры они представляют известную традицию рассказывания о пережитых исторических обстоятельствах в их личностном измерении.

СПИСОК ИНФОРМАНТОВ

И1 – Ж., 1914 г. р., пенсионерка, образование высшее, преподаватель среднего специального учебного заведения.

И2 – М., 1921 г. р., пенсионер, образование высшее, преподаватель университета.

И3 – Ж., 1925 г. р., пенсионерка, образование высшее, учитель средней школы.

И4 – Ж., 1929 г. р., пенсионерка, образование среднее специальное, учитель начальных классов.

И5 – М., 1929 г. р., пенсионер, образование среднее, рабочий.

И6 – Ж., 1931 г. р., пенсионер, образование высшее, преподаватель среднего специального учебного заведения.

И7 – Ж., 1932 г. р., пенсионерка, образование высшее, преподаватель среднего специального учебного заведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
2. Веригин С. Г. Карелия в годы военных испытаний: Политическое и социально-экономическое положение Советской Карелии в период Второй мировой войны 1939–1945 гг. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2009. 544 с.
3. История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск: Периодика, 2001. 944 с.
4. Лайне А. Гражданское население Восточной Карелии под Финляндской оккупацией во Вторую мировую войну // Карелия, Заполярье и Финляндия в годы Второй мировой войны: Тез. докл. междунар. науч. конф. Петрозаводск, 1994. С. 41–43.
5. Макуров В. Г. Эвакуированное население Карелии на Европейском Севере России (1941–1945) // Карелия, Заполярье и Финляндия в годы Второй мировой войны: Тез. докл. междунар. науч. конф. Петрозаводск, 1994. С. 39.
6. Морозов К. А. Карелия в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Петрозаводск, 1983. 239 с.
7. Невалайнен П. Эвакуация ингерманландцев из Ленинградской области во Вторую мировую войну // Карелия, Заполярье и Финляндия в годы Второй мировой войны: Тез. докл. междунар. науч. конф. Петрозаводск, 1994. С. 40–41.
8. Филимончик С. Н., Гольденберг М. Л. История Петрозаводска: Учебное пособие. Петрозаводск: Карелия, 2003.
9. Makurov V. The Fate of the Finnish Inhabitants of the Territories Annexed by the USSR From Finland as a Result of the Winter War 1939–1940 // Historia Fenno-Ugrica. Congressus Primus Historiae Fenno-Ugricae. Vol. 2. Oulu, 1996. P. 65–70.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Май, № 3 **История** **2012**

УДК 94(100) <1939–1945>

ЕЛЕНА СПАРТАКОВНА СЕНЯВСКАЯ
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт российской истории РАН (г. Москва)
senyavsky@mtu-net.ru

ЖЕНЩИНЫ ОСВОБОЖДЕННОЙ ЕВРОПЫ ГЛАЗАМИ СОВЕТСКИХ СОЛДАТ И ОФИЦЕРОВ (1944–1945 ГОДЫ)

В статье показано, какое место в восприятии других народов и культур, в складывании устойчивых этнопсихологических стереотипов занимал образ европейских женщин, формировавшийся в сознании советских военнослужащих на заключительном этапе Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Красная армия, Европа, Германия, женщины, этнопсихологические стереотипы, традиционное поведение, национальный менталитет

На завершающем этапе Великой Отечественной войны, освободив оккупированную немцами и их сателлитами советскую территорию и преследуя отступающего противника, Красная армия перешла государственную границу СССР. С этого момента начался ее победоносный путь по странам Европы – и тем, которые шесть лет томились под фашистской оккупацией, и тем, кто выступал в этой войне союзником III Рейха, и по территории самой гитлеровской Германии. В ходе этого продвижения на Запад и неизбежных разнообразных контактов с местным населением советские военнослужащие, никогда ранее не бывавшие за пределами собственной страны, получили немало новых, весьма противоречивых впечатлений о представителях других народов и культур, из которых в дальнейшем складывались этнопсихологические стереотипы восприятия ими европейцев. Среди этих впечатлений важнейшее место занимал образ европейских женщин. Упоминания, а то и подробные рассказы о них встречаются в письмах и дневниках, на страницах воспоминаний многих участников войны, где чаще всего чередуются лиричные и циничные оценки и интонации.

Первой европейской страной, в которую в августе 1944 года вступила Красная армия, была Румыния. В «Записках о войне» поэта-фронтовика Бориса Слуцкого мы находим весьма откровенные строки: «Внезапная, почти столкнутая в море, открывается Констанца. Она почти совпадает со средней мечтой о счастье и о “после войны”. Рестораны. Ванные. Кровати с чистым бельем. Лавки с рептильными продавцами. И – женщины, нарядные городские женщины – девушки Европы – первая дань, взятая нами с побежденных…» [18; 174]. Далее он описывает свои первые впечатления от «заграницы»: «Европейские парикмахерские, где мылят пальцами и не моют кисточки, отсутствие бани, умывание из таза, “где сначала грязь с рук остается, а потом лицо моют”, перины вместо одеял – из отвращения, вызываемого бытом, делались немедленные обобщения… В Констанце мы впервые встретились с борделями… Первые восторги наших перед фактом существования свободной любви быстро проходят. Сказывается не только страх перед заражением и дороговизна, но и презрение к самой возможности купить человека… Многие гордились былями типа: румынский муж жалуется в комендатуру, что наш офицер не уплатил его жене договоренные полторы тысячи лей. У всех было отчетливое сознание: “У нас это невозможно”… Наверное, наши солдаты будут вспоминать Румынию как страну сифилитиков...». Б. Слуцкий делает вывод, что именно в Румынии, этом европейском захолустье, «наш солдат более всего ощущал свою возвышенность над Европой» [18; 46–48].

Другой советский офицер, подполковник ВВС Федор Смольников 17 сентября 1944 года записал в своем дневнике впечатления о Бухаресте: «Гостиница Амбасадор, ресторан, нижний этаж. Я вижу, как гуляет праздная публика, ей нечего делать, она выжидает. На меня смотрят как на редкость. “Русский офицер!!!” Я очень скромно одет, больше, чем скромно. Пусть. Мы все равно будем в Будапеште. Это так же верно, как то, что я в Бухаресте. Первоклассный ресторан. *Публика разодета, красивейшие румынки лезут глазами вызывающе.* Ночуем в первоклассной гостинице. Бурлит столичная улица. Музыки нет, публика ждет. Столица, черт ее возьми! Не буду поддаваться рекламе…» (здесь и далее курсив в цитатах наш. – *Е. С.*) [19; 228–229].

В Венгрии советская армия столкнулась не только с вооруженным сопротивлением, но и с коварными ударами в спину со стороны населения, когда «убивали по хуторам пьяных и отставших одиночек» и топили в силосных ямах. Однако «женщины, не столь развращенные, как румынки, уступали с постыдной легкостью… Немножко любви, немножко беспутства, а больше всего, конечно, помог страх» [18; 110, 107]. Приводя слова одного венгерского адвоката: «Очень хорошо, что русские так любят детей. Очень плохо, что они так любят женщин», Борис Слуцкий комментирует: «Он не учитывал,

© Сенявская Е. С., 2012

что женщины-венгерки тоже любили русских, что наряду с темным страхом, раздвигавшим колени матрон и матерей семейств, были ласковость девушек и отчаянная нежность солдаток, отдававшихся убийцам своих мужей» [18; 177].

Григорий Чухрай в своих воспоминаниях описывал такой случай в Венгрии. Его часть расквартировалась в одном местечке. Хозяева дома, где расположился он сам с бойцами, во время застолья «под действием русской водки расслабились и признались, что прячут на чердаке свою дочку». Советские офицеры возмутились: «За кого вы нас принимаете? Мы не фашисты!» «Хозяева устыдились, и вскоре за столом появилась сухощавая девица, по имени Марийка, которая жадно принялась за еду. Потом, освоившись, она стала кокетничать и даже задавать нам вопросы… К концу ужина все были настроены доброжелательно и пили за “боротшаз” (дружбу). Марийка поняла этот тост уж слишком прямолинейно. Когда мы легли спать, она появилась в моей комнате в одной нижней рубашке. Я как советский офицер сразу сообразил: готовится провокация. “Они рассчитывают, что я соблазнюсь на прелести Марийки, и поднимут шум. Но я не поддамся на провокацию”, – подумал я. Да и прелести Марийки меня не прельщали – я указал ей на дверь.

На следующее утро хозяйка, ставя на стол еду, грохотала посудой. “Нервничает. Не удалась провокация!” – подумал я. Этой мыслью я поделился с нашим переводчиком венгром. Он расхохотался.

– Никакая это не провокация! Тебе выразили дружеское расположение, а ты им пренебрег. Теперь тебя в этом доме за человека не считают. Тебе надо переходить на другую квартиру!

– А зачем они прятали дочь на чердаке?

– Они боялись насилия. У нас принято, что девушка, прежде чем войти в брак, с одобрения родителей может испытать близость со многими мужчинами. У нас говорят: кошку в завязанном мешке не покупают...» [20; 258–259].

У молодых, физически здоровых мужчин была естественная тяга к женщинам. Но легкость европейских нравов кого-то из советских бойцов развращала, а кого-то, напротив, убеждала в том, что отношения не должны сводиться к простой физиологии. Сержант Александр Родин записал свои впечатления о посещении – из любопытства! – публичного дома в Будапеште, где его часть стояла какое-то время после окончания войны: «…После ухода возникло отвратительное, постыдное ощущение лжи и фальши, из головы не шла картина явного, откровенного притворства женщины... Интересно, что подобный неприятный осадок от посещения публичного дома остался не только у меня, юнца, воспитанного к тому же на принципах типа “не давать поцелуя без любви”, но и у большинства наших солдат, с кем приходилось беседовать... Примерно в те же дни мне пришлось беседовать с одной красивенькой мадьяркой (она откуда-то знала русский язык). На ее вопрос, понравилось ли мне в Будапеште, я ответил, что понравилось, только вот смущают публичные дома. «Но – почему?» – спросила девушка. Потому что это противоестественно, дико, – объяснял я: – женщина берет деньги и следом за этим, тут же начинает “любить!” Девушка подумала какое-то время, потом согласно кивнула и сказала: “Ты прав: брать деньги *вперед* некрасиво”…» [16; 127].

Иные впечатления оставила о себе Польша. По свидетельству поэта Давида Самойлова, «в Польше держали нас в строгости. Из расположения улизнуть было сложно. А шалости сурово наказывались» [17; 67]. И приводит впечатления от этой страны, где единственным позитивным моментом выступала красота польских женщин. «Не могу сказать, что Польша сильно понравилась нам, – писал он. – Тогда в ней не встречалось мне ничего шляхетского и рыцарского. Напротив, все было мещанским, хуторянским – и понятия, и интересы. Да и на нас в восточной Польше смотрели настороженно и полувраждебно, стараясь содрать с освободителей что только возможно. Впрочем, *женщины были утешительно красивы и кокетливы, они пленяли нас обхождением, воркующей речью, где все вдруг становилось понятно, и сами пленялись порой грубоватой мужской силой или солдатским мундиром*. И бледные отощавшие их прежние поклонники, скрипя зубами, до времени уходили в тень...» [17; 70–71].

Но не все оценки польских женщин выглядели столь романтично. 22 октября 1944 года младший лейтенант Владимир Гельфанд записал в своем дневнике: «Вдали вырисовывался оставленный мною город с польским названием (Владов. – *Е. С.*), *с красивыми полячками, гордыми до омерзения*. <…> Мне рассказывали о польских женщинах: те заманивали наших бойцов и офицеров в свои объятья, и когда доходило до постели, отрезали половые члены бритвой, душили руками за горло, царапали глаза. Безумные, дикие, безобразные самки! С ними надо быть осторожней и не увлекаться их красотой. А полячки красивы, мерзавки» [13]. Впрочем, есть в его записях и иные настроения. 24 октября он фиксирует такую встречу: «Сегодня спутницами мне к одному из сел оказались красивые полячки-девушки. Они жаловались на отсутствие парней в Польше. Тоже называли меня “паном”, но были неприкосновенны. Я одну из них похлопал по плечу нежно, в ответ на ее замечание о мужчинах, и утешил мыслью об открытой для нее дороге в Россию – там-де много мужчин. Она поспешила отойти в сторону, а на мои слова ответила, что и здесь мужчины для нее найдутся. Попрощались по-

жатием руки. Так мы и не договорились, а славные девушки, хоть и полечки» [13]. Еще через месяц, 22 ноября, он записал свои впечатления о первом встретившемся ему крупном польском городе Минске-Мазовецком, и среди описания архитектурных красот и поразившего его количества велосипедов у всех категорий населения особое место уделяет горожанкам: «Шумная праздная толпа, *женщины, как одна, в белых специальных шляпах, видимо, от ветра надеваемых, которые делают их похожими на сорок и удивляют своей новизной.* Мужчины в треугольных шапках, в шляпах, – толстые, аккуратные, пустые. Сколько их! <…> *Крашеные губки, подведенные брови, жеманство, чрезмерная деликатность.* Как это не похоже на естественную жизнь человечью. Кажется, что люди сами живут и движутся специально лишь ради того, чтобы на них посмотрели другие, и все исчезнут, когда из города уйдет последний зритель…» [13].

Не только польские горожанки, но и селянки оставляли о себе сильное, хотя и противоречивое впечатление. «Поражало жизнелюбие поляков, переживших ужасы войны и немецкой оккупации, – вспоминал Александр Родин. – Воскресный день в польском селе. *Красивые, элегантные, в шелковых платьях и чулках женщины-польки, которые в будни – обычные крестьянки, сгребают навоз, босые, неутомимо работают по хозяйству. Пожилые женщины тоже выглядят свежо и молодо. Хотя есть и черные рамки вокруг глаз...»* [16; 110]. Далее он цитирует свою дневниковую запись от 5 ноября 1944 года: «Воскресенье, жители все разодеты. Собираются друг к другу в гости. Мужчины в фетровых шляпах, галстуках, джемперах. *Женщины в шелковых платьях, ярких, неношеных чулках. Розовощекие девушки – "паненки". Красиво завитые белокурые прически...* Солдаты в углу хаты тоже оживлены. Но кто чуткий, заметит, что это – болезненное оживление. Все повышенно громко смеются, чтобы показать, что это им нипочем, даже ничуть не задевает, и не завидно ничуть. А что мы, хуже их? Черт ее знает, какое это счастье – мирная жизнь! Ведь совсем не видел ее на гражданке!» [16; 122–123]. Его однополчанин сержант Николай Нестеров в тот же день записал в своем дневнике: «Сегодня выходной, поляки, красиво одетые, собираются в одной хате и сидят парочками. Даже както не по себе становится. Разве я не сумел бы посидеть так?..» [16; 123].

Куда беспощаднее в своей оценке «европейских нравов», напоминающих «пир во время чумы», военнослужащая Галина Ярцева. 24 февраля 1945 года она писала с фронта подруге: «…если б была возможность, можно б было выслать чудесные посылки их трофейных вещей. Есть кое-что. Это бы нашим разутым и раздетым. *Какие города я видела, каких мужчин и женщин. И глядя на них, тобой овладевает такое зло, такая ненависть! Гуляют, любят, живут, а их идешь и освобождаешь.* Они же смеются над русскими – "Швайн!" Да, да! Сволочи... Не люблю никого, кроме СССР, кроме тех народов, кои живут у нас. Не верю ни в какие дружбы с поляками и прочими литовцами...» [9].

В Австрии, куда советские войска ворвались весной 1945 года, они столкнулись с «повальной капитуляцией»: «Целые деревни оглавлялись белыми тряпками. Пожилые женщины поднимали кверху руки при встрече с человеком в красноармейской форме» [18; 125]. Именно здесь, по словам Б. Слуцкого, солдаты «дорвались до белобрысых баб». При этом «австрийки не оказались чрезмерно неподатливыми. Подавляющее большинство крестьянских девушек выходило замуж "испорченными". Солдаты-отпускники чувствовали себя, как у Христа за пазухой. В Вене наш гид, банковский чиновник, удивлялся настойчивости и нетерпеливости русских. Он полагал, что галантности достаточно, чтобы добиться у венки всего, чего хочется» [18; 127–128]. То есть дело было не только в страхе, но и в неких особенностях национального менталитета и традиционного поведения.

И вот наконец Германия. И женщины врага – матери, жены, дочери, сестры тех, кто с 1941 по 1944 год глумился над гражданским населением на оккупированной территории СССР. Какими же увидели их советские военнослужащие? Внешний вид немок, идущих в толпе беженцев, описан в дневнике Владимира Богомолова: «Женщины – старые и молодые – в шляпках, в платках тюрбаном и просто навесом, как у наших баб, в нарядных пальто с меховыми воротниками и в трепаной, непонятного покроя одежде. *Многие женщины идут в темных очках, чтобы не щуриться от яркого майского солнца и тем предохранить лицо от морщин...»* [12]. Лев Копелев вспоминал о встрече в Алленштайне с эвакуированными берлинками: «На тротуаре две женщины. Замысловатые шляпки, у одной даже с вуалью. Добротные пальто, и сами гладкие, холеные» [14]. И приводил солдатские комментарии в их адрес: «курицы», «индюшки», «вот бы такую гладкую…»

Как же вели себя немки при встрече с советскими войсками? В донесении зам. начальника Главного Политического управления Красной армии Шикина в ЦК ВКП(б) Г. Ф. Александрову от 30 апреля 1945 года об отношении гражданского населения Берлина к личному составу войск Красной армии говорилось: «Как только наши части занимают тот или иной район города, жители начинают постепенно выходить на улицы, почти все они имеют на рукавах белые повязки. При встрече с нашими военнослужащими многие женщины поднимают руки вверх, пла-

чут и трясутся от страха, но как только убеждаются в том, что бойцы и офицеры Красной армии совсем не те, как им рисовала их фашистская пропаганда, этот страх быстро проходит, все больше и больше населения выходит на улицы и предлагает свои услуги, всячески стараясь подчеркнуть свое лояльное отношение к Красной армии» [4].

Наибольшее впечатление на победителей произвела покорность и расчетливость немок. В этой связи стоит привести рассказ минометчика Н. А. Орлова, потрясенного поведением немок в 1945 году: «Никто в минбате не убивал гражданских немцев. Наш особист был “германофил”. Если бы такое случилось, то реакция карательных органов на подобный эксцесс была бы быстрой. По поводу насилия над немецкими женщинами. Мне кажется, что некоторые, рассказывая о таком явлении, немного “сгущают краски”. У меня на памяти пример другого рода. Зашли в какой-то немецкий город, разместились в домах. Появляется “фрау”, лет 45, и спрашивает “гера коменданта”. Привели ее к Марченко. Она заявляет, что является ответственной по кварталу и собрала 20 немецких женщин для сексуального (!!!) обслуживания русских солдат. Марченко немецкий язык понимал, а стоявшему рядом со мной замполиту Долгобородову я перевел смысл сказанного немкой. Реакция наших офицеров была гневной и матерной. Немку прогнали, вместе с ее готовым к обслуживанию “отрядом”. Вообще немецкая покорность нас ошеломила. Ждали от немцев партизанской войны, диверсий. Но для этой нации порядок – “Орднунг” – превыше всего. Если ты победитель – то они “на задних лапках”, причем осознанно и не по принуждению. Вот такая психология...» [7].

Аналогичный случай приводит в своих военных записках Давид Самойлов: «В Арендсфельде, где мы только что расположились, явилась небольшая толпа женщин с детьми. Ими предводительствовала огромная усатая немка лет пятидесяти – фрау Фридрих. Она заявила, что является представительницей мирного населения и просит зарегистрировать оставшихся жителей. Мы ответили, что это можно будет сделать, как только появится комендатура.

– Это невозможно, – сказала фрау Фридрих. – Здесь женщины и дети. Их надо зарегистрировать.

Мирное население воплем и слезами подтвердило ее слова.

Не зная, как поступить, я предложил им занять подвал дома, где мы разместились. И они успокоенные спустились в подвал и стали там размещаться в ожидании властей.

– Герр комиссар, – благодушно сказала мне фрау Фридрих (я носил кожаную куртку). – Мы понимаем, что у солдат есть маленькие потребности. Они готовы, – продолжала фрау Фридрих, – выделить им нескольких женщин помоложе для…

Я не стал продолжать разговор с фрау Фридрих» [17].

После общения с жительницами Берлина 2 мая 1945 года Владимир Богомолов записал в дневнике: «Входим в один из уцелевших домов. Все тихо, мертво. Стучим, просим открыть. Слышно, что в коридоре шепчутся, глухо и взволнованно переговариваются. Наконец дверь открывается. Сбившиеся в тесную группу женщины без возраста испуганно, низко и угодливо кланяются. Немецкие женщины нас боятся, им говорили, что советские солдаты, особенно азиаты, будут их насиловать и убивать... Страх и ненависть на их лицах. Но иногда кажется, что им нравится быть побежденными, – настолько предупредительно их поведение, так умильны их улыбки и сладки слова. В эти дни в ходу рассказы о том, как наш солдат зашел в немецкую квартиру, попросил напиться, а немка, едва его завидела, легла на диван и сняла трико» [12].

«Все немки развратны. Они ничего не имеют против того, чтобы с ними спали» [10] – такое мнение бытовало в советских войсках и подкреплялось не только многими наглядными примерами, но и их неприятными последствиями, которые вскоре обнаружили военные медики.

Директива Военного совета 1-го Белорусского фронта № 00343/Ш от 15 апреля 1945 года гласила: «За время пребывания войск на территории противника резко возросли случаи венерических заболеваний среди военнослужащих. Изучение причин такого положения показывает, что среди немцев широко распространены венерические заболевания. *Немцы перед отступлением, а также сейчас, на занятой нами территории, стали на путь искусственного заражения сифилисом и триппером немецких женщин с тем, чтобы создать крупные очаги для распространения венерических заболеваний среди военнослужащих Красной армии»* [1].

Военный совет 47-й армии 26 апреля 1945 года сообщал, что «в марте месяце число венерических заболеваний среди военнослужащих возросло по сравнению с февралем с. г. в четыре раза. *...Женская часть населения Германии в обследованных районах поражена на 8–15 %.* Имеются случаи, когда противником специально оставляются больные венерическими болезнями женщины-немки для заражения военнослужащих» [2].

Для реализации Постановления Военного совета 1-го Белорусского фронта № 056 от 18 апреля 1945 года по предупреждению венерических заболеваний в войсках 33-й армии была выпущена листовка следующего содержания:

«Товарищи военнослужащие!

Вас соблазняют немки, мужья которых обошли все публичные дома Европы, заразились сами и заразили своих немок.

Перед вами и те немки, которые специально оставлены врагами, чтобы распространять венерические болезни и этим выводить воинов Красной армии из строя.

Надо понять, что близка наша победа над врагом и что скоро вы будете иметь возможность вернуться к своим семьям.

Какими же глазами будет смотреть в глаза близким тот, кто привезет заразную болезнь?

Разве можем мы, воины героической Красной армии, быть источником заразных болезней в нашей стране? НЕТ! Ибо моральный облик воина Красной армии должен быть так же чист, как облик его Родины и семьи!» [6].

Практичных немцев больше всего волновал вопрос о снабжении продовольствием, ради него они готовы были буквально на все. Так, некий доктор медицины Калистурх в разговоре со своими коллегами по вопросу отношения Красной армии к немецкому населению заявил: «Нельзя скрывать, что я лично видел нехорошее отношение отдельных русских солдат к нашим женщинам, но я говорил, что в этом виновата война, а самое главное то, что наши солдаты, и особенно эсэсовцы, вели себя по отношению к русским женщинам гораздо хуже. – И тут же без перехода добавил: – Меня очень волновал продовольственный вопрос…» [5].

Даже в воспоминаниях Льва Копелева, с гневом описывающего факты насилия и мародерства советских военнослужащих в Восточной Пруссии, встречаются строки, отражающие другую сторону «отношений» с местным населением: «Рассказывали о покорности, раболепстве, заискивании немцев: вот, мол, они какие, за буханку хлеба и жен и дочерей продают» [14]. Брезгливый тон, каким Копелев передает эти «рассказы», подразумевает их недостоверность. Однако они подтверждаются многими источниками.

Владимир Гельфанд описал в дневнике свои ухаживания за немецкой девушкой (запись сделана через полгода после окончания войны, 26 октября 1945 года, но все равно весьма характерна): «Хотелось вдоволь насладиться ласками хорошенькой Маргот – одних поцелуев и объятий было недостаточно. Ожидал большего, но не смел требовать и настаивать. Мать девушки осталась довольна мною. Еще бы! На алтарь доверия и расположения со стороны родных мною были принесены конфеты и масло, колбаса, дорогие немецкие сигареты. Уже половины этих продуктов достаточно, чтобы иметь полнейшее основание и право что угодно творить с дочерью на глазах матери, и та ничего не скажет против. Ибо продукты питания сегодня дороже даже жизни, и даже такой юной и милой чувственницы, как нежная красавица Маргот» [13].

Интересные дневниковые записи оставил австралийский военный корреспондент Осмар Уайт, который в 1944–1945 годах находился в Европе в рядах 3-й американской армии под командованием Джорджа Патона. Вот что он записал в Берлине в мае 1945 года, буквально через несколько дней после окончания штурма: «Я прошелся по ночным кабаре, начав с “Фемины” возле Потсдаммерплатц. Был теплый и влажный вечер. В воздухе стоял запах канализации и гниющих трупов. Фасад “Фемины” был покрыт футуристическими картинками обнаженной натуры и объявлениями на четырех языках. Танцевальный зал и ресторан были заполнены русскими, британскими и американскими офицерами, сопровождавшими женщин (или охотящимися за ними). Бутылка вина стоила 25 долларов, гамбургер из конины и картошки – 10 долларов, пачка американских сигарет – умопомрачительные 20 долларов. *Щеки берлинских женщин были нарумянены, а губы накрашены так, что казалось, что это Гитлер выиграл войну. Многие женщины были в шелковых чулках.* Дама-хозяйка вечера открыла концерт на немецком, русском, английском и французском языках. Это спровоцировало колкость со стороны капитана русской артиллерии, сидевшего рядом со мной. Он наклонился ко мне и сказал на приличном английском: “Такой быстрый переход от национального к интернациональному! Бомбы RAF – отличные профессора, не так ли?”» [21].

Общее впечатление от европейских женщин, сложившееся у советских военнослужащих, – холеные и нарядные (в сравнении с измученными войной соотечественницами в полуголодном тылу, на освобожденных от оккупации землях, да и с одетыми в застиранные гимнастерки фронтовыми подругами), доступные, корыстные, распущенные либо трусливо покорные. Исключением стали югославки и болгарки. Суровые и аскетичные югославские партизанки воспринимались как товарищи по оружию и считались неприкосновенными. А учитывая строгость нравов в югославской армии, «партизанские девушки, наверное, смотрели на ППЖ (походно-полевых жен. – *Е. С.*), как на существа особенного, скверного сорта» [18; 99]. О болгарках Борис Слуцкий вспоминал так: «После украинского благодушия, после румынского разврата суровая недоступность болгарских женщин поразила наших людей. Почти никто не хвастался победами. Это была единственная страна, где офицеров на гулянье сопровождали очень часто мужчины, почти никогда – женщины. Позже болгары гордились, когда им рассказывали, что русские собираются вернуться в Болгарию за невестами – единственными в мире, оставшимися чистыми и нетронутыми» [18; 71].

Приятное впечатление оставили о себе чешские красавицы, радостно встречавшие совет-

ских солдат-освободителей. Смущенные танкисты с покрытых маслом и пылью боевых машин, украшенных венками и цветами, говорили между собой: «Нечто танк невеста, чтоб его убирать. А их девчата, знай себе, нацепляют. Хороший народ. Такого душевного народа давно не видел…» Дружелюбие и радушие чехов было искренним. « – Если бы это было можно, я перецеловала бы всех солдат и офицеров Красной армии за то, что они освободили мою Прагу, – под общий дружный и одобрительный смех сказала… работница пражского трамвая» [15; 439], – так описывал атмосферу в освобожденной чешской столице и настроения местных жителей 11 мая 1945 года Борис Полевой.

Но в остальных странах, через которые прошла армия победителей, женская часть населения не вызывала к себе уважения. «В Европе женщины сдались, изменили раньше всех… – писал Б. Слуцкий. – Меня всегда потрясала, сбивала с толку, дезориентировала легкость, позорная легкость любовных отношений. Порядочные женщины, безусловно, бескорыстные, походили на проституток – торопливой доступностью, стремлением избежать промежуточные этапы, неинтересом к мотивам, толкающим мужчину на сближение с ними. Подобно людям, из всего лексикона любовной лирики узнавшим три похабных слова, они сводили все дело к нескольким телодвижениям, вызывая обиду и презрение у самых желторотых из наших офицеров… Сдерживающими побуждениями служили совсем не этика, а боязнь заразиться, страх перед оглаской, перед беременностью» [18; 177–178], – и добавлял, что в условиях завоевания «всеобщая развращенность покрыла и скрыла особенную женскую развращенность, сделала ее невидной и нестыдной» [18; 180].

Впрочем, среди мотивов, способствовавших распространению «международной любви», невзирая на все запреты и суровые приказы советского командования, было еще несколько: женское любопытство к “экзотическим” любовникам и невиданная щедрость русских к объекту своих симпатий, выгодно отличавшая их от прижимистых европейских мужчин.

Младший лейтенант Даниил Златкин в самом конце войны оказался в Дании, на острове Борнгольм. В своем интервью он рассказывал, что интерес русских мужчин и европейских женщин друг к другу был обоюдный: «Мы не видели женщин, а надо было… А когда в Данию приехали… это свободно, пожалуйста. Они хотели проверить, испытать, попробовать русского человека, что это такое, как это, и вроде получалось получше, чем у датчан. Почему? Мы были бескорыстны и добры… Я дарил коробку конфет в полстола, я дарил 100 роз незнакомой женщине… ко дню рождения…» [8].

При этом мало кто помышлял о серьезных отношениях, о браке, ввиду того, что советское руководство четко обозначило свою позицию в этом вопросе. В Постановлении Военного совета 4-го Украинского фронта от 12 апреля 1945 года говорилось: «1. Разъяснить всем офицерам и всему личному составу войск фронта, что брак с женщинами-иностранками является незаконным и категорически запрещается. 2. О всех случаях вступления военнослужащих в брак с иностранками, а равно о связях наших людей с враждебными элементами иностранных государств доносить немедленно по команде для привлечения виновных к ответственности за потерю бдительности и нарушение советских законов» [11]. Директивное указание начальника Политуправления 1-го Белорусского фронта от 14 апреля 1945 года гласило: «По сообщению начальника Главного управления кадров НКО, в адрес Центра продолжают поступать заявления от офицеров действующей армии с просьбой санкционировать браки с женщинами иностранных государств (польками, болгарками, чешками и др.). Подобные факты следует рассматривать как притупление бдительности и притупление патриотических чувств. Поэтому необходимо в политико-воспитательной работе обратить внимание на глубокое разъяснение недопустимости подобных актов со стороны офицеров Красной армии. Разъяснить всему офицерскому составу, не понимающему бесперспективность таких браков, нецелесообразность женитьбы на иностранках, вплоть до прямого запрещения, и не допускать ни одного случая» [3].

И женщины не тешили себя иллюзиями относительно намерений своих кавалеров. «В начале 1945 года даже самые глупые венгерские крестьяночки не верили нашим обещаниям. Европеянки уже были осведомлены о том, что нам запрещают жениться на иностранках, и подозревали, что имеется аналогичный приказ также и о совместном появлении в ресторане, кино и т. п. Это не мешало им любить наших ловеласов, но придавало этой любви сугубо “оуайдумный” (плотский. – *Е. С.*) характер» [18; 180–181], – писал Б. Слуцкий.

В целом следует признать, что образ европейских женщин, сформировавшийся у воинов Красной армии в 1944–1945 годах, за редким исключением оказался весьма далек от страдальческой фигуры с закованными в цепи руками, с надеждой взирающей с советского плаката «Европа будет свободной!».

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 11-01-00363а.

ИСТОЧНИКИ

1. Директива Военного Совета 1-го Белорусского фронта № 00343/Ш от 15 апреля 1945 г. о мерах по предупреждению случаев венерических заболеваний среди военнослужащих // Богомолов В. О. Жизнь моя, иль ты приснилась мне?.. // Наш современник. 2005. № 10–12; 2006. № 1 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://militera.lib.ru/prose/russian/bogomolov_vo/02.html
2. Директива Военного совета 47-й армии командиру и начальнику политотдела 77-го стрелкового корпуса от 26 апреля 1945 г. // Богомолов В. О. Жизнь моя, иль ты приснилась мне?.. // Наш современник. 2005. № 10–12; 2006. № 1 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://militera.lib.ru/prose/russian/bogomolov_vo/02.html
3. Директивное указание нач. Политуправления 1-го Белорусского фронта генерал-лейтенанта Галаджева от 14 апреля 1945 г. // Богомолов В. О. Жизнь моя, иль ты приснилась мне?.. // Наш современник. 2005. № 10–12; 2006. № 1 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://militera.lib.ru/prose/russian/bogomolov_vo/04.html
4. Донесение зам. начальника Главного Политического управления Красной Армии Шикина в ЦК ВКП(б) Г. Ф. Александрову от 30 апреля 1945 г. об отношении гражданского населения Берлина к личному составу войск Красной Армии // Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 125. Д. 321. Л. 10–12.
5. Донесение И. Серова Л. П. Берии от 4.06.1945 г. о проведенной работе за май месяц по обеспечению населения г. Берлина // Государственный архив Российской Федерации. Ф. р-9401. Оп. 2. Д. 96. Л. 203.
6. Донесение начальника отд. агитации и пропаганды подполковника Рутэс начальнику политотдела 33-й армии от 27 апреля 1945 г. о программе реализации Постановления Военного Совета 1-го Белорусского фронта № 056 от 18 апреля 1945 г. по предупреждению венерических заболеваний в войсках армии // Богомолов В. О. Жизнь моя, иль ты приснилась мне?.. // Наш современник. 2005. № 10–12; 2006. № 1 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://militera.lib.ru/prose/russian/bogomolov_vo/02.html
7. Интервью Н. А. Орлова [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.iremember.ru/minometchiki/orlov-naum-aronovich/stranitsa-6.html
8. Интервью с Д. Ф. Златкиным от 16 июня 1997 г. // Личный архив автора.
9. Письмо из действующей армии военнослужащей Г. А. Ярцевой от 24.02.1945 г. // Центральный архив Министерства обороны РФ. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 76. Л. 86.
10. Политдонесение от 26 апреля 1945 г. о доведении до личного состава 185-й стрелковой дивизии директивы тов. Сталина № 11072 от 20 апреля 1945 г. // Богомолов В. О. Жизнь моя, иль ты приснилась мне?.. // Наш современник. 2005. № 10–12; 2006. № 1 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://militera.lib.ru/prose/russian/bogomolov_vo/01.html
11. Постановлении Военного совета 4-го Украинского фронта от 12 апреля 1945 г. // Богомолов В. О. Жизнь моя, иль ты приснилась мне?.. // Наш современник. 2005. № 10–12; 2006. № 1 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://militera.lib.ru/prose/russian/bogomolov_vo/04.html

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

12. Богомолов В. О. Жизнь моя, иль ты приснилась мне?.. // Наш современник. 2005. № 10–12; 2006. № 1 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://militera.lib.ru/prose/russian/bogomolov_vo/03.html
13. Гельфанд В. Н. Дневники 1941–1946 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://militera.lib.ru/db/gelfand_vn/05.html
14. Копелев Л. Хранить вечно: В 2 кн. Кн. 1. Ч. 1–4. М.: Терра, 2004. Гл. 11, 12 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://lib.rus.ec/b/137774/read#t15
15. Полевой Б. Освобождение Праги // От Советского информбюро… Публицистика и очерки военных лет. 1941–1945. Т. 2. 1943–1945. М.: АПН, 1982. 478 с.
16. Родин А. Три тысячи километров в седле. Дневники. М.: ИПО Профиздат, 2000. 176 с.
17. Самойлов Д. Люди одного варианта. Из военных записок // Аврора. 1990. № 2. С. 50–96.
18. Слуцкий Б. Записки о войне. Стихотворения и баллады. СПб.: LOGOS, 2000. 352 с.
19. Смольников Ф. М. Воюем! Дневник фронтовика. Письма с фронта. М.: Классика плюс, 2000. 310 с.
20. Чухрай Г. Моя война. М.: Алгоритм, 2001. 304 с.
21. White O. Conquerors' Road: An Eyewitness Account of Germany 1945. Cambridge University Press, 2003 [1996]. XVII, 221 pp. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.argo.net.au/andre/osmarwhite.html

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Май, № 3 **История** **2012**

УДК 902(653)

СТАНИСЛАВ ВИКТОРОВИЧ БЕЛЬСКИЙ
старший лаборант отдела археологии, Музей антропологии и этнографии РАН (г. Санкт-Петербург)
stbel@kunstkamera.ru

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД МОГИЛЬНИКА КЮЛЯЛАХТИ КАЛМИСТОМЯКИ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ ПРИЛАДОЖЬЕ
(по результатам археологических исследований 2006–2009 годов)

Статья посвящена анализу погребального обряда могильника Кюлялахти Калмистомяки, исследованного Приладожской археологической экспедицией Музея антропологии и этнографии РАН в Лахденпохском районе Карелии в 2006–2009 годах. Рассмотрены история изучения средневековых древностей региона, особенности надмогильных сооружений, способов обращений с телами умерших, внутримогильные объекты, ориентировка погребенных, сделаны обобщающие выводы о характере памятника.

Ключевые слова: Карелия, Средневековье, могильники, погребальный обряд

Во всех известных на настоящий момент могильниках, связываемых со средневековой корелой, представлен исключительно грунтовый обряд захоронения без каких-либо, по крайней мере различимых сейчас, наземных сооружений.

Принято считать, что могильники средневековой корелы занимают либо склоны возвышенностей, преимущественно южной ориентировки, либо их вершины [3; 41], [7; 86–87], [15; 188], [16; 55]. Но важнее то, что карельские грунтовые могильники эпохи Крестовых походов (XII–XIV века) и позднее размещались именно на невысоких возвышенностях в определенном типе ландшафта. Естественно, в этом случае могильник будет находиться либо на склоне, либо на вершине. Вполне вероятно, что так называемые могильники на склонах представляют собой всего лишь раскопанные части более крупных могильников, занимавших целый холм, в том числе и вершину.

Полевые наблюдения над топографией могильников, проведенные как на современной территории России, так и в Финляндии, позволяют сделать вывод о том, что выбор естественной возвышенности под будущее кладбище был определен далеко не случайными обстоятельствами. Во-первых, грунт должен быть достаточно мягким, чтобы была возможность выкопать яму такой глубины, которая позволит засыпать тело умершего. Во-вторых, во всех случаях с места могильника открывается вид на какую-либо водную поверхность – озера, реки или залива. Регулярное кладбище, естественно, было вынесено за пределы поселения, может быть, даже за водную преграду, хотя бы символическую, например за ручей. В-третьих, могильники расположены среди активно использовавшейся аграрной территории, многие из них найдены при распашке полей.

Все указанные выше черты в расположении могильников полностью соответствуют ситуации в Кюлялахти. В 1920-х годах местными крестьянами в центральной части холма, называвшегося Калмистомяки (буквально «погребальный холм»), возле несуществующей сейчас деревни Кюлялахти (Хиитольское сельское поселение, Лахденпохский район Карелии) был найден бронзовый крестообразный цепедержатель (8887; здесь и далее в скобках даны музейные номера артефактов, хранящихся в фондах Национального музея Финляндии). На берегу залива Ладоги у подножия холма был найден железный наконечник копья и рукоятка ножа, которые впоследствии были утрачены. В 1931 году на поле были найдены овальная карельская фибула типа С2/2 по Линтури [12; 92–93] и наконечник копья (9533:2). В 1928 году это место было обследовано Нильсом Клеве, а затем в 1933 году повторно Саккари Пяльси. В небольшом отчете, датируемом 28 октября 1933 года, последний описал местность и основные топографические ориентиры, благодаря которым в 2005 году удалось без особого труда обнаружить это место. Также он отметил, что на лугу, располагавшемся на вершине холма, находятся 30 западин, ориентированных по линии запад – восток, которые, по его предположению, могут быть могилами [2; 115, № 177], [16; 222].

В послевоенный период никаких археологических работ здесь не производилось. Давно назревшая необходимость комплексных исследований погребальных памятников подвигла на проведение в 2005 году разведочных работ. Их главной задачей была локализация ранее известных объектов, преимущественно могильников, на местности, оценка их современного состояния. Всего было обследовано 30 памятников [1; 244–247]. Среди них для археологических раскопок наиболее перспективным представлялся участок, расположенный на вершине холма в 2 км к юго-западу от поселка Тиурула в Лахденпохском районе Карелии (рис. 1, 2).

© Бельский С. В., 2012

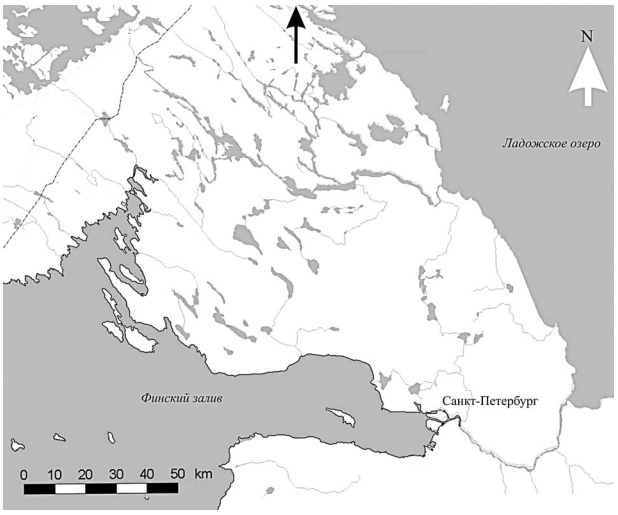

Рис. 1. Местоположение могильника Кюлялахти Калмистомяки

В 2006 году на холме Калмистомяки были проведены первые археологические раскопки силами Карельского и Североевропейского отрядов Музея этнографии и антропологии РАН при участии Университета Турку (Финляндия), имевшие разведочный характер. В 2007–2009 годах были произведены раскопки широкой площадью. За четыре года исследований общая вскрытая площадь могильника составила 426 м^2 (рис. 2).

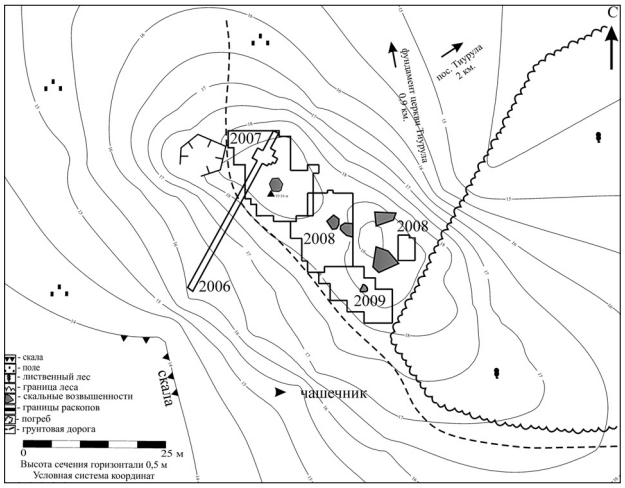

Рис. 2. Могильник Кюлялахти Калмистомяки. Топографический план

Общее количество открытых непотревоженных погребений составило 93 (91 ингумация и 2 кремации). Количество открытых погребений является наибольшим за весь период исследования карельских грунтовых могильников на территории Карельского перешейка и Северного Приладожья. Количество открытых погребений (51) с сопроводительным инвентарем – наибольшее из всех известных могильников, включая могильники Восточной Финляндии.

Кладбище было обнаружено на наиболее возвышенной и одновременно относительно плоской северо-западной части холма Калмистомяки (рис. 3).

Рис. 3. Вид на холм Калмистомяки с северо-запада

На холме Калмистомяки, несмотря на его чрезвычайно удобное положение, никаких долговременных строений не было, только С. Пяльси упоминает кузницу, но ни ее фундамента на поверхности, ни каких-либо ее следов за время раскопок обнаружить не удалось. Из этих наблюдений прямо следует определенный вывод о том, что местные жители знали о существовании кладбища на этом месте и его старались существенно не трогать. На это же указывает и микротопонимия – само название холма Калмистомяки и мыса при впадении ручья в Ладожское озеро – Калмистонниэми (буквально «кладбищенский мыс»). Знание это могло существовать не только в силу устойчивой традиции, но и потому, что на поверхности были заметны могильные западины, ориентированные по линии запад – восток. С. Пяльси и местные жители довоенного периода видели не столько собственно могильные западины, сколько слегка заметные овальные каменные оградки над погребениями и несколько пониженные участки поверхности внутри них. Уникальность же ситуации состоит в том, что каждое последующее поколение жителей этих мест в Средневековье также видело, где находятся могилы погребенных предыдущего поколения, поскольку были видны оградки. Следовательно, при совершении каждого последующего захоронения место предыдущих не нарушалось. В некоторых случаях даже стенка оградки более старшего погребения могла быть использована как стенка следующего. Таким образом, образовывались отчетливые регулярные ряды захоронений (рис. 4).

В силу этих обстоятельств подавляющее большинство погребений могильника Кюлялахти, достоверно функционировавшего на протя-

жении двух столетий, а может быть, и позднее, оказались ненарушенными.

Рис. 4. Вид на площадь могильника после расчистки погребений (центральная часть, раскопки 2007 года)

НАДМОГИЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ МОГИЛЬНИКА КЮЛЯЛАХТИ

Принципиально важным открытием в рассматриваемом могильнике стало обнаружение многочисленных (всего 55) надмогильных сооружений, представляющих собой вытянутые, овальные в плане оградки из крупных валунов в один ряд, расположенные по периметру могильной ямы (рис. 5).

Рис. 5. Надмогильные сооружения из камня в центральной части могильника

По краям оградки, чаще всего юго-западному и северо-восточному, располагались более крупные камни, ограничивая таким образом место захоронения и придавая сооружению законченный вид. Иногда в качестве таких «ограничителей» или «торцевых» камней были использованы естественные скальные выходы. В подавляющем большинстве случаев оградки имели стандартные размеры – около 2 м в длину и 1–1,3 м в ширину по внешнему периметру. Складывающие их валуны залегали непосредственно под дерном, на минимальной глубине, края многих из них были заметны на современной поверхности. Учитывая результаты раскопок в Кюлялахти, можно констатировать, что такой обряд погребения характерен для позднесредневекового населения Приладожской Карелии. На Карельском перешейке подобные сооружения пока не известны.

Надмогильные сооружения из камня на могильнике Кюлялахти зафиксированы над более чем половиной из раскопанных погребений. Они известны как над мужскими и женскими, так и над детскими могилами. По сути, такой погребальный обряд полностью соответствует так называемым жальничным захоронениям, широко распространенным в Новгородской земле и ряде сопредельных территорий.

СПОСОБЫ ОБРАЩЕНИЯ С ТЕЛОМ УМЕРШЕГО

Из 93 погребений могильника 91 представлено захоронением по обряду ингумации. Кремациями были только погребения № 2 (раскопки 2006 года) и № 92 (раскопки 2009 года). В каждом из случаев археологический контекст не позволяет однозначно и с полной уверенностью утверждать, что это именно погребения, а не сохранившиеся участки поселенческого слоя предшествующего периода. Кроме того, сохранившиеся по всей открытой раскопками площади каменные выкладки в виде сплошного горизонта мелких камней, среди которых было много со следами пребывания в огне, позволяют утверждать, что здесь до начала функционирования некрополя с ингумациями существовал могильник с трупосожжениями.

ГЛУБИНА МОГИЛЬНЫХ ЯМ

Глубина могильных ям является очень важным элементом погребальной обрядности могильника Кюлялахти. В подавляющем большинстве случаев она не превышает 0,5 м от современной поверхности, не изменившейся за прошедшие несколько веков. Это обусловлено близким к поверхности уровнем залегания твердых коренных пород. В этом случае возникает естественный вопрос о причинах, побудивших данный коллектив в позднем Средневековье выбрать именно этот холм для места кладбища. Очевидно, важным фактором послужили ландшафтные условия: господство над прилегающей долиной, ориентировка на водную поверхность залива Ладоги. Но, вероятно, не только это. В процессе раскопок могильника по всей его площади было обнаружено достаточно большое количество артефактов – бус и металлических изделий. Это позволяет утверждать, что здесь был могильник, где погребения совершались по обряду кремации. Вряд ли люди в XIV веке и позднее не обращали на это внимание в процессе использования этого места под уже свое кладбище. На наш взгляд, нельзя считать, что выбор холма Калмистомяки был продиктован

только удобством его расположения в микроландшафте. Наоборот, с утилитарной точки зрения это место крайне неудобно, поскольку здесь весьма затруднительно выкопать относительно глубокую могильную яму для совершения погребения по обряду ингумации. Видимо, знание о нахождении здесь более раннего могильника было для данного населения весьма существенно.

ОСОБЕННОСТИ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА КЮЛЯЛАХТИ

Из 91 погребения по обряду ингумации 47 были совершены в гробах, 4 (детских) – в колоде, выдолбленной из одного бревна. Гробы были сделаны из досок толщиной, видимо, до 2 см, длиной и шириной, естественно, в зависимости от пропорций тела умершего. В ряде случаев, например в погребении № 3, удалось установить, что гроб имел в плане трапециевидную форму с расширением в районе головы погребенного. В подавляющем большинстве случаев, и это, очевидно, была стандартная практика, гроб имел крышку. Все гробовища, за исключением, возможно, погребения № 79, были сделаны без использования гвоздей. Гробы, сделанные без гвоздей, углы которых скреплялись либо шипами, либо связывались берестяными лентами, являются очень характерными для погребальной обрядности именно православного населения Восточной Карелии. Эта черта археологически была прослежена при раскопках могильника Алозеро XVIII–XIX веков [9; 105]. Использование такой технологии скрепления углов, а также крышки гроба известно в Карелии по этнографическим материалам.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ БЕРЕСТЫ

Характерной чертой погребальной обрядности могильника Кюлялахти являлось выстилание дна гробовища берестой, а также покрытие ей тела умершего и даже покрытие гробовища с внешней стороны. В погребении № 1 фрагмент бересты был обнаружен на нагрудной подвеске. В погребении № 30 установлено, что тело погребенной было покрыто берестой, сохранившейся на артефактах. Та же ситуация установлена для погребений № 61 и 63, где также зафиксирован факт выстилания дна гробовища берестой. Очевидно, что это достаточно распространенная практика в погребальной обрядности данного могильника. Использование бересты в карельских грунтовых погребениях зафиксировано и в памятниках предшествующего периода. В одних из наиболее богатых могил № 1 и 3 в могильнике Кекомяки Т. Швиндт обнаружил большие фрагменты бересты на артефактах, окрашенных в красный цвет [15; 187]. Фрагменты бересты были найдены также в ряде погребений могильников Тууккала и Висулахти в районе Миккели [11; 51]. Такая особенность прекрасно известна по этнографическим материалам различных народов лесной зоны.

В погребении № 30 между костяком и артефактами и дном гробовища в процессе расчистки и консервации в лабораторных условиях комплекса сложносоставной поясной подвески были обнаружены хорошо сохранившиеся листья березы. Очевидно, свежесрезанными ветками березы было также выстлано дно гробовища. Традиция выстилания дна гробовища ветками березы также хорошо известна по этнографическим материалам, а также в единичных случаях в погребениях.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ САВАНА

В некоторых случаях, преимущественно в женских погребениях, на бронзовых или серебряных украшениях или крупных железных предметах были зафиксированы следы текстиля (погребение № 1 – на бронзовой нагрудной привеске, № 3, 13 и 30 – на бусинах многобусинных височных колец, в последнем случае также и на железном «игольнике»). Следует предполагать, что тела погребенных были обернуты в материю, от которой сохранились маленькие фрагменты или только отпечатки на артефактах.

РАСПОЛОЖЕНИЕ ТЕЛА УМЕРШЕГО

Во всех случаях, когда были расчищены даже минимально сохранившиеся кости, было возможно реконструировать положение тел умерших. В могильнике Кюлялахти все погребенные были расположены в вытянутом положении на спине. Руки в тех случаях, когда сохранялись кости плеча и предплечья, обычно были скрещены либо на груди, либо в районе таза. В двух случаях (в погребениях № 36 и 90) была зафиксирована ситуация, когда кисть правой руки оказалась возле черепа погребенного, то есть рука была согнута в локте. Исключением является погребение № 4 (детское), где руки были вытянуты вдоль тела, но здесь ребенок был буквально втиснут в короткую и узкую яму так, что кости таза и позвоночный столб оказались смещены в сторону грудной клетки. Поэтому такое положение рук могло оказаться случайным. Также в погребении № 19 кости правой руки были расположены вдоль тела, левой – в области таза. Здесь рука могла сместиться в процессе естественного разложения тела. Такая же ситуация зафиксирована для погребения № 25 и, возможно, № 78. Единственным достоверным исключением является очень хорошо сохранившееся погребение мужчины № 70, где руки были вытянуты вдоль тела. Но это погребение было безынвентарным и находилось на периферии некрополя.

ОРИЕНТИРОВКА ПОГРЕБЕНИЙ

Ориентировка тел погребенных относительно сторон света традиционно считается одним

из важнейших культурообразующих элементов. Традиционно также принято считать, что для погребальных памятников Карелии и Восточнобалтийского региона в целом ориентировка погребенных, точнее, ее изменение в некоторый момент времени, является принципиальным моментом для понимания процесса христианизации и последовавших существенных культурных трансформаций. Для подавляющего большинства погребений могильника установлена юго-западная ориентировка (азимут от 240 до 260°). Западная или приближающаяся к западной ориентировка (азимут от 260 до 280°) установлена для погребений № 1, 3, 79, 84, 85 и 86. Естественно, границы между представленными выше значениями в ориентировках более чем условны. Единственным исключением для всего некрополя является погребение № 69, которое было ориентировано головой на северо-запад (азимут 302º). Но данное погребение, видимо, является потревоженным в процессе функционирования могильника, и, возможно, его кости были перемещены.

Таким образом, ориентировка погребенных в могильнике Кюлялахти очень стандартизирована: все значения расположены в западном секторе с большим тяготением к юго-западу. Это, несомненно, достоверное свидетельство очень устойчивой погребальной традиции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Могильник Кюлялахти Калмистомяки можно определить как кладбище при погостском центре северо-западной периферии Новгородской земли XIV века. До начала работ в Кюлялахти наиболее крупным по количеству обнаруженных погребений являлся могильник Патья в Лапинлахти (ныне Ольховка) в центре Карельского перешейка.

На всей изученной площади могильника были расчищены отчетливые надмогильные сооружения из крупных валунов. Данный обряд ярко выражен в могильнике и находит аналогии в более южных районах Новгородской земли. Такие могильники особенно характерны для западных районов Новгородской земли, Ижорской возвышенности, Причудья, Полужья [8]. На Ижорском плато исчезновение какой-либо насыпи над погребениями фиксируется с конца XIII века [5; 118–153]. В этой связи обряд, зафиксированный в могильнике Кюлялахти, является по крайней мере синхронным подавляющему большинству жальников северо-запада Новгородской земли.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бельский С. В., Хартанович В. И. Перспективы изучения могильников эпохи Средневековья в Северо-Западном Приладожье (оценка современного состояния) // Радловские чтения. СПб.: Изд-во МАЭ РАН, 2006. С. 244–247.
2. Кочкуркина С. И. Археологические памятники корелы V–XV веков. Л.: Наука, 1981. 159 с.
3. Кочкуркина С. И. Древняя корела. Л.: Наука, 1982. 215 с.
4. Кочкуркина С. И. Корела и Русь. Л.: Наука, 1986. 143 с.
5. Лесман Ю. М. Погребальные памятники Новгородской земли (проблемы синхронизации) // Археологическое исследование Новгородской земли. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. С. 118–153.
6. Лесман Ю. М. Многобусинные височные кольца // Новгород и новгородская земля. Вып. 3. Новгород, 1990. С. 99–101.
7. Сакса А. И. Древняя Карелия в конце I – начале II тысячелетия н. э. Происхождение, история и культура населения летописной Карельской земли. СПб.: Нестор-история, 2010. 398 с.
8. Спицын А. А. Курганы Ижорского плато в раскопках Л. В. Ивановского. Материалы по археологии России. Вып. 20. СПб., 1896.
9. Хартанович В. И., Шахнович М. М. Материалы к изучению погребального обряда и краниологии населения Северной Карелии (могильник Алозеро) // Радловский сборник. СПб.: Изд-во МАЭ РАН, 2009. С. 104–109.
10. Alenius T., Laakso V. Paleoecology and Archaeology of the Village of Uukuniemi, Eastern Finland // Acta Borealia. 23. Helsinki, 2006. P. 145–165.
11. Lehtosalo P.-L. Rapukoristeisten solkien ajoituksesta // Suomen museo. Helsinki, 1966. S. 22–39.
12. Linturi E. Ristiretkiajan eläinkoristeiset kupurasojet // Helsingin yliopiston arkeologian laitos. Moniste 24. Helsinki, 1980. 204 s.
13. Nordman C. A. Karelska jarnaldersstudier. Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja XXXIV:3. Helsingfors, 1924. 200 s.
14. Saksa A. I. Rautakautinen Karjala. Studia Carelica Humanistica 11. Joensuu, 1998.
15. Schwindt T. Tietoja Karjalan rautakaudesta ja sita seuraavilta ajoilta. Suomen muinaismuitoyhdistyksen Aikakauskirja XIII. Helsinki, 1893. 206 s.
16. Uino P. Ancient Karelia. Archaeological studies. Helsinki, 1997. 426 s.

Май, № 3 **История** **2012**

УДК 94(47)

ПАВЕЛ ВИКТОРОВИЧ ПЕТРОВ
руководитель Контактного центра в Петрозаводске, советник, Информационное бюро Совета Министров Северных Стран в Санкт-Петербурге
pp@norden.ru

РУССКИЕ КОРОБЕЙНИКИ В ФИНЛЯНДИИ И СЛУХИ О НАДЕЛЕНИИ КРЕСТЬЯН ЗЕМЛЕЙ. ДИСКУССИЯ В ФИНЛЯНДСКОЙ И РОССИЙСКОЙ ПЕРИОДИКЕ В КОНЦЕ XIX ВЕКА

Статья посвящена торпарскому вопросу – вопросу о безземельном населении Финляндии – и связанной с ним полемике о странствующих по деревням русских коробейниках, пришедших из приграничных регионов, которые, по мнению местных властей, распространяли слухи об «освобождении» арендаторов и переходе их хозяйств в разряд самостоятельных.

Ключевые слова: торпарский вопрос, коробейники, безземельное сельское население, слухи о разделе земли

Торпарский вопрос – вопрос о безземельном населении Финляндии – стал в конце XIX – начале XX века одним из важнейших в социально-экономической и политической жизни Великого княжества. Остроту полемике по торпарскому вопросу в политических и общественных кругах придавали сведения о странствующих по деревням российских коробейниках, приходивших прежде всего из Беломорской Карелии и распространявших, по мнению местных властей, слухи об «освобождении» арендаторов и о превращении их в самостоятельных хозяев. Рассматриваемая тема нашла свое отражение в работах финляндских и российских авторов, исследовавших прежде всего социально-экономическое и политическое положение Финляндии в XIX – начале XX века. В монографиях А. П. Лайдинена, основанных на исследовании финляндской исторической литературы, анализируется развитие торпарской аренды земли, правовое и материальное положение торпарей, а также политика финляндских властей и имперского правительства в отношении безземельных в 1880–90-х годах [30], [31].

Проблемы арендных отношений в современной отечественной историографии затрагивали в своих работах И. М. Бобович, И. М. Соломещ, Л. В. Суни [28], [33], [34]. В одной из своих статей И. М. Бобович рассматривает положение в сельском хозяйстве так называемой «Старой Финляндии». Автор уделяет внимание и состоянию поземельных отношений в различных сельских приходах княжества [26; 41–43]. В работе И. М. Соломеща, исследовавшего главным образом экономическое и военное направление финляндской политики царизма в 1914–1917 годы, торпарский вопрос рассматривается как составная часть так называемой русификаторской программы, которую центральная власть намеревалась осуществлять в княжестве уже в предвоенные годы [33; 14–15, 37]. Л. В. Суни в своей монографии, посвященной различным аспектам общественно-политической жизни Финляндии и политике имперской власти по отношению к княжеству в 1850–70-х годах, анализирует состояние торпарской аренды, акцентируя внимание на замедлении ее развития в крае в указанный период времени [30; 47–58]. Специального исследования по теме, вынесенной в заголовок данной статьи, нет и в зарубежной историографии. Стоит, однако, отметить, что различные аспекты торпарского вопроса и проблем поземельной аренды, взаимоотношения финляндских властей и центрального правительства в разное время рассматривались финляндскими историками Г. Гебхардом, Э. Ютиккала, В. Расила [35], [36], [37], [38], [39], [40], [41], [42], [43].

Богатый материал по исследуемому вопросу содержат различные финляндские газеты, выходившие в конце XIX – начале XX века как на финском, так и на шведском языках. На основе этих публикаций есть возможность проследить влияние слухов о наделении крестьян землей на сельское население, а также проанализировать отношение крестьян к появлению таких слухов и к самим российским коробейникам [8], [9], [10], [11], [12], [13], [14], [15], [16], [17], [18], [19], [20], [21], [22], [23], [24], [25]. Издававшаяся с 1900 года «Финляндская газета», а также российское издание «Московские ведомости» размещали на своих страницах материал, с помощью которого российские власти пытались завоевать авторитет у безземельного сельского населения княжества [1], [2], [3], [4], [5], [6], [7].

Социальное расслоение финляндской деревни привело к образованию в конце XIX века многочисленных групп наемных работников и мелких арендаторов. Либерализация земельного и арендного законодательства проходила в рассматриваемый период времени в интересах крупных землевладельцев и крестьян-собственников. Несмотря на законодательные акты, провозглашавшие принцип гражданского равенства,

© Петров П. В., 2012

мелкие земельные арендаторы, как и наемные работники, продолжали оставаться в зависимом положении от своих хозяев. Большое число крестьян-землевладельцев, положение которых в законодательном плане значительно улучшилось, позволяло местным финляндским властям и имперскому правительству ограничиваться частичными мерами в урегулировании арендных отношений. В то же время слабость сторонников реформирования законодательства в пользу беднейшего крестьянства отрицательно сказывалась на отношении властей к проблемам безземельного сельского населения.

Перерастание торпарского вопроса в важнейшую социально-экономическую, а к концу XIX века и политическую проблему княжества привлекло к себе внимание российских правящих кругов. В условиях наступления на автономные права Финляндии в 1890-е годы и открытого недовольства этой политикой местных властей и общественности имперское правительство и его сторонники в княжестве стремились использовать обстановку социальной напряженности деревни в своих целях. Именно торпари и иные категории сельского населения, чьи требования об улучшении материального и правового положения к концу XIX века становились все более настойчивыми, должны были стать той социальной базой, на которую центральная власть планировала опереться при проведении нового политического курса в княжестве.

Первые слухи о бесплатном наделении землей, распространяемые коробейниками, относятся еще к 1830–40-м годам [42; 139]. Однако именно на 70–90-е годы XIX века приходится наибольшее количество сообщений о «торговцах-подстрекателях».

По мнению финляндских властей, в подавляющем большинстве случаев именно коробейники (фин. laukkuryssä, laukkuri) являлись распространителями подобных слухов. Коробейники Беломорской Карелии торговали в этих краях еще до присоединения Финляндии к России. Разносная торговля, как и сельская торговля в целом, была незаконной. Но когда сельское население исходя из собственных интересов стало опекать коробейников, нуждавшихся и в еде, и в ночлеге, местные власти поначалу смотрели на эти нарушения закона сквозь пальцы. Поскольку запреты все-таки существовали, коробейники предпочитали появляться в отдаленных деревнях, где распространение слухов среди населения, мало интересовавшегося последними новостями, было очень результативным. Местные чиновники довольно часто проверяли налоговые сведения в деревнях, используя специальные книги. Это, в свою очередь, порождало предположения, что «царской власти» необходимо владеть информацией для проведения раздела земель [15], [18]. (Подробнее о торговле коробейников в Беломорской Карелии и Финляндии см. [26], [27], [29], [32].)

В распространении подобных слухов обвиняли не только коробейников, но и других россиян, работавших в сельских уездах, а также военных.

Так, летом 1884 года в редакцию газеты «Хямяляйнен» пришло письмо, в котором рассказывалось, что русские топографы во время своей работы в нескольких деревнях упоминали о разделе земли. У самостоятельных крестьян и торпарей, до которых подобные слухи доносились и ранее, это вызвало небывалый восторг, так как они верили в то, что посланные центральной властью работники проводят учет земельных угодий для дальнейшего их раздела [8], [9]. Слухи были распространены не только на территории основных «торпарских» районов. Один из авторов выборгской газеты «Выборгсбладет» поместил на ее страницах рассказ местного торпаря о том, что царь якобы распорядился разделить землю между нуждающимися [25].

Х. Гебхард напрямую связывал отмену крепостного состояния крестьян России в 1861 году с началом изменения положения финляндских торпарей в 1883 году. Он считал, что сложившееся среди мелких арендаторов общее мнение о грядущем земельном переустройстве привело к началу торпарского движения, так как держатели земли на деле не видели воплощения своих желаний о превращении арендуемых участков в самостоятельные хозяйства [38]. То обстоятельство, что государство выкупало в собственность донационные территории в Выборгской губернии, также давало арендаторам повод надеяться на обретение ими статуса крестьян-собственников.

Интересен и тот факт, что слухи о разделе земли были распространены и на других окраинах Российской империи. В Эстонии и губерниях восточного побережья Балтики ходили слухи, по которым землю получат только те семьи, которые обзаведутся мужским потомством. Некоторые священники шли дальше и распространяли в своих приходах информацию о том, что земельные наделы получат только те крестьяне, которые примут православную веру [19], [10].

Появление сведений о коробейниках, распространявших слухи о наделении крестьян землей в начале 90-х годов XIX века, совпало с проведением во многих губерниях княжества торпарских выступлений и собраний. В «Московских ведомостях» стали публиковаться письма из Финляндии, содержавшие сведения о бесправном положении безземельного сельского населения и его недовольстве ухудшением условий аренды. Особой критике подвергалась деятельность Сейма – «сборища богатеев от разных сословий, которым были чужды желания простого народа» [1], [2], [3]. На подобные публикации

русской газеты, целью которых было показать, какая глубокая пропасть разделяла в княжестве различные слои общества, отреагировала финляндская пресса. «Нюа Прессен», «Ууси Суометар», «Пяйвялехти» и некоторые другие издания, публикуя материал о торпарских «подстрекателях», писали, что главной целью подобных статей являлся обман именно русского населения для того, чтобы оно поверило в желание финнов получить помощь от правящих кругов России [11], [12], [13], [14], [16], [17], [21], [22].

В «Ууси Суометар» были опубликованы выдержки из протокола одного из многочисленных торпарских собраний, где говорилось: «В последнее время стало появляться большое количество подстрекателей, которые пытаются представить положение сельского населения гораздо хуже, чем оно есть на самом деле. Они сравнивают его иногда даже с положением русских крепостных, подчеркивая наше недоверие к законам и показывая нас просящими внешней помощи. Однако мы с пренебрежением относимся к таким домыслам…» [23]. Газета замечала, что такая гвардия коробейников не могла появиться сама по себе и они скорее всего были кем-то организованы [24].

После провозглашения Февральского манифеста 1899 года газеты снова запестрили письмами из деревень о положении сельского населения и слухах о разделе земли между беднейшими слоями крестьянства. И вновь распространителями слухов посчитали именно коробейников. Так как местные власти начали их преследовать, мелким торговцам приходилось покидать привычные места торговли в сельских приходах. Как отмечает В. Расила, с их уходом понемногу затихали и слухи [42; 182].

Инициированное Сенатом Финляндии расследование о распространении слухов не придало вопросу какой-либо ясности. Выводы специальной комиссии гласили, что подобного рода слухи были в ходу уже многие десятилетия и они всегда приписывались русским топографам, солдатам или коробейникам, но никакой агитации названные категории российских граждан никогда не вели. Причиной же распространения слухов, по мнению официальных лиц, стало давнишнее желание сельской бедноты иметь свою землю [42; 184].

С 1898 по 1904 год финляндским генерал-губернатором был Н. И. Бобриков. С его именем связывали реализацию царского курса единения княжества с империей. Одновременно с ограничением сферы влияния Сейма и Сената полномочия генерал-губернатора расширялись. Недовольство беднейших слоев населения своим положением имперские власти пытались использовать против местной политической и финансовой элиты, ставшей в оппозицию новому курсу, проводимому в княжестве российскими правящими кругами.

Свидетельством того, что Николай II встал на защиту бесправного беднейшего населения Финляндии, был воспринят указ о создании в 1898 году специального «Комитета по безземельному населению» и учреждение денежного фонда для оказания помощи безземельным в приобретении участков и жилья через общинные управления или кооперативы. Помощь преследовала, безусловно, единственную цель: в лице новых земельных собственников имперские власти рассчитывали получить социальную опору в условиях своего наступления на автономию Финляндии [42; 216]. Об этом, в частности, сообщали Н. И. Бобрикову губернаторы княжества. Так, глава губернии Хяме писал, что из новых хозяев-собственников, которые в долгу перед Россией, можно получить впоследствии «благодарных подданных». Сам же генерал-губернатор в одном из своих отчетов Николаю II замечал, что облегчение мероприятий по государственному объединению связано с коренным улучшением положения безземельных крестьян, в лице которых русская власть могла бы приобрести «мощную поддержку» [41; 136].

«Финляндская газета», основателем которой стал сам Н. И. Бобриков, помогала русским властям завоевывать авторитет у беднейшего сельского населения княжества. В газете подчеркивалось, что оказание помощи безземельным со стороны российской власти будет непременно продолжаться. Обсуждая вопросы, связанные с ассигнованиями средств на приобретение в собственность земли неоседлому населению и торпарям, газета указывала, что предпринятыми мерами уже удалось добиться некоторого улучшения положения беднейшего крестьянства [4].

Важное место занимал в данном издании и вопрос, связанный с распространением слухов о переделе земли. Газета подчеркивала, что отношение к коробейникам, как и ко всем русским, занимающимся в Финляндии торговлей и ремеслами, изменилось с весны 1899 года, то есть со времени обнародования Февральского манифеста. По свидетельству газеты, в российских коробейниках, как и в татарах и цыганах, стали усматривать «тайных шпионов и пропагандистов, способных распространять среди местного населения неверные понятия о русском землевладении». Газета встала на защиту коробейников, обвиняемых в разжигании противостояния между безземельными и правящим классом [5], [6], [7].

Для местных властей борьба со слухами являлась одним из способов противостояния набиравшей силу политике «русификации» княжества. В общественных кругах Финляндии, на страницах периодической печати откровенно высказывалось отрицательное отношение к проводимому объединительному курсу. Поскольку вопрос о безземельном сельском населении занимал в конце XIX – начале XX века в политике

центральной власти важное место, проявление враждебности к российским торговцам было встречено «Финляндской газетой» крайне агрессивно. Обвиняя некоторые местные издания в публикации материалов о наводнении Финляндии русскими шпионами и агитаторами и в призывах к началу борьбы против них, «Финляндская газета» высказывала сожаление в связи с тем, что в некоторых общинах местное население поверило этим изданиям, попав под влияние прессы [7].

Полностью отрицая распространение различных слухов русскими разносными торговцами, «Финляндская газета» в одном из номеров писала: «Обвинения не носили доказательного подтверждения... Если и были единичные случаи (распространения слухов. – *П. П.*), особого вреда они принести не могли, так как при распространении в здешней окраине периодической печати, которая в глазах населения пользуется весьма большим доверием, опровержение таких слухов не могло представлять затруднения» [7].

В условиях обострения российско-финляндских отношений на рубеже XIX–XX веков «Финляндская газета» как издание, учрежденное лично Н. И. Бобриковым, уделяла большое внимание развенчанию неверных домыслов у сельских жителей края по поводу различных слухов, якобы распространяемых русскими. Несмотря на то что к слухам о разделе земли безземельные крестьяне Финляндии иногда относились с недоверием, большинство все же действительно надеялись на приход лучших времен, когда они могли бы стать собственниками наделов. Огромное число безземельных, поддерживавших данное мнение и веривших в заботу о них «русского царя», вполне позволяли организовывать «Финляндской газете» распространение информации подобного рода.

ИСТОЧНИКИ

1. Московские ведомости. 1891. 10 февраля.
2. Московские ведомости. 1891. 21 февраля.
3. Московские ведомости. 1891. 2 июня.
4. Финляндская газета. 1900. 22 января.
5. Финляндская газета. 1900. 18 февраля.
6. Финляндская газета. 1900. 18 апреля.
7. Финляндская газета. 1900. 20 апреля.
8. Hämäläinen. 1891. 23 heinäkuu.
9. Hämäläinen. 1891. 13 elokuu.
10. Hämäläinen. 1891. 4 maaliskuu.
11. Nya Pressen. 1891. 6 maaliskuu.
12. Nya Pressen. 1891. 10 maaliskuu.
13. Nya Pressen. 1891. 16 maaliskuu.
14. Nya Pressen. 1891. 17 maaliskuu.
15. Päivälehti. 1891. 1 helmikuuta.
16. Päivälehti. 1891. 7 maaliskuu.
17. Päivälehti. 1891. 17 kesäkuu.
18. Päivälehti. 1899. 6 huhtikuu.
19. Suomalainen. 1891. 26 helmikuu.
20. Uusi Suometar. 1891. 23 tammikuu.
21. Uusi Suometar. 1891. 8 maaliskuu.
22. Uusi Suometar. 1891. 14 maaliskuu.
23. Uusi Suometar. 1891. 4 huhtikuu.
24. Uusi Suometar. 1899. 30 maaliskuu.
25. Wiborgsbladet. 1889. Syyskuu.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

26. Базегский Д. В. Законодательство России и Финляндии о карельском коробейничестве в XIX – начале XX в. // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1993. С. 43–51.
27. Базегский Д. В. Экономические связи Беломорской Карелии и Северной Финляндии (Кайнуу) во второй половине XIX – начале XX в.: Дисс. … канд. ист. наук. Петрозаводск, 1998. 173 с.
28. Бобович И. М. Состояние сельского хозяйства «Старой Финляндии» в конце XVIII – начале XX в. // Скандинавский сборник. Тарту, 1977. Вып. 22. С. 31–44.
29. Жербин А. С. Карельские коробейники в Финляндии в XIX в. // Тезисы докладов V Всесоюзной конференции по изучению языка, истории и литературы Скандинавских стран и Финляндии. Т. 1. Ч. 1. М., 1971. С. 65–68.
30. Лайдинен А. П. Торпарская система аренды земли в Финляндии. XVII – первая половина XIX века. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1987. 104 с.
31. Лайдинен А. П. Торпарский вопрос в Финляндии во второй половине XIX в. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 1992. 203 с.
32. Нестерова И. С. Приграничная торговля сельского населения Великого княжества Финляндского и Карелии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер. «Общественные и гуманитарные науки». 2009. № 5. С. 24–29.
33. Соломещ И. М. Финляндская политика царизма в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1992. 89 с.
34. Суни Л. В. Очерк общественно-политического развития Финляндии. 50–70-е гг. XIX в. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1979. 240 с.
35. Gebhard H. Agraarikysymyksemme // Valvoja. Helsinki, 1895. S. 398–409.
36. Gebhard H. Tutkimuksia ja ehdotuksia torpparikysymyksestä // Valvoja. Helsinki, 1899. S. 241–263.
37. Gebhard H. Maakysymys Suomessa // Aika. Helsinki, 1907. S. 567–581.
38. Gebhard H. Torpparilaitos Suomessa // Oma maa. IV Osa. Porvoo, 1923. S. 678.
39. Jutikkala E. Suomen talonpojan historia. Helsinki, 1958. 480 s.
40. Jutikkala E. Torpparikysymys // Suomen talous- ja sosiaalihistorian kehityslinjoja. Porvoo, 1968. S. 189–199.
41. Jutikkala E. Maalaisyhteiskunta // Hämeen historia. IV:1. Hämeenlinna, 1969. S. 75–199.
42. Rasila V. Suomen torpparikysymys vuoteen 1909. Helsinki, 1961. 493 s.
43. Rasila V. Torpparikysymyksen ratkaisuvaihe. Helsinki, 1970. 414 s.

Май, № 3 **Культурология** **2012**

УДК 008:001.14

ИВАН ВЛАДИМИРОВИЧ ЛЕОНОВ
кандидат культурологии, докторант кафедры теории и истории культуры, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург)
ivaleon@mail.ru

ФЕНОМЕН ТЕМАТИЧЕСКИХ ПАТТЕРНОВ В ИССЛЕДОВАНИИ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ: ПОНЯТИЕ И ОСНОВНЫЕ КОМПОНЕНТЫ

В статье дается сравнительный анализ основных подходов к изучению процесса познания культурно-исторической реальности. В контексте структурно-парадигмального подхода рассматривается вопрос выявления и изучения тематических паттернов. Данные паттерны лежат в основе целостностей тематических структур сознания, возникающих в ходе интеллектуального освоения культурно-исторической реальности.

Ключевые слова: ноогенез, культурно-историческая реальность, парадигма, тематическая структура, тематический паттерн

Исследовательская область, содержанием которой является изучение развития научных представлений о сущности и специфике культурно-исторического процесса, на протяжении последних ста с небольшим лет переживает подъем. Всплеск активности в рассматриваемой сфере со стороны научного сообщества обусловлен достаточно длительными кризисами научной рациональности, неоднократно проявляющими себя в период конца XIX – начала XXI века. Данные кризисы получают выражение в несоответствии научных представлений о культурно-исторической реальности ее феноменологическому облику и ведут к научным революциям. На фоне подобного рода частых переосмыслений вопрос изучения сущностных сторон ноогенеза в названной области становится востребованным и актуальным – это во-первых.

Во-вторых, актуальность изучения обозначенного ноогенеза обусловлена тем, что в настоящее время в науке накоплен богатый материал, достаточный для проведения комплексных исследований на самом общем теоретико-методологическом уровне. На протяжении истории науки (от И. Г. Гердера, Дж. Вико, И. И. Винкельмана и вплоть до О. Шпенглера, И. Валлерстайна, П. А. Сорокина и др.) было создано множество различных концепций, дающих универсальное объяснение сущности и предназначению истории.

В-третьих, большинство существующих теорий в той или иной степени находят свое научное обоснование и подтверждение относительно описания изучаемой реальности, однако в сравнении друг с другом отмеченные трактовки предстают как сложный пласт исследований, выражающих дискуссионные, а нередко противоположные и труднодоказуемые идеи. Данная противоречивая ситуация требует решения ряда довольно сложных вопросов, касающихся сущностных сторон ноогенеза в области изучения культурно-исторической реальности, а именно – какие глубинные механизмы лежат в основе данного процесса? В чем выражается его историческая реализация? В какой форме строится отмеченный ноогенетический процесс?

Исследования, посвященные анализу ноогенеза в сфере познания культурно-исторической реальности, в основном ведутся в двух направлениях – в направлении изучения поэтапного роста знания и в направлении изучения его структурных компонентов, периодически проявляющих себя на протяжении познавательного процесса.

Традиционно предпочтение отдается первому направлению, а именно – выявлению и описанию *качественно-своеобразных периодов,* отражающих рост знания. Наиболее распространенным примером данной тенденции являются работы, в основу которых положен *исторический подход.* Более сложным подходом, иллюстрирующим процесс роста научного знания, является *парадигмальный*, основоположником которого является Томас Сэмюэль Кун (1922–1996). Отмеченный подход позволяет выявлять в развитии науки определенные периоды, в основе которых лежит фактор господства научных парадигм [5].

Необходимо отметить, что применение парадигмального подхода рождает ряд трудностей, выраженных в противоречиях относительно подбора критериев для идентификации как самих парадигм, так и определения локально завершенных этапов, ознаменованных их господством. Также в контексте смены парадигм присутствуют некоторые тенденции, которые не находят объяснения в рамках парадигмального анализа изучаемой проблемы. В частности, парадигмальный подход, как и исторический, не позволяет видеть структурные компоненты ноогенеза,

© Леонов И. В., 2012

проникающие наподобие рентгеновских лучей сквозь многие парадигмы.

Второе направление – изучение *структурных* компонентов ноогенеза – позволяет отслеживать достаточно устойчивые идеи, проявляющие себя на различных стадиях процесса познания культурно-исторической реальности практически в неизменном виде.

Примеров исследований структурных компонентов познавательного процесса в указанной сфере достаточно много. Среди наиболее детальных исследований отмеченных структур можно выделить работы П. А. Сорокина, в которых автор дает всесторонний анализ развития идей циклизма в понимании истории [8]. Также интерес представляют работы Л. Н. Гумилева, изучавшего особенности представлений об историческом времени на уровне этносов [2]. Исследование генезиса идей порядка и хаоса, стабильности и переходности представлено работами В. В. Васильковой [1], Е. Н. Князевой и С. П. Курдюмова [4].

Несомненно, опыт изучения структурных компонентов процесса познания культурно-исторической реальности эвристически полезен и проливает свет на многие стабильно проявляющиеся тенденции изучаемого ноогенеза. Однако данный подход содержит ряд трудностей. В первую очередь, в указанной области исследований можно отметить отсутствие типологического единства, а также емкого перечня структурных компонентов. Во-вторых, очевидной является разномасштабность отмеченных идей, их возраст и происхождение. И в-третьих, не совсем понятна логика избирательного интереса тех или иных авторов к различным идеям, которые берутся за основу понимания сущности и специфики культурно-исторической реальности.

Таким образом, изучение процесса познания культурно-исторической реальности в контексте двух отмеченных подходов показывает некоторую ограниченность их использования в отдельности. Одной из причин этой сложной и противоречивой ситуации является практически нивелируемое при парадигмальном подходе периодическое повышение интереса ученых к устойчивым идеям, что фактически представляет собой игнорирование вопроса выявления глубинных основ парадигмального процесса. С другой стороны, в контексте исследований структурных компонентов ноогенеза отмечается отсутствие работ, посвященных анализу механизмов их формирования. До конца нерешенным остается вопрос определения логики процесса популяризации и угасания отмеченных структурных компонентов в научной среде и культуре в целом. Также не имеют четкого ответа вопросы, касающиеся выявления закономерностей образования структурных целостностей и их влияния на парадигмальный процесс.

Теоретико-методологическую основу для преодоления отмеченной проблемной ситуации создает третий подход, который уместно назвать *структурно-парадигмальным*. Работ, относящихся к данному направлению изучения ноогенетического процесса, достаточно мало. Наиболее ярким примером исследований, строящихся на сопряжении парадигмального и структурного подходов, являются совместные работы И. М. Савельевой и А. В. Полетаева [7].

Структурно-парадигмальный анализ процесса познания культурно-исторической реальности должен включать следующие элементы:

- изучение его структурных компонентов, а именно отмеченных выше устойчивых идей, по отношению к которым вполне применимы термины «тема» или *«тематическая структура»*;
- описание и изучение механизмов формирования целостностей тематических структур, в отношении характеристики принципа образования которых уместно использование термина «паттерн», точнее *«тематический паттерн»*;
- изучение влияния тематических паттернов на парадигмальный процесс развития научного знания.

Вопрос изучения основных структурных компонентов, периодически реанимируемых в процессе познания культурно-исторической реальности, в первую очередь предполагает выбор соответствующих теоретико-методологических оснований. На уровне философии науки данный вопрос находит свое методологическое решение в работах Джеральда Холтона, обратившего внимание на структурные компоненты ноогенеза, которые он обозначил как темы или *тематические структуры*. Данные темы представляют собой наиболее устойчивые вопросы, возникающие при соприкосновении сознания с изучаемым объектом. По мнению автора, они стабильно проявляют себя на протяжении познавательного процесса, буквально проникая сквозь его основные этапы. По данному поводу Дж. Холтон отмечает, что анализ тематических структур «дает возможность находить в развитии науки определенные черты постоянства или непрерывности, некоторые относительно устойчивые структуры, которые воспроизводятся даже в изменениях, считающихся революционными, и которые подчас объединяют внешне несоизмеримые и конфрактирующие друг с другом теории» [9; 9]. Однако Дж. Холтон не сформулировал четких критериев для выявления тематических структур в научном знании, ограничившись их фрагментарной, разномасштабной и типологически невыдержанной констатацией в области физики и других точных наук. Возможной причиной отмеченного положения является то, что темы, по мнению Дж. Холтона,

уточняются и развиваются, то есть перечень тем постоянно меняется и дополняется.

Кроме того, в настоящее время окончательно нерешенной остается проблема определения понятия «тематическая структура». Возможной причиной данной ситуации является сложность самого изучаемого феномена и множество его теоретических интерпретаций. Данное определение можно сформулировать следующим образом: тематическая структура – это магистральная (или ноогенетическая) линия развития укоренившейся в сознании субъекта идеи, выражающей устойчивое понимание познаваемой реальности. По сути дела, тематические структуры – это пример постоянного проявления и развития сквозных идей, присутствующих в археологических пластах сознания.

Генезис тематических структур в изучаемой области берет свое начало с древнейшего периода истории и позволяет констатировать определенное количество идей, на основании которых сформировался перечень устойчивых и повторяющихся тем. В ходе соприкосновения субъекта с различными формами конкретно-исторической реальности шел постепенный отбор различных идей, дающих то или иное объяснение происходящим в ней процессам. Вследствие данного отбора наиболее жизнеспособные идеи, закрепляясь в сознании, принимали форму тематических структур. На протяжении истории познавательного процесса многие темы воспроизводились неоднократно и в определенной степени получили четкое закрепление за порождающими их формами реальности. В результате в сознании субъекта были заложены устойчивые реакции, выраженные в реанимации тех или иных тематических структур, направленных на адекватное объяснение ее состояний.

В настоящее время довольно актуальной и достаточно трудной является задача составления исчерпывающего перечня, а также классификации тематических структур в области исследования культурно-исторического процесса. В данном вопросе необходимо подчеркнуть, что тематические структуры с течением времени дифференцируются, усложняются и множатся, уходя от первоначального минимального перечня, сформировавшегося на ранних стадиях познавательного процесса. Кроме того, многие темы в изучаемой области создаются на коллективном уровне в контексте длительных периодов истории, а некоторые имеют частнонаучное происхождение.

Фиксация наиболее устойчивых сквозных идей, многократно воспроизводимых в исследованиях культурно-исторической реальности, позволяет предположить, что к области тематических структур в рассматриваемой сфере относятся следующие: начала и конца; сворачивающейся и разворачивающейся спирали истории; порядка и хаоса; прошлого, настоящего и будущего; жизненного цикла; неизменности и изменений; развития; прогресса и регресса; эволюции и инволюции; стабильности и переходности; рока судьбы; фатализма; наличия и отсутствия исторического закона; источника смысла (извне или от человека); общности и уникальности истории; мессианства; возрождения; золотого века; вечного возвращения и многие другие.

Следует отметить, что даже самое обстоятельное изучение отдельных тематических структур не проливает свет на сущностные стороны изучаемого ноогенеза в целом, поскольку в сознании субъекта на том или ином этапе процесса познания актуализируются не простые совокупности тем, а их системные целостности, принцип образования которых вполне соотносим со смысловым значением термина «паттерн». У термина «паттерн» достаточно много определений. Во избежание терминологических несоответствий в данной работе в качестве базисного используется определение, данное Фритьофом Капрой. Согласно автору, «*Паттерн организации* любой системы, живой или неживой, – это конфигурация взаимоотношений между компонентами системы, определяющая существенные характеристики этой системы. <...> Именно ту конфигурацию взаимоотношений, которая обусловливает существенные характеристики системы, мы и будем понимать как паттерн организации» [3; 176].

По сути дела паттерн или тематический паттерн – это принцип, согласно которому тематические структуры, востребованные в сознании субъекта, приводятся в логическое соответствие. Тематические паттерны создают возможность комплексного объяснения познаваемой реальности на основании актуализированных реакций сознания путем приведения «тематических сумм» в «системные целостности».

Достаточно перспективное направление исследований представляет собой вопрос изучения логики, согласно которой темы сопрягаются, то есть приводятся в согласованное единство вследствие действия определенных паттернов. Разработка отмеченного вопроса позволяет выделить несколько аспектов логики сопряжения тематических структур в изучаемой сфере познания.

Во-первых, сам разработчик тематического анализа Дж. Холтон отмечал, что тематические структуры, как правило, носят парный характер, состоящий из наличия темы и ее противоположной идеи, то есть антитемы [9; 27]. Ноогенетическое развитие тематической пары строится по принципу поочередного доминирования и в графическом отражении напоминает асинхронное наложение двух синусоид, резко расходящихся и сходящихся в одной точке на оси x. Данная точка схождения олицетворяет процесс появле-

ния кратковременного «тематического компромисса», примиряющего крайние тематические решения на фоне смены их доминант. Таким образом, реанимацию определенных тем можно связать с неспособностью их противоположных воплощений объяснить ту или иную грань познаваемой реальности. Во-вторых, существуют комплексные, как минимум, триплетные темы, дающие несколько вариантов объяснения какого-либо элемента познаваемой реальности. Ярким примером служит целый перечень тем, иллюстрирующих модели истории, поскольку входящие в данный перечень идеи циклизма, разового жизненного цикла, линейного и волнового развития находят свое обоснование практически всегда, и их попеременная популяризация обусловлена скорее временными факторами, нежели окончательной победой одной из тематических структур. В-третьих, среди различных тем существуют явные механизмы сопряжения. Иначе говоря, некоторые тематические структуры как бы притягиваются, дополняя друг друга, а другие, напротив, вследствие явных противоречий отталкиваются. Например, тема стабильности сопряжена с темами порядка, исторического закона и вечного возвращения, тема переходности, в свою очередь, сопряжена с темами хаоса, изменения, фатализма, конца и возрождения. В-четвертых, в зависимости от определенных тематических доминант подчиненные темы перестраиваются, отражая характер господствующих тематических структур. Как уже было отмечено, темы характеризуются неоднородностью и, соответственно, иерархичностью, в которой есть базисные и подчиненные структуры. Примером в отмеченном случае служит подчиненность цикличных и линейных моделей истории темам прогресса и регресса. В-пятых, логика реанимации и сопряжения тематических структур находится в прямой зависимости от форм конкретно-исторической реальности, с которой взаимодействует субъект. В данном случае сама реальность провоцирует со стороны субъекта познавательную активность и создание тематических целостностей, дающих объяснение ее различным состояниям. В результате особым тематическим своеобразием окрашиваются периоды стабильности и переходности, кризисы и упадки, периоды застоя и возрождения.

На основании действия указанных аспектов в сознании субъекта формируются тематические единства, или паттерны, то есть комплексы сопряженных между собой тематических структур, дающих объяснение культурно-исторической реальности.

Помимо изучения тематических паттернов, соответствующих основным формам культурно-исторической реальности, достаточно перспективным выглядит исследование моментов их смены, то есть качественно-своеобразных ноогенетических ситуаций переключения с одной тематической целостности на другую. В данные периоды субъект использует всю массу способов видения познаваемого объекта, включая создание новых, вплоть до того момента, когда один из них не позволит адекватно объяснять те процессы, которые происходят в познаваемой реальности.

Изменения, которые провоцируют переключения, носят сложный характер, касаются глубинных основ человеческой психики и могут быть вызваны как внутрикультурными, так и внешними факторами. Однако, как правило, в смене паттернов определяющую роль играют внешние условия, поскольку сама историческая реальность, говоря словами К. Поппера, выступает своеобразным фальсификатором представлений о ней со стороны субъекта. Реальность, меняясь с различной скоростью и в различной степени, подвергает проверке все объяснения, которые проецирует на нее субъект. В результате возникает ситуация выбора теории, которая наилучшим образом выдерживает конкуренцию с другими теориями и «которая в ходе естественного отбора оказывается наиболее пригодной к выживанию» [6; 144], но лишь до тех пор, пока изменения реальности не приведут к новому кризису познавательных способностей субъекта и, соответственно, к новой ситуации отбора. Следует подчеркнуть, что ситуация выбора подходящей тематической целостности для объяснения измененных форм культурно-исторической реальности может носить достаточно кратковременный характер. Дело в том, что находящиеся в основе развития научного знания тематические структуры и их целостности в процессе ноогенеза получили четкое закрепление за конкретными формами пробуждающей их реальности вплоть до архетипического уровня.

Анализ логик сопряжения тематических структур и процесса паттернообразования показывает, что паттерны имеют устойчивую и вполне однообразную «тематическую матрицу». Однако в каждом отдельном конкретно-историческом случае в контексте той или иной культуры паттерны воплощаются в уникальном виде.

Тематические паттерны, отражающие основные состояния культурно-исторической реальности, оформляются уже на ранних этапах культурогенеза. Глубокая интегрированность данных паттернов в архаические слои культуры делает проблему их выявления, конкретизации и описания достаточно сложной и предполагает анализ большого числа источников, несущих их отпечатки. Существуя и развиваясь в контексте различных культур, паттерны входят в тесную органическую связь с их корневыми структурами, обретая свое тематическое выражение на языке фольклора, мифов, религии и обыденного сознания. По мере усложнения и развития по-

знавательного процесса форма выражения паттернов дополняется языками науки.

Каждая культура в ходе своей истории вырабатывает определенное число конкретно-исторических воплощений паттернов, составляющих основу понимания сущности и специфики культурно-исторического процесса для большинства ее представителей. Данное обстоятельство позволяет заключить, что изучаемые паттерны отражают ментальное поле культуры и тесно связаны с культурной идентичностью субъекта. Следовательно, передача паттернов может происходить подсознательно, вместе с процессом вхождения человека в культуру. Иначе говоря, вместе с культурной идентичностью человек впитывает ноогенетические паттерны, сформировавшиеся в рамках культуры, к которой он принадлежит изначально или которую он усваивает в процессе инкультурации.

Паттерны, сформировавшиеся на коллективном уровне, а именно на уровне культуры в целом, оказывают серьезное влияние на процесс становления и развития научных представлений отдельного познающего субъекта. Если рассматривать научные взгляды какого-либо ученого в области трактовок сущности и специфики культурно-исторического процесса, то помимо сложных биографических факторов и вкусовых предпочтений, формирующих его научные взгляды, в первую очередь необходимо учитывать его культурную идентичность и тематические паттерны, имеющиеся в данной культуре. Также следует учесть, какой именно паттерн являлся востребованным в период научной деятельности самого ученого. Кроме того, тематические паттерны, задействованные в тот или иной период развития знания, оказывают серьезное влияние на деятельность научного сообщества в целом. Данные паттерны, находящиеся по ту сторону парадигм, ведут к периодическому пробуждению тематических комплексов, то есть наборов актуализированных и логически сопряженных тематических структур, образующих определенный интеллектуальный фон, в контексте которого создаются различные научные концепции. Именно с этим обстоятельством во многом связано отмеченное в начале данного текста наличие серьезных противоречий, возникающих в ходе сравнения авторских теорий культурно-исторического процесса.

Таким образом, дальнейшее изучение процесса становления и развития тематических структур, механизмов образования их системных целостностей, а также влияния данных тематических целостностей на парадигмальный процесс в рассматриваемой сфере является эвристически перспективным и представляет собой научную инновацию. Дальнейшее изучение отмеченных вопросов находит свое обоснование в сфере изучения адаптивной функции сознания, становления и развития интеллекта, в области когнитивной и гештальтпсихологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Василькова В. В. Порядок и хаос в развитии социальных систем: Синергетика и теория социальной самоорганизации. СПб.: Лань, 1999. 478.
2. Гумилев Л. Н. Этнос и категория времени // Доклады отделений и комиссий географического общества СССР. Вып. 15. Этнография. Л., 1970. С. 143–157.
3. Капра Ф. Паутина жизни. Новое научное понимание живых систем: Пер. с англ. / Под ред. В. Г. Трилиса. М.: Гелиос, 2002. 336 с.
4. Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпомиры. СПб.: Алетейя, 2002. 414 с.
5. Кун Т. Структура научных революций: Пер. с англ. / Сост. В. Ю. Кузнецов. М.: АСТ, 2003. 605 с.
6. Поппер К. Логика и рост научного знания. Избранные работы: Пер. с англ. М.: Прогресс, 1983. 605 с.
7. Савельева И. М., Полетаев А. В. История и время. В поисках утраченного. М.: Языки русской культуры, 1997. 800 с.
8. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений: Пер. с англ. СПб.: РХГИ, 2000. 1054 с.
9. Холтон Дж. Тематический анализ науки: Пер. с англ. М.: Прогресс, 1981. 383 с.

Май, № 3 **Педагогика** **2012**

УДК 37.017

ЛЮДМИЛА АЛЕКСАНДРОВНА ГРИЦАЙ
кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры философии и психологии, Московский государственный университет культуры и искусств
usan82@gmail.com

ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВЫ СОВРЕМЕННОГО РОДИТЕЛЬСТВА В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Рассматриваются ценностные основы семейных взаимоотношений в отечественной философско-педагогической мысли XII–XX веков. На основе анализа исторических философско-педагогических источников определяется национальный идеал родительского воспитания детей.

Ключевые слова: национальное мировидение, ценностные основы культуры, родительство

В последние годы в отечественной научной литературе широко обсуждается вопрос о необходимости укрепления института семьи. Ни для кого не секрет, что в современной России семья переживает острый кризис, проявляющийся в первую очередь в сфере детско-родительских отношений. Ослабляются социальные связи между родителями и детьми, снижается значимость родства и родительства. Безусловно, подобные негативные явления требуют поиска способов преодоления сложившейся ситуации. В связи с этим актуальность приобретает проблема изучения ценностных идеалов родительства, запечатленных в трудах виднейших отечественных ученых прошлых веков. Исходя из этого мы определили следующие цели исследования: на основе анализа отечественных научных источников определить место родительства в системе ценностей семейной жизни, характерных для национальной традиции; с помощью эмпирического исследования изучить современные модели родительства и их культурные основы.

Безусловно, важнейшие ценности национального мировидения формируются тогда, когда возникает государственность. На заре русской цивилизации были заложены его смыслоопределяющие основы. И при этом ценности семьи и родительства заняли достаточно высокое место среди духовно-нравственных ориентиров человека Древней Руси [11]. Мы можем выделить два характерных философско-культурных источника семейной жизни людей Древней Руси: восточнославянскую и христианскую концепции. На наш взгляд, взаимодействие этих концепций рождает определенное отношение к родительству и детству как культурным феноменам, соответствующим характеру всей эпохи.

Содержание восточнославянской концепции родительского поведения отражено в фольклоре и этнографических исследованиях. Следует отметить, что почтительное отношение к родительству, заложенное в народном понимании, связывалось с особенностями образа жизни наших предков. Как отмечает В. Н. Дружинин, для Древней Руси XII–XIV веков было характерно «аграрно-мистическое мироощущение», предполагавшее культ матери-земли, рода и родительства [5; 53]. В этом ключе ценностями семейной жизни выступали: уважение к старшим, доброта, сила духа, смелость, трудолюбие, взаимопомощь [2].

Распространение христианской концепции родительского поведения было связано с крещением Руси, когда была принята четкая иерархия ценностей: *Бог – семья – общественное служение – личные интересы*. Более того, в православной традиции сформировалось особое восприятие семьи как *Малой Церкви*, обеспечивающей духовное единство всех ее членов [8; 274]. Отсюда исходили и главные ценности родительства: чадолюбие, супружеская верность, терпение, благочестивое воспитание детей и ответственность за их судьбы перед Всевышним. При этом, изучая представления о родительстве в культуре Древней Руси, невозможно обойти стороной проблему, которую обозначил в своих работах Г. Митрофанов. В частности, ученый полагает, что высокое место родительства в структуре ценностных ориентаций общества было определено малым кругом интеллектуальных и религиозных деятелей Киевской Руси [9]. Связано данное обстоятельство, безусловно, с постепенной христианизацией населения, которая в научной литературе обозначена феноменом «двоеверия».

Сложившаяся национальная традиция ценностного отношения к родительству в значительной степени определила направление развития русской семьи на несколько столетий вперед.

Однако в начале XVI века в период становления Московского государства мы можем обнаружить тенденцию усиления внешнего благочестия, которое проявилось в возрастании строгого и требовательного отношения как к семье в целом, так и к родительству в частности. Например, в знаменитом памятнике древнерусской литературы «Домострой» семья рассматривает-

© Грицай Л. А., 2012

ся уже как модель государства, где каждый имеет свои права и обязанности. В «Домострое» акцент делается на ответственности родителей за воспитание своих детей в «поучении и страхе Божьем», повиновении детей родителям, четкой иерархии взаимоотношений в семье.

Уже в середине XVII века Россия не выдерживает тягот ею же выбранного пути «ревностного благочестия». Своеобразным выражением этого становится раскол, охвативший не только церковь, но и все общество.

Все эти процессы подготовили почву для прихода царя-реформатора Петра I, который избрал для России западный путь развития, превратив свое государство в мощную империю с приоритетом общественных ценностей служения государству над семейно-религиозными. Впервые интересы государства стали ставиться выше, чем религиозный идеал спасения и приоритеты родительства. Тогда же стали набирать силу две концепции родительского поведения, которые мы можем обозначить как государственную и сословную. Суть первой состояла в активном вмешательстве государства в дела семьи. Вторая концепция была связана со значительным разделением практики воспитания детей в дворянских семьях и в остальных сословиях России. Тогда многие дворяне приняли за идеал европейскую модель родительского поведения, которая сводилась к серьезному отчуждению детей от семьи.

Но уже в начале XIX века стали появляться педагогические сочинения, которые явным образом полемизировали с данным подходом. Авторов этих работ можно отнести к двум направлениям, которые обычно обозначают как умеренно-традиционное и революционно-либеральное.

Представители первого направления (К. Д. Ушинский, А. С. Хомяков, Н. И. Пирогов, И. С. Аксаков) рассматривали родительство в качестве значимой личной и общественной ценности в рамках единой религиозно-государственной концепции, деятели второго (В. Г. Белинский, К. Н. Вентцель, А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский) выступали за либерализацию всего российского общества, в том числе сферы семейных отношений. Безусловная заслуга представителей этих двух направлений заключается в первую очередь в том, что они привлекли внимание русской общественности к проблемам семейного воспитания как важнейшему этапу становления личности ребенка, поставив родительский труд в ряду значительных ценностей национального бытия.

Как известно, рубеж XIX–XX веков в истории России стал переломным временем. Противоречия внутри российского общества привели его к революции 1917 года, итогом которой стало разделение русской философско-педагогической мысли на два течения: эмигрантское и советское.

Культура русской эмиграции характеризуется разнообразными направлениями, однако все-таки главным из них является христианско-аксиологическое осмысление приоритетных для возрождения Отечества ценностей, среди которых важное место занимает семейная жизнь человека. Именно этой теме уделял значительное внимание И. А. Ильин. Философ называл семью «школой любви и жертвенности». В родительстве, основанном на «умении любить крепко и долго» и глубоком нравственном достоинстве, он видел основу сохранения и процветания России [6; 198].

Отношение к родительству в советской педагогике было не таким однозначным, оно претерпело значительные изменения: от периода активной пропаганды замены семейного воспитания общественным (1918–1960) до периода педагогического просвещения родителей и повышения престижности семейного образа жизни (1970–1980).

В 20–30-е годы XX века была полностью разрушена прежняя система ценностных ориентаций. На смену ей пришла иная, утвердившая в качестве приоритета общественные интересы – коллективизм, на ступень ниже – личные потребности, а вера в Бога и семья были объявлены уходящими в небытие «пережитками» прошлого. Так, например, Н. К. Крупская активно выступала за освобождение женщин из-под домашнего гнета, полагая, что воспитание детей должно возлагаться на плечи общественных образовательных институтов [10]. Но время показало, что радикальный отказ от семейной жизни для человека невозможен. Поэтому к началу 1940-х годов государство предприняло ряд шагов по укреплению семьи и приняло ее в качестве «ячейки общества». Вновь стали появляться работы педагогов, направленные на возрождение национально-ценностного отношения к семье.

Теме нравственного потенциала детско-родительских отношений уделял значительное внимание В. А. Сухомлинский. Изучалась тема родительства в работах И. С. Кона, С. В. Дармодехина, Т. А. Флоренской, О. Л. Зверевой, А. Н. Ганичевой и мн. др. В СССР в 80-е годы XX века в программу школ вводился курс И. В. Гребенникова «Этика и психология семейной жизни».

Крах советского государства привел к новой волне социальных, экономических и нравственных потрясений, сопровождающихся изменением системы ценностей, когда на первое место были поставлены личные потребности и желания человека, что только усугубило кризисные явления в области родительства.

С целью изучения ценности родительства в сознании молодых соотечественников мы

в августе 2010 года провели экспериментальное исследование (включавшее в себя беседу и анкетирование) среди родителей в возрасте от 23 до 35 лет. Всего в исследовании участвовали 50 родителей (супружеские пары и матери или отцы).

Результаты исследования позволили предположить, что сегодня в России существуют пять основных моделей родительства, которые мы можем обозначить как родительство, сохраняющее остатки традиционности, «расколотое» родительство, девиантное родительство, «индивидуалистическое» и созидательное родительство.

Первая модель обозначена нами как родительство, сохраняющее остатки традиционности. Согласно данным нашего исследования, такая модель родительства характерна для 56 % опрошенных. Как правило, родители в подобных семьях стремятся к рождению нескольких детей, свидетельствуя о своем в целом положительном опыте родительства. Среди мотивов желания иметь детей, наиболее часто выделяемых этими респондентами, преобладают внутренние психологические мотивы. Основные представления о родительстве в подобных семьях связаны с тем, что родители помнят о своей ответственности за судьбы детей, заботятся не только об их пропитании, но и об образовании и воспитании, уделяя внимание их внутреннему нравственному развитию. При этом родители сохраняют в глазах детей действительный авторитет.

Родительство второй модели может быть условно названо «расколотым», образовавшимся в результате разрушения семьи либо изначального одинокого материнства (крайне редко отцовства). В данном случае одному из родителей приходится совмещать в своем лице материнские и отцовские позиции. И такое вынужденное совмещение не проходит бесследно для формирования личности ребенка. Конечно же, примеры одинокого родительства не редкость для России, история которой изобилует войнами, морами и различными общественными катаклизмами, однако массовый характер эта модель приобрела именно в XX веке.

В нашем опросе 12 % женщин указали, что воспитывают ребенка в неполной семье (две из них официально являются матерями-одиночками, четверо состоят в разводе). Две женщины ответили, что находятся в так называемом «гражданском браке» и воспитывают детей от этого «брака» (данная категория родительства была отнесена нами к подобной модели вследствие непрочности подобного союза мужчины и женщины, готового распасться от любого даже малого конфликта). Случаев одинокого отцовства нами зафиксировано не было.

Третью модель родительства можно обозначить как девиантную. Родители в таких семьях часто имеют низкий социальный статус, ведут аморальный, а порою и противоправный образ жизни, дети находятся без надзора и наиболее подвержены разрушительному влиянию деструктивных асоциальных форм поведения. К сожалению, в России в настоящее время существует достаточно много примеров таких неблагополучных семей, хотя в нашем опросе случаев девиантного родительства выявлено не было.

Четвертая модель названа нами «индивидуалистическим» родительством. Такое родительство, как правило, строится на партнерских взаимоотношениях между родителями и детьми, основанных на принципе соблюдения взаимных интересов, доходящих до прямого попустительства ребенку делать то, что он захочет. Предполагая малодетность, определенное отчуждение членов семьи друг от друга, свободное воспитание, это родительство характеризуется предъявлением минимума требований к ребенку, моральной независимостью детей от родителей.

В нашем исследовании мы определили 12 % родителей, тяготеющих к данной модели. Особо отметим, что такие родители стремятся к безусловной однодетности, всеми силами демонстрируя ее преимущества. Среди мотивов желания иметь ребенка опять-таки преобладают внутренние психологические и социальные мотивы исполнения определенной нормы поведения. Среди препятствий к рождению детей такие родители, как правило, особо указывают на экономические и социальные причины, а также на то обстоятельство, что дети являются существенной помехой карьере родителей и отчасти мешают их самореализации в жизни и в обществе.

Родительство последней модели названо созидательным. В результате исследования было выявлено 16 % молодых людей, для которых такая форма родительского поведения является характерной. На наш взгляд, именно эта модель в большей степени отвечает духовно-нравственному наследию России, предполагая не только осознанное отношение родителей к своим обязанностям, эмоциональной готовности к принятию ребенка и родительской ответственности, но и опору на создание духовно здоровой семьи в традиции ценностей национальной культуры.

В отличие от первой рассмотренной нами модели, созидательное родительство опирается на более прочную мировоззренческую платформу, не только определяющую родительство в числе важнейших семейных ценностей для человека, но и предлагающую определенный образ построения взаимоотношений в семье на основе христианских нравственных смыслов бытия. Именно у этих родителей выявлено безусловное стремление к двух-трехдетности.

Полученные в ходе нашего исследования результаты в целом сопоставимы с данными аналогичных работ. Так, по мнению известного ученого А. И. Антонова, в современной России наблюдается снижение уровня репродуктивных ожиданий молодежи в сравнении с соответству-

ющими установками их родителей. Главную опасность сложившейся ситуации ученый видит в «массовом распространении многоразводной и малодетной семьи в качестве социальной нормы и признание ее общественностью» [1].

Как свидетельствуют данные статистики, модель «расколотого» родительства в целом по России также более распространена, чем это продемонстрировало наше исследование. Ученые пишут о 30 % детей, рожденных вне брака [4]. Часть этих детей, правда, по письменному заявлению родителей регистрируются с фамилией и отчеством отца, но опять-таки возникает вопрос о том, насколько долго продлится сожительство матери с родным отцом ребенка. Число семей с девиантным родительством в современной России постоянно растет и достигает уже недопустимо высокого уровня [3]. Что касается пятой из выделенных нами моделей родительства, то, по заключению большинства ученых, религиозно ориентированные семьи более прочны и многодетны по сравнению с другими [4; 28]. Однако таких семей достаточно мало (действительно верующими людьми, то есть стремящимися в своей жизни воплотить религиозные нормы бытия, могут считаться лишь 10 % от всего населения страны [7]). Поэтому такие семьи лишь отчасти могут влиять на общую картину современного родительства.

Все эти обстоятельства не могут не вызывать тревоги, так как нетрудно предположить, что ждет нашу страну в будущем, если модели «расколотого», «индивидуалистического» и девиантного родительства станут приоритетными для большей части наших сограждан. Скорее всего, тогда Россия будет постепенно растворяться в глобальном мире, теряя свою культуру и национальную самобытность. Ведь в обществе, где людей уже ничего не объединяет, разобщенность достигает предела. Можно предположить, что при таком развитии событий еще большую популярность приобретут так называемые «гражданские» и «гостевые» браки.

Какие же выводы можно сделать из вышесказанного?

Во-первых, родительство в русском национальном миропонимании на протяжении столетий рассматривалось как важнейшая духовно-нравственная ценность.

Однако на сегодняшний день будущее российского родительства представляется нам весьма сложным, так как утрата традиционных моделей сопровождается активным распространением ценностей индивидуализма.

Во-вторых, единственный, на наш взгляд, выход из сложившейся ситуации заключается в возвращении к сложившимся веками идеалам родительского поведения, которые являются наиболее продуктивными для сохранения человеческого потенциала России. Это традиционная и созидательная модели родительства.

В-третьих, становление традиционной и созидательной моделей родительства требует не только мер государственной поддержки, оказания семье с детьми широкого спектра психолого-терапевтической и медико-социальной помощи, координации работы СМИ по повышению престижа родительства в современном обществе, создания возможностей для педагогической подготовки молодежи к родительству, включающих в себя деятельность в учебно-воспитательном пространстве школ, колледжей и вузов, но и значительного преображения всей системы духовно-нравственных ориентиров наших соотечественников.

Однако ценностное преображение общества требует ответственного выбора каждым человеком определенной системы ценностей, при которой он добровольно готов смирять себя ради блага своей семьи и окружающих людей. Поэтому вопрос о будущем российского родительства и шире – будущем самой России остается открытым.

Каждому из нас следует помнить, что от того, удастся ли нашей стране в наступившем столетии сохранить свою культуру, национальную целостность и определенное место в мировом пространстве, зависит будущее наших детей, внуков и правнуков. По сути дела, строя свою сегодняшнюю жизнь, мы выбираем их судьбу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонов А. И. Почему нельзя надеяться, что рождаемость повысится [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.demographia.ru
2. Власова Т. Духовное содержание ценностей семейного воспитания в Древней Руси [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://nansysan.narod.ru/index3021.html
3. Гостунская Я. И. Особенности психолого-педагогической работы с семьями девиантных подростков [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.ncstu.ru
4. Гурко Т. А. Трансформация института родительства в постсоветской России: Автореф. дисс. … д-ра социол. наук. М., 2008. 48 с.
5. Дружинин В. Н. Психология семьи. СПб.: Питер, 2011. 176 с.
6. Ильин И. А. Путь духовного обновления // Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. М.: Русская книга, 1996. Т. 1. С. 39–282.
7. Кураев А. В. Церковь в мире людей. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2009. 544 с.
8. Лопин Р. А. Кризис современной российской семьи // Материалы Всерос. науч.-практ. конф., 17–18 ноября 2009 г. «Семья – культура – образование в изменяющейся России». Саратов: Научная книга, 2009. С. 272–276.
9. Митрофанов Г. Агиографический образ и историческая реальность семейной жизни в Русской Православной Церкви [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.kiev-orthodox.org/site/family/1534
10. Педагогическая теория Н. К. Крупской // История педагогики. М.: Просвещение, 1982. 447 с.
11. Чумакова Т. В. Образ человека в культуре Древней Руси: Автореф. дисс. … д-ра филос. наук. СПб., 2002.

Май, № 3 **Педагогика** **2012**

УДК 378

ВИКТОРИЯ СЕРГЕЕВНА ПЛОТНИКОВА
аспирант кафедры педагогики, Карельская государственная педагогическая академия
plotnikovaptz@mail.ru

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА ФЕДОРОВА
кандидат педагогических наук, профессор кафедры педагогики, Карельская государственная педагогическая академия
fedorov182@bk.ru

ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ К АНИМАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВУЗА

В статье раскрываются понятия анимационной деятельности и педагогической анимации. Приводится структура педагогической анимации. Предлагается модель профессиональной подготовки студентов педагогического вуза к анимационной деятельности

Ключевые слова: ценностно-смысловой подход, педагогическое образование, анимационная деятельность, педагогическая анимация, профессиональная подготовка, модель, педагогический вуз

В последние годы в сфере педагогически организованного культурного досуга формируется новое направление – анимационная деятельность. Это инновационная деятельность по вовлечению участников культурно-развивающего процесса в активные, творческие, взаимообогащающие межличностные отношения, а также по формированию деятельного, культурно-творческого отношения к своему свободному времени, а также наделение субъекта качествами организатора, имеющего арсенал разнообразных средств духовно-культурного обогащения досуга других людей.

Актуальность анимационной деятельности в педагогике обусловлена следующими факторами [3]. Во-первых, ее историческое возникновение было вызвано необходимостью специфического социального контроля свободного времени, способствующего максимальному выражению внутреннего «я» личности. Во-вторых, в настоящее время свободное время все в большей степени становится временем реализации личностных желаний, поощряемых или отвергаемых семьей, школой, работой, а анимационная деятельность, поощряя свободное волеизъявление личности, должна направлять ее культурно-досуговые потребности и реализовывать ее желания. В-третьих, происходит установление равновесия между досуговыми запросами личности и ее социальной включенностью в коллектив. В-четвертых, это социальный контроль, направленный на неформальное самообразование, саморазвитие и самовоспитание личности в условиях организованного досуга.

В последнее десятилетие анимационная деятельность получает свое распространение не только в социокультурной и рекреационной областях, но и в педагогической сфере. Вопросы педагогической анимационной деятельности поднимают Е. Б. Мамбеков [5], И. И. Шульга [13], [14], [15], Н. В. Мартишина [6], Л. В. Тарасов [11], [12], С. В. Кульневич [3], Г. А. Наседкина [7], Е. Я. Орехова [9], Л. В. Волик [2], М. В. Никитский [8].

Педагогическая анимационная деятельность – это особый вид образовательной деятельности в сфере культурного досуга, основанный на современных социально-педагогических, психологических, культуротворческих, здоровьесберегающих технологиях, обеспечивающий организацию активного досуга детей, подростков, молодежи [13]. С точки зрения профессиональной деятельности И. И. Шульга определяет ее как «многомерную и многоплановую деятельность, предполагающую совокупность различных взаимодействий педагога и учащихся в досуговой сфере, с помощью которых удовлетворяются и развиваются релаксационно-оздоровительные, культурно-образовательные, творческие, духовно-нравственные потребности и интересы, формируется социально-активная личность, способная к преобразованию окружающей действительности и себя в ней» [15]. Структура педагогической анимационной деятельности представлена на рис. 1.

Изучение основ педагогической анимационной деятельности будущими педагогами является не только одним из эффективных путей развития педагогического творчества, но и позволяет понять сущность воспитательного взаимодействия, основанного на способности уважать и ценить другого человека, чужое мнение, чуткость и душевную открытость человека, готовность понять и принять нечто новое и непривычное [1].

Создание адекватной модели подготовки будущих педагогов-аниматоров базируется на концептуальном понимании конструируемой модели как специально организованной многоуровневой системы, обеспечивающей подготовку будущих педагогов к организации досуговой деятельности детей, подростков и юношества [15].

© Плотникова В. С., Федорова Е. Н., 2012

Модель ориентирована на реализацию личностного потенциала будущего педагога-аниматора, а результатом подготовки является социокультурное развитие личности. Разработанная модель и выделенные организационно-педагогические условия направлены на профессиональное становление будущего педагога-аниматора и способствуют его профессионально-личностной самореализации. Структурно-функциональная модель подготовки будущего педагога-аниматора представлена на рис. 2.

Исходя из представленной модели, в качестве наиболее эффективных и продуктивных направлений подготовки студентов к использованию ресурсов анимационной деятельности в педагогике мы определили следующие организационно-педагогические условия.

1. Включение в учебный план курса по выбору «Основы анимационной деятельности», который направлен на формирование у будущих педагогов системы знаний, умений и навыков, необходимых для успешной деятельности в сфере организации культурного досуга детей и юношества в рамках учебно-воспитательного процесса и при организации каникулярного отдыха с целью рекреации, развития, развлечения. Курс относится к блоку дисциплин по выбору профессионального цикла (3.3), и его содержание включает изучение следующих разделов: основы анимации (цель, задачи, виды, функции, основные направления, ее природные и культурные ресурсы); требования к профессиональным качествам педагога-аниматора; драматургия и режиссура анимационной деятельности; технология создания и проведения анимационных программ разного вида: спортивных, зрелищно-театрализованных, конкурсно-игровых, приключенческих, творческих, танцевальных. В ходе изучения курса применяются индивидуальные и групповые формы работы, в которых используются различные педагогические задачи, игровые и актерские тренинги, ролевые игры, упражнения по отработке анимационного мастерства.

2. Использование теоретических и практических знаний, умений и навыков, полученных в ходе изучения дисциплины «Основы анимационной деятельности», в процессе педагогической практики через вовлечение будущих педагогов в социокультурное воспитательное пространство школьного образовательного учреждения.

Рис. 1. Структура педагогической анимационной деятельности

Организацию внеучебных культурно-досуговых мероприятий в роли помощника классного руководителя студенты факультета физической культуры начинают с третьего курса. На итоговой конференции студентам 3-го курса в 2010 году в числе проблемных вопросов для обсуждения был предложен вопрос «Проблемы планирования и организации внеурочной и внеклассной работы с учащимися разных возрастов и пути их решения». Студентами-третьекурсниками были выделены следующие моменты: наиболее сложной оказалась проблема планирования формы культурно-досугового мероприятия – проще всего спланировать и провести спортивные соревнования и эстафеты; следующей проблемой стало вовлечение учащихся средних и старших классов в культурно-досуговую деятельность, младшие же школьники с увлечением и охотой участвовали в предложенных мероприятиях. Студенты не смогли указать каких-либо конкретных путей решения данных проблем, но были сделаны общие выво-

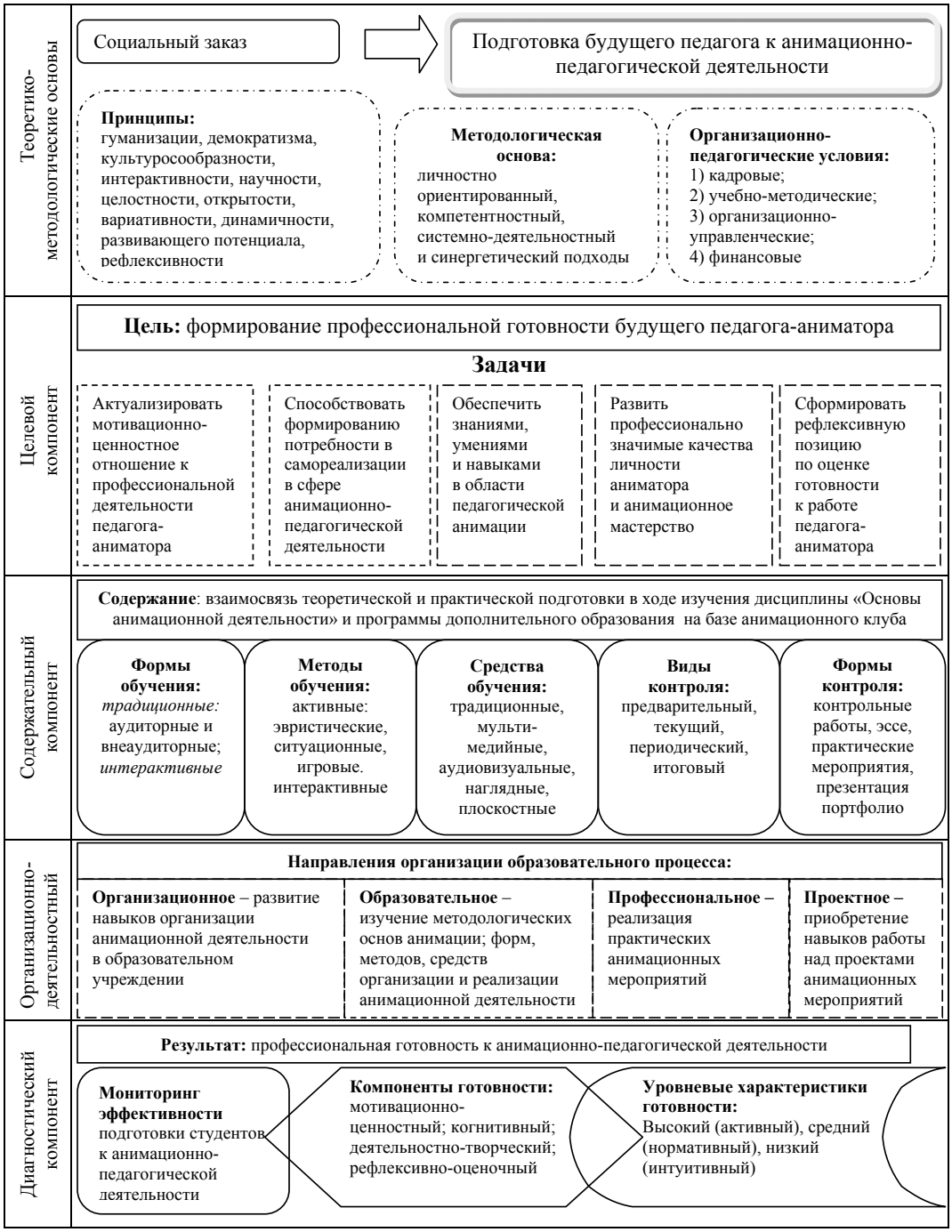

Рис. 2. Структурно-функциональная модель подготовки будущего педагога-аниматора

ды о том, что знаний в данной сфере деятельности им не хватает.

Как показывают результаты опытно-экспериментальной работы, на заключительной конференции 3-го курса в 2011 году многие студенты (74 %) указали, что после изучения курса «Основы анимационной деятельности» не испытывали больших затруднений, связанных с организацией внеурочной и внеклассной досуговой деятельности учащихся, и смело вовлекали учащихся в спортивно-оздоровительные (36 %), спортивно-зрелищные (28 %), конкурсно-развлекательные (42 %), творческие (8 %), культурно-познавательные (18 %) и даже приключенческие (6 %) анимационные программы.

В 2011 году среди студентов того же 3-го курса, которые не изучали предложенный курс по выбору, было отмечено, что во время педагогической практики при организации внеурочных досуговых мероприятий не хватало знаний по их организации и проведению. Самой распространенной формой внеклассных мероприятий стали спортивные праздники (65 %), беседы по здоровому образу жизни (42 %) и спортивно-развлекательные программы (34 %).

Исходя из представленных данных, можно сделать вывод о том, что изучение курса «Основы анимационной деятельности» способствует не только формированию осознанного отношения к досугу, пониманию его роли, но и творческому практическому использованию возможностей анимационной деятельности в образовательном процессе.

3. Организация и работа анимационного межфакультетского клуба «Одушевление», который готовит будущих педагогов к роли руководителя школьного анимационного клуба, и его сотрудничество с педагогическим сервисным отрядом «Эдельвейс», созданным на базе службы по трудоустройству в Карельской государственной педагогической академии.

Анимационный клуб – это не только возможность обучения различным досуговым технологиям, ведь молодежь зачастую выбирает социально неперспективные виды отдыха, студенты не просто учатся организовывать свой досуг, но и наделяются качествами организатора досуга других людей.

В качестве индикатора компетентности будущего педагога-аниматора можно выделить и составление портфолио аниматора. Портфолио – своего рода «индивидуальная папка», в которой зафиксированы личные достижения субъекта образовательной деятельности: оценочные листы, проекты, планы выступлений, презентации, отчеты и другое [10]. Поэтому обучение студентов основам педагогической анимационной деятельности ориентировано и на создание условий для самостоятельного учета и оценки собственных достижений. В связи с этим каждый участник анимационного клуба оформляет свое профессиональное портфолио. Возможными темами портфолио могут стать: «Теоретический монолог», «Что бы это значило?» – понятийно-терминологический словарь, «Размышление на тему…» – ценностно-рефлексивный анализ по теме портфолио. В электронном виде у каждого студента представлены презентации своей педагогической анимационной деятельности. Такое портфолио не только ориентирует студента на достижение успехов, но и создает условия для дальнейшего совершенствования умений и качеств, что способствует профессиональному развитию будущего педагога.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Булатова О. С. Педагогический артистизм: Учеб. пособие для студентов высш. пед. учеб. заведений. М.: Издательский дом «Академия», 2011. 240 с.
2. Волик Л. В. К вопросу типологизации педагогов-аниматоров [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.intellect-invest.org.ua/pedagog_editions_emagazine_pedagogical_science_arhiv_pn_n2_2009_st_16/
3. Кульневич С. В., Бондаревская Е. В. Педагогика: личность в гуманистических теориях и системах воспитания: Учеб. пособие для студентов сред. и высш. пед. учеб. заведений, слушателей ИПК и ФПК. М.; Ростов-н/Д: Творческий центр «Учитель», 1999. 560 с.
4. Курило Л. В. Теория и практика анимации. Ч. 1. Теоретические основы туристской анимации: Учеб. пособие. М.: Советский спорт, 2006. 195 с.
5. Мамбеков Е. Б. Организация досуга во Франции: Анимационная модель: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. СПб., 1992.
6. Мартишина Н. В., Федяева С. А., Бабкина Н. Г. Театральная анимация как средство воспитания будущих педагогов // Педагогика социально-культурной сферы: история, теория, практика. Рязань: РЗИ МГУКИ, 2001. 180 с.
7. Наседкина Г. А. Опыт социокультурной деятельности подростков в системе дополнительного образования // Педагогика. 2007. № 4. С. 58–62.
8. Никитский М. В. Теоретические и исторические аспекты современной социокультурной анимационной деятельности // Вестник ПСТГУ. Сер. IV. Педагогика. Психология. 2008. Вып. 3. С. 28–36.
9. Орехова Е. Я. Педагогическая и социокультурная анимация в учебных заведениях Франции // Межвузовский сборник теоретико-методических материалов. Барнаул: БГПУ, 1999. С. 116–119.
10. Современные образовательные технологии: Учеб. пособие / Под ред. Н. В. Бордовской. 2-е изд. М.: Кнорус, 2011. 432 с.
11. Тарасов Л. В. Социально-культурная анимация: принципы, задачи, содержание // Вестник психосоциальной и коррекционно-реабилитационной работы. 2003. № 2. С. 59–66.
12. Тарасов Л. В. Социокультурная анимация: истоки, традиции, современность. М.: ЦСА «Одухотворение», 2008. 129 с.
13. Шульга И. И. Генезис понятия «Педагогическая анимация» // Педагогическое образование и наука. 2008. № 1. С. 35–40.
14. Шульга И. И. Педагогическая анимация в практике социального воспитания за рубежом // Школьные технологии. 2008. № 3. С. 134–136.
15. Шульга И. И. Развитие профессионального образования организаторов детского досуга в теории и практике педагогической анимации // Педагогическое образование и наука. 2010. № 1. С. 44–51.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Май, № 3 **Педагогика** **2012**

УДК 371.3

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА ШИШМОЛИНА
кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков гуманитарных факультетов, Петрозаводский государственный университет
dalex@sampo.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В ВУЗЕ ТЕХНОЛОГИЕЙ ПРОЕКТНОГО ОБУЧЕНИЯ

В статье содержится анализ основных подходов к организации обучения иностранным языкам в вузе, рассматривают понятие и компоненты профессиональной компетентности выпускника (иноязычной коммуникативной компетенции), представлена модель проектного обучения (создание видеофильма с использованием новых информационных технологий) для ее формирования в процессе обучения иноязычному профессиональному общению.

Ключевые слова: профессиональная компетентность, метод проектов, иноязычное профессиональное общение

В современных условиях одной из актуальных проблем российского образования является формирование профессиональной компетентности выпускников высшей школы. Будучи одновременно теоретической и прикладной наукой, методика обучения иностранным языкам предлагает научное обоснование целей и содержания обучения и исходя из них – научную разработку наиболее эффективных методов, приемов и форм обучения [5; 37].

Современная методика предлагает строить процесс обучения иностранным языкам основываясь на различных подходах. Наибольшую значимость приобрели коммуникативно-деятельностный и личностно ориентированный подходы, а в последнее время прочно утвердился компетентностный подход к обучению, внедряемый в ходе выполнения рекомендаций Совета Европы (Совета культурной кооперации) и концепции «Российское образование 2012», согласно которым бакалавриат может стать формой действительно массового высшего образования, сформировав в первую очередь компетентность самообразования, необходимую не только для магистратуры, но и для гибкого образования различными учебными модулями (программами) в течение всей жизни [3].

И. А. Зимняя считает компетентностный подход системным, междисциплинарным, характеризующимся личностным и деятельностным аспектами, имеющим практическую, прагматическую и гуманистическую направленность [7; 49].

Важное значение в процессе обучения иностранным языкам в вузе имеет одна из центральных категорий компетентностного подхода – понятие профессиональной компетентности будущего специалиста – выпускника вуза. Многочисленные исследования этого вопроса позволяют определить его как интегративное свойство личности, включающее когнитивную, операционально-технологическую, мотивационную, этическую, социальную и поведенческую составляющие, обеспечивающее готовность к успешной деятельности в профессиональной сфере, базирующееся на результатах обучения (знаниях, умениях, навыках), системе ценностных ориентаций, личностных привычках [7]. По мнению И. А. Зимней, компетенцию профессионально успешной личности характеризует способность мобилизовать знания, умения и опыт в конкретной социально-профессиональной ситуации. Дифференцируя понятия компетентности / компетенции, можно считать, что «компетенции, проявляясь в поведении, деятельности человека, становятся его личностными качествами, свойствами, то есть они становятся компетентностями, которые характеризуются и мотивационными, и смысловыми, и отношенческими, и регуляторными составляющими, наряду с когнитивными (знанием) и опытом» [7].

Исследователи сходятся во мнении, что в структуре профессиональной компетентности важную роль играет коммуникативная компетенция. С учетом важности умения применить свои знания в конкретных ситуациях коммуникативная компетенция может быть определена как «способность человека адекватно самым разнообразным ситуациям общения… организовывать свою речевую деятельность в ее продуктивных и рецептивных видах соответствующими каждой конкретной ситуации языковыми средствами и способами» [6; 28].

Коммуникативная компетенция неоднородна по своему составу, исследователями выделяются различные компоненты, на основе которых происходит ее формирование в процессе обучения иноязычному общению. В качестве таких компонентов выделяют языковую (лингвистическую), речевую, тематическую, социокультурную, компенсаторную, учебную и другие компетенции [2; 5]. Для разных разделов методики обучения иностранным языкам наиболее важными становятся разные компоненты коммуни-

© Шишмолина Е. П., 2012

кативной компетенции. В обучении иноязычному профессиональному общению актуализируются языковая, предметная, прагматическая и стратегическая компетенции. Эти компетенции входят в структуру формируемой на занятиях по иностранному языку иноязычной профессионально-коммуникативной компетенции (ИЯПКК) и являются частью общей профессиональной компетенции будущего специалиста – выпускника вуза.

Представляется бесспорным, что содержание обучения при компетентностном подходе должно так же, как и при личностно ориентированном, быть направлено на стимулирование способности к свободному и креативному мышлению, на формирование мировоззрения и создание целостной картины мира, на развитие системы личностных свойств и качеств, способствующих саморазвитию (мотивации, рефлексии и др.) [8; 95]. В обучении профессионально ориентированному общению к содержанию обучения относится прежде всего «специально отобранный и в определенном порядке организованный учебный материал» [1]. В широком контексте понятие содержания обучения включает в себя: языковой материал, системные знания о языке, навыки (лексические, грамматические, произносительные, орфографические) оперирования отобранным минимумом языкового материала, речевые умения, речевой материал, учебные умения, приемы обучения и упражнения [1; 12].

Справедливо отмечено, что при разработке программ, УМК и компонентов УМК в рамках этих программ, при профессионально ориентированном обучении иностранным языкам следует ориентироваться на следующие моменты: язык специальности (с учетом знания того, как осуществляется речевая деятельность в ситуациях профессионального общения); профессионально значимые навыки (тренировка и практика коммуникативных навыков, необходимых в реальных ситуациях профессиональной деятельности); процесс учения, овладения языком (центральное место занимает сам учебный процесс, во время которого происходит формирование коммуникативной компетенции, необходимой для осуществления профессиональной деятельности) [11].

ИЯПКК может быть сформирована при условии развития познавательной мотивации студентов, наличии потребности к изучению материала, владении терминологической системой, разнообразии тренировки в общении.

Одной из новых педагогических технологий, получивших широкое применение в последнее время в рамках решения поставленной перед системой образования задачи, является технология проектного обучения (ТПО), концептуальная основа которой – идеи американского педагога У. Килпатрика (20-е годы XX века) как практическая реализация концепции инструментализма Дж. Дьюи. В современной отечественной педагогике эта технология разработана Е. С. Полат, В. В. Гузеевым и др.

Основная цель метода проектов – предоставление учащимся возможности самостоятельного приобретения знаний в процессе решения практических задач или проблем, которые требуют интеграции знаний из различных предметных областей. Преподавателю в проекте отводится роль координатора, эксперта, дополнительного источника информации. Метод проектов предполагает решение проблемы с использованием совокупности разнообразных методов, средств обучения и прагматическую направленность на получение результата, имеющего практическую, теоретическую и познавательную ценность (например, доклад, совместный выпуск газеты, альманаха с репортажами с места событий, фильма и т. п.).

Актуальность данной технологии для занятий по иностранному языку в вузе определяется в первую очередь ситуацией искусственного билингвизма, в которой ведется обучение. ТПО позволяет студенту приобретать знания, которые не достигаются при традиционных методах обучения: студенты сами делают свой выбор и проявляют инициативу, ведут самостоятельные исследования, каждый имеет возможность учиться в соответствии с его способностями, проявляя их при решении задач более широкого спектра. Отличительными особенностями проектов на иностранных языках являются: использование языка в ситуациях, максимально приближенных к условиям реального общения; акцент на самостоятельной работе учащихся (индивидуальной и групповой); выбор темы, вызывающей большой интерес для учащихся и непосредственно связанной с условиями, в которых выполняется проект; отбор языкового материала, видов заданий и последовательности работы в соответствии с темой и целью проекта; наглядное представление результата.

Задания проектного типа обладают многоцелевой и многофункциональной направленностью, интегрируются в целостный процесс профессионального образования, обеспечивая наряду с овладением системными базовыми знаниями и ключевыми компетенциями возможность многостороннего развития личности. Проекты предлагаются студентам на этапе творческого применения языкового материала, готовности к использованию языка в его прямой функции – формирования и формулирования мыслей (в рамках определенной тематики) с целью решения интересных, практически значимых проблем, с учетом особенностей культуры страны изучаемого языка и по возможности на основе межкультурного взаимодействия.

Традиционно в зарубежной методике обучения иностранным языкам выделяются три вида проектов (Т. Блур и М. Дж. Сент-Джон): групповой проект, в котором «исследование проводится всей группой, а каждый студент изучает определенный аспект выбранной темы»; мини-исследование, состоящее в проведении «индивидуального социологического опроса с использованием анкетирования и интервью»; проект на основе работы с литературой, подразумевающий «выборочное чтение по интересующей студента теме» и подходящий для индивидуальной работы [9].

В отечественной педагогике (Е. С. Полат) проекты типологизируются также по:

- доминирующей в проекте деятельности: исследовательская, поисковая, творческая, ролевая, прикладная (практико-ориентированная), ознакомительно-ориентировочная, (исследовательский проект, игровой, практико-ориентированный, творческий);
- предметно-содержательной области проекта: монопроект (в рамках одной области знания); межпредметный проект;
- характеру координации проекта: непосредственный (жесткий, гибкий), скрытый (неявный, имитирующий участника проекта) – характерно для телекоммуникационных проектов;
- характеру контактов (среди участников одной группы, вуза, города, региона, страны, разных стран мира);
- количеству участников проекта;
- продолжительности проекта [10].

Работа над проектом предполагает несколько этапов [9], которые представлены в таблице.

Примером конкретной реализации ТПО может служить проект на немецком языке студентов 3-го курса исторического факультета «Deutschland: Die aktuellen Fragen der Zeit» («Германия: актуальные вопросы современности»). Целью этого проекта является обучение студентов основам научно-исследовательской работы на иностранном языке. В ходе выполнения проекта решаются следующие обучающие задачи:

1. Языковые задачи: овладение набором предусмотренных программой лексических единиц, необходимых для создания проекта по теме.

2. Речевые задачи: формирование навыков и развитие умений в разных видах речевой деятельности (чтение, письмо, говорение): умение пользоваться разными видами чтения (просмотрового, изучающего, ознакомительного, поискового); умение ориентироваться в структуре

Этапы проектной технологии (по Н. Ю. Пахомовой)

Педагог	Учащиеся
1-й этап – погружение в проект	
Формулирует: • проблему проекта, • сюжетную ситуацию, • цели и задачи	Осуществляют: • присвоение проблемы, • вживание в ситуацию, • уточнение и конкретизацию цели и задач
Результат – актуализация темы проекта учениками, возникновение мотива познавательного интереса и акцента значимости участия в проекте	
2-й этап – организация деятельности	
Предлагает: • организовать группы, • распределить роли в группах, • спланировать деятельность по решению задач проекта	Осуществляют: • разбивку на группы, • распределение ролей, • планирование работы
Результат – появление образа будущего результата совместной деятельности или проекта (план действий, предварительный сценарий, модель, программа и др.)	
3-й этап – осуществление деятельности	
Не участвует, но • наблюдает и контролирует, • советует, • консультирует по необходимости	Работают активно и самостоятельно: • выполняют исследование, поиск, • добывают новые знания, • консультируются по необходимости
Результат – появление продукта проектной деятельности (рисунок, слайд-шоу, web-сайт, газета, макет, сценарий, костюм и др.)	
4-й этап – презентация	
Организует: • экспертизу, • публичное обсуждение, • оценивание	Демонстрируют: • продукт проектной деятельности, • новые умения и знания, • взаимооценку деятельности и результативности
Результат – появление новых знаний, умений и навыков	

текста (видеть деление на абзацы, выявлять позицию автора); умение извлекать из большого объема материала информацию на заданную тему; умение создавать собственные тексты разных жанров (план, оглавление, резюме, тезисы, конспект, аннотация, реферат); умение использовать приемы описания, повествования, рассуждения, доказывания.

3. Социокультурные задачи: расширение страноведческого кругозора, а также лингвострановедческих знаний, умений, составляющих основу социокультурной компетенции.

Развивающие задачи проекта заключаются в использовании иностранного языка для повышения общей культуры студентов, расширении их общего кругозора, совершенствовании умений применять знания в новой ситуации. Воспитательные задачи состоят в формировании средствами иностранного языка толерантного отношения студентов к культуре, истории и современности других народов, понимания важности изучения языка и потребности пользоваться им в условиях международного сотрудничества.

На первом этапе проекта происходит погружение в проект и создание целевой установки. Определяется тема проекта, в рамках которой студенты самостоятельно выделяют те вопросы, которые им кажутся наиболее важными. Возможно, что в процессе группового обсуждения студенты творчески интерпретируют полученную тему; участники предлагают свои варианты ее раскрытия, привлекают знания из дисциплин своей специализации, наполняют тему личностно ценным материалом. Таким образом, на этом этапе формулируется план группового проекта, который в ходе дальнейшей работы может дополняться или видоизменяться. Далее студенты решают, в какой форме будет проходить публичная презентация проекта. (В ходе группового обсуждения в зависимости от творческого потенциала могут быть выбраны различные ее формы – презентация Power Point, коллаж, фотоальбом, видеоролик, фильм и т. д.) Проект группы 3-го курса исторического факультета будет представлен в виде самостоятельно созданного студентами видеофильма (телевизионная аналитическая программа по выбранной теме).

На втором этапе работы – этапе организации деятельности – студентам предлагается для работы над отдельными частями проекта разбиться на группы (2–3 человека) или выбрать индивидуальные фрагменты темы. Далее следует групповое обсуждение вопроса и распределение ролей в будущем проекте.

На третьем этапе – этапе самостоятельной работы студентов – происходит исследование, в ходе которого прежде всего производится отбор и анализ источников по теме проекта. Далее, используя навыки и умения работы с текстом, необходимо выбрать из литературы на немецком языке то, что требуется по теме проекта, а информацию на русском языке перевести на немецкий. (При необходимости преподаватель проверяет и исправляет материалы, подготовленные студентами.)

Затем следует адаптировать подготовленный текст к устной форме презентации (если выбрана такая форма представления проекта). При этом в нее включается самая необходимая, важная и интересная информация, без пространных высказываний и общих фраз. Формулировка должна быть лаконичной, информационно-доступной, что облегчит последующее восприятие для аудитории. Устное выступление и комментарии во время презентации проекта должны иметь четкую и логичную структуру (вступление, основная часть, заключение). Преподаватель акцентирует внимание студентов на наиболее важных моментах. Для придания выступлению цельности и связности он предлагает использовать соответствующие языковые средства:

- Маркеры логических связей текста: zuerst, vor allem, in erster Linie, nächstens, jetzt, weiter, dann, am Anfang, zum Schluss.
- Усиление части высказывания: Es sei betont… es sei gesagt, …es ist zu unterstreichen, dass… es kommt darauf an, dass…
- Выражение своего мнения: Meiner Meinung nach… Was mich angeht (betrifft)… Ich glaube (denke, finde), dass… Ich möchte (noch) hinzufügen (sagen, erklären), dass… Es ist wichtig (interessant, inhaltsreich, lehrreich, nützlich)… zu (Infinitiv).
- Выражение сомнения: Es ist eine Streitfrage. Ich zweifle (nicht) daran, dass… Es ist zweifellos (zweifelhaft).
- Выражение согласия / несогласия: Der Autor hat Recht. Das stimmt (nicht). Ich bin damit (nicht) einverstanden.
- Констатация фактов, результатов, позиции автора: Es geht um… Der Autor hält… für… Es ist bekannt (allen bekannt, weltbekannt), dass… Es stellte sich heraus (es wurde herausgestellt), dass… Es wurde festgestellt, dass…

Тщательно подготовленный и выверенный материал студенты записывают на видеокамеру и монтируют на компьютере. Параллельно студенты подбирают необходимый для фильма дополнительный аудио- и видеоматериал.

На четвертом этапе следует презентация проекта – просмотр фильма в лингафонном кабинете. На этапе рефлексии преподаватель предлагает ответить на следующие вопросы (на немецком языке): Удовлетворены ли Вы результатом? Понравился ли Вам процесс работы над проектом? Как Вам кажется, удалось ли реализовать все замыслы и идеи? Что не получилось? Поче-

му? Какие выводы можно сделать для последующих проектов?

Студенты в полилоге (на немецком языке) обсуждают результаты своей работы, отвечая на вопросы анкеты. Затем, обобщив мнения, преподаватель подводит итог:

- Совместная работа над проектом требует дисциплинированности, ответственности.
- Конечный результат приносит чувство удовлетворения и гордости за свои достижения.
- Информация, полученная в ходе работы, запоминается надолго.
- Интересно использовать в работе современные IT-технологии.
- Часть материала не использована в презентации из-за недостаточного уровня подготовленности и ответственности отдельных участников.
- Думается, что можно более рационально распределить время на этапе самостоятельной подготовки.

Результаты использования ТПО в учебном процессе демонстрируют ее преимущества и педагогическую значимость. Во-первых, данная технология относится к группе продуктивных технологий, обеспечивает активную самостоятельную деятельность всех членов студенческой группы, направленную на получение практического, личностно значимого для каждого результата. После выполнения проектов у студентов выявлено улучшение уровня владения ключевой иноязычной коммуникативной компетенцией (как составной частью профессиональной компетентности выпускника гуманитарного факультета) по таким критериям, как объем словарного запаса, беглость речи, умение продуцировать высказывание, состоящее из нескольких связных реплик, умение соответственно ситуации реагировать на слова собеседника, выбирая наиболее подходящие для этого языковые средства. Интегрирование различных педагогических технологий в процесс обучения иностранному языку в вузе (на примере ТПО) способствует становлению нескольких компонентов иноязычной коммуникативной компетенции (лингвистической, речевой, предметной, социокультурной, компенсаторной, учебной и др.). Во-вторых, ТПО обеспечивает в условиях искусственного билингвизма возможность компенсировать нехватку языковой среды, минимизировать интерферирующее влияние родного языка и моделировать максимально приближенные к реальным ситуации речевого общения на иностранном языке. Наконец, применение ТПО позволяет создать модель обучения профессионально ориентированному иноязычному общению, реализующую требования, предъявляемые системой двухуровневого образования к обучению иностранным языкам в вузе (увеличение доли самостоятельной работы студентов, умение практического применения полученных знаний, умений и навыков).

Таким образом, организация обучения иностранному языку в вузе в современных условиях на основе компетентностного подхода способствует формированию у студентов одного из компонентов профессиональной компетентности специалиста в гуманитарной сфере – иноязычной профессионально-коммуникативной компетенции, понимаемой как совокупность взаимосвязанных качеств личности (знаний, умений, навыков, способов деятельности), обеспечивающих способность осуществлять эффективное общение в профессионально-деловой сфере во всех видах иноязычной речевой деятельности. ИЯПКК состоит из языкового, прагматического, предметного и стратегического компонентов, каждый из которых включает определенный набор знаний, навыков и умений. ТПО наряду с другими педагогическими технологиями обеспечивает возможность выполнения данной задачи средствами иностранного языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева Л. Е. Методика обучения профессионально ориентированному иностранному языку. Курс лекций: Методическое пособие. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2007. 136 с.
2. Бим И. Л. Модернизация структуры и содержания школьного языкового образования // Иностранные языки в школе. 2005. № 8. С. 4.
3. Волков А. Е., Кузьминов Я. И. и др. Российское образование – 2020: модель образования для инновационной экономики [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ecsocman.hse.ru/data/2011/05/06/1268032691/2%20Kuz'minov.pdf
4. Гальскова Н. Д. Современная методика обучения иностранным языкам. М.: Аркти-Глосса, 2000. 165 с.
5. Гришанова Н. А. Компетентностный подход в обучении взрослых: Материалы к третьему заседанию методологического семинара 28 сентября 2004 г. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2004. 16 с.
6. Зимняя И. А. Психология обучения неродному языку (на материале русского языка как иностранного). М.: Русский язык, 1989. 219 с.
7. Зимняя И. А. Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании. Авторская версия. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2004. 20 с.
8. Леонтьев А. А. Некоторые общие проблемы в преподавании иностранных языков сегодня // Глядя в будущее. Первый советско-американский симпозиум по теоретическим проблемам преподавания и изучения иностранных языков. 17–21.X.89. М.: РЕМА: МГЛУ, 1992. С. 93–98.
9. Педагогические технологии: Методические рекомендации / Под ред. Т. А. Бабаковой. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2007. 94 с.
10. Полат Е. С. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования. М.: Академия, 2001. 272 с.
11. Hutchinson T. Introduction to Project Work. Oxford: Oxford University Press, 1991. 400 p.

Май, № 3 **Политология** **2012**

УДК 323

СВЕТЛАНА СЕРГЕЕВНА РОЖНЕВА
кандидат политических наук, доцент кафедры политологии факультета политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет
rozhneva@mail.ru

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ КАК ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Статья посвящена анализу направлений деятельности национальных общественных объединений / фондов Карелии. Особое внимание уделяется исследованию той роли, которую они играют в сохранении национально-государственного статуса Карелии. Анализируются возможные каналы их влияния на принимаемые решения в политической системе республики.

Ключевые слова: национальные общественные объединения, политическая идентичность, гражданское общество, политическая система, национально-государственный статус Республики Карелия, Общественная палата

Республика Карелия является интереснейшим регионом Северо-Запада, в котором по-особому протекает модернизация политической системы и развивается гражданское общество. Национальная специфика республики оказывает влияние на формы активности некоммерческого сектора; благодаря ей он гармонично вписывается в политическую систему Карелии, способную адаптироваться как к внешним изменениям общероссийского и международного плана, так и к внутренним процессам, протекающим в самой системе.

Этнический колорит не может не свидетельствовать о консервативности региона. На сохранение статуса национальной республики направлены усилия как государственной региональной власти, так и институтов гражданского общества. Это определяет специфику их взаимоотношений, расширяет границы сотрудничества и обмена опытом по сохранению культурного наследия с другими национальными регионами страны, что непосредственно воздействует на качество процесса политической модернизации Карелии.

Численность коренного финно-угорского населения продолжает снижаться, что вызвано общим демографическим спадом, характерным для России, социально-экономическими кризисами, стимулирующими миграцию коренного населения из карельских деревень и из самой республики. Отсутствие привлекательности для проживания коренного населения в Карелии может привести к потере ею национально-государственного статуса и специфики как субъекта Российской Федерации.

Одним из путей сохранения Карелии как этнического региона являются направления деятельности по развитию гражданского общества с позиции появления и функционирования национальных общественных объединений. Несмотря на изменения состава населения, Карелия продолжает оставаться полиэтничным регионом. Однако в качестве объекта анализа, как правило, выступает финно-угорское население республики в силу традиционного проживания в Карелии коренных народов, определяющих ее национально-государственный статус.

Согласно своему статусу коренные народы Карелии объединяются в национальные общественные объединения / фонды. Регистрация новых национальных общественных объединений в республике свидетельствует о необходимости подобного рода самоорганизации национальных групп. В Карелии продолжают успешно функционировать объединения, созданные в 1989 году. Но то, что наблюдаются процессы образования и регистрации новых национальных общественных объединений, свидетельствует об интересе жителей республики к гражданской самоорганизации, позволяющей сохранить национальные особенности региона. В какой-то степени здесь можно говорить об одном из путей формирования политической идентичности. Существующие традиции понимания идентичности – примордиализм [12], этносимволизм (перенниализм) [8], [9], модернизм (и/или конструктивизм) [3], [4], [5], [11] – расширяют поле анализа осознания жителями Карелии своей принадлежности к той или иной этнической общности. Однако остается весьма сложной проблемой исследование причин причисления себя к титульным нациям. Анализ результатов переписи не позволяет ответить на вопрос, почему человек называет себя карелом или вепсом: исходя из того, что он проживает на территории Карелии или в традиционно вепсских районах, или потому что в роду были карелы или вепсы, или по каким-то другим признакам. Более того, и сам человек не даст ответа на поставленный вопрос. Это также отражается на членском составе национальных общественных объединений Республики Карелия, в которые вовсе не обяза-

© Рожнева С. С., 2012

тельно входят представители карелов и вепсов. Политическая идентичность с той или иной этнической общностью может быть вызвана культурными или географическими особенностями. Но в то же время можно констатировать, что национальное самосознание, проявляемое через гражданскую самоорганизацию в регионе, стимулирует подходить к анализу процесса модернизации посредством выявления национально-культурной специфики развития гражданского общества в Карелии на современном этапе.

Под политической идентичностью может пониматься идентификация «с политическими и социальными ценностями и нормами» [10]. В политических категориях национальные общественные объединения самоопределяют себя с политическими институтами, с одной стороны, и структурами гражданского общества – с другой, участвуя в политическом процессе. Соответственно, политическая идентичность организаций может проявляться через разнообразные формы требований и ожиданий, которые они предъявляют политической системе. Их политичность в Карелии отождествляется с сохранением национальных ценностей с целью преодоления этнического распада республики и недопущения утраты ею своего национально-государственного статуса в стране. Таким образом, политическая идентичность представителей национальных общественных организаций может расцениваться как национально-государственная идентичность в рамках отдельного региона.

Возможно, здесь возникнет вопрос о правомерности применения понятия политической идентичности к активности национальных общественных организаций в Карелии, рассматривая ее в сугубо культурном аспекте. Однако как только институты гражданского общества для реализации своих потребностей и отстаивания своих целей начинают взаимодействовать с органами государственной власти и различными способами оказывать воздействие на процесс принятия политических решений и проводимой политики, можно говорить о политизации организаций и предъявляемых требований, даже если они изначально не носили политического характера.

Одним из ярких примеров подобной трансформации стала работа гражданского сектора по вопросу присуждения национального статуса карельскому, вепсскому и финскому языкам в Республике Карелия. Обращение к данной проблематике было обусловлено важностью сохранения национальной специфики республики. Следует отметить, что эти обсуждения начались еще в период существования КАССР в 1989 году. К концу 1980-х годов в Карелии в целом наблюдается политическая активность гражданских общественных практик, которая проявилась в стихийной деятельности национальных организаций и движений, в открытых публичных дискуссиях, в усиливающемся внимании властей к различным сторонам жизни народов республики. Уже с 1987 года начали издаваться учебники на вепсском языке. В 1988 году в Петрозаводске состоялось региональное межведомственное совещание «Вепсы: проблемы развития экономики и культуры в условиях перестройки», на котором основным предметом обсуждения стали социально-экономические, демографические и культурно-языковые проблемы прибалтийско-финских народов. В 1989 году была проведена научно-практическая конференция «Карелы: этнос, язык, культура, экономика, проблемы и пути развития в условиях совершенствования межнациональных отношений в СССР», где были приняты решения по сохранению национально-культурного наследия республики. В 1989 году был образован «Ингерманландский союз финнов Карелии», а также было создано «Общество карельской культуры», позднее переименованное и зарегистрированное как Карельская региональная общественная организация «Союз карельского народа». Летом того же года было зарегистрировано «Общество вепсской культуры». Следует отметить, что до настоящего времени названные общественные организации активно содействуют проведению национальной политики по вопросам изучения этнической специфики региона. Такие начала институционализации гражданского сектора, отражающего национальные приоритеты Карелии, стимулировали появление целого ряда национальных общественных объединений на территории республики и расширили диапазон обсуждения и принятия важнейших решений для сохранения и поддержания национального статуса Республики Карелия в рамках Российской Федерации.

На современном этапе политическая идентификация коренных народов республики осложняется демографическими проблемами, связанными с превалированием русскоязычного населения и непричислением себя к вепсам или карелам представителей самих коренных народов, процессами ассимиляции и старением коренного населения, когда носители языка проживают в сельской местности и при этом идет неуклонное сокращение их численности, недофинансированием национальных проектов и программ по сохранению языковых традиций и государственной поддержки национального характера карельского, вепсского и финского языков. Существующие модели языковой мобилизации в Карелии не разрешают вопросов, связанных со статусом языков титульных наций, и дискуссия не прекращается уже более двух десятков лет. Еще в 1991 году первым съездом карел была принята декларация, пункт 8 которой гласил:

«Исходя из сложившейся демографической ситуации съезд считает необходимым признание государственными языками Карельской АССР карельского и русского». Последующие съезды (1994, 1998, 2001, 2005 годов) продублировали это решение, хотя и не в такой жесткой формулировке [6]. Принятие закона «О государственной поддержке карельского, вепсского и финского языков в Республике Карелия» [2] лишь подтверждает важность исследуемой проблематики.

Можно согласиться с определением процесса модернизации, протекающего в Карелии, как «национально ориентированного варианта» [10]. Необходимость такого характера модернизации обусловлена не только спецификой языковой проблематики региона, но и тем, как в органах государственной власти представляются интересы национальных общественных объединений.

В качестве одного из каналов влияния национальных общественных организаций на политические решения является членство и работа в созданных консультационных советах при органах государственной власти. Однако в реальности эта работа носит консультативный и рекомендательный характер, так как многочисленные комиссии и советы при органах региональной власти лишь транслируют волю гражданского сектора. Таким образом, национальная политика в республике становится колоритной и многоаспектной, но до конца не в состоянии преодолеть существующий бюрократизм в силу того, что подобные гражданские практики не обладают высшими законодательными и исполнительными полномочиями и не могут определять первостепенную важность решения тех или иных проблем.

Особым координирующим органом выступает Общественная палата Республики Карелия. Начав свою официальную работу с июня 2010 года, Палата РК учредила семь постоянных комиссий, одной из которых стала комиссия по вопросам гражданского общества и межнациональным отношениям. В целом работа комиссии не отличается чрезмерной активностью, большим количеством принимаемых решений, что свидетельствует об отсутствии каких-либо острых межнациональных конфликтов на территории республики и о толерантности региона.

Можно условно выявить следующие направления деятельности этнического некоммерческого сектора республики: политическая, научно-исследовательская, культурно-просветительская, информационная.

Политическая активность организаций, не связанная с вопросами завоевания власти, проявляется через всевозможные обсуждения, прения, вносимые инициативы, экспертизы по поводу готовящихся законопроектов или реализуемых законов. Это осуществляется через участие членов национально-общественных объединений / фондов в работе профильных комитетов законодательного органа, в комиссиях и советах при органах исполнительной власти республики, в работе Общественной палаты РК.

Научно-исследовательская деятельность национальных общественных организаций, как правило, затрагивает национальную специфику региона. Участие в работе конгрессов, конференций, семинаров, круглых столов и т. п., посвященных вопросам сохранения и упрочения национального статуса Республики Карелия, коренных народов, традиционной культуры Русского Севера, обращает внимание властей и общественности на существующие проблемы. Также национальные объединения республики принимают участие в организации и проведении социологических исследований, мониторингов, что позволяет налаживать тесные связи с научным сообществом.

Специализированный характер носит и культурно-просветительская активность национально-общественных организаций. Важную роль в развитии гражданского общества играет взаимодействие групп общественности друг с другом и властью. Примерами такого сотрудничества являются организация тренингов для представителей коренных народов в области прав человека, создание базы данных об их положении в республике. Комплексом мероприятий становятся организация и проведение праздников, этнических фестивалей, «дней районов», «дней национальной культуры», фотовыставок, эксповыставок, этно-фолк-тусовок, праздничных и музыкальных вечеров, конкурсов, спортивных состязаний, этнокультурных летних лагерей и т. п. с целью привлечения заинтересованных групп и общественности к национальным проблемам Республики Карелия. Особая активность проявляется в области этнокультурного образования. Издаются учебники и учебно-методические пособия, газеты и журналы на карельском, вепсском и финском языках. Публикуются книги по национальной литературе. На ВГТРК «Карелия» выходят передачи и новостные подборки на карельском языке.

Процесс информатизации современной России обращает внимание на то, как в нем участвуют субъекты РФ и непосредственно сам гражданский сектор. В августе 2011 года президент РФ Д. Медведев подписал ряд указов о порядке обязательного размещения в Интернете информации о деятельности министерств и ведомств [1]. Освещение деятельности институтов гражданского сектора в виртуальном пространстве пока не носит обязательного характера. Однако это было бы существенным сдвигом в области оповещения заинтересованных лиц о работе некоммерческих объединений. С этой целью, а также для продвижения общественных

инициатив в 2005 году был создан электронный ресурс – Портал неправительственных организаций Карелии [7]. Данный портал является своеобразным аккумулирующим информационным центром, где локализуется основная информация об общественных организациях Карелии. Однако его пользовательская аудитория ограничена.

Тот факт, что гражданское общество многолико, не вызывает сомнения. Причем оно разнообразно и по структуре, и по функциям, и по осознанию со стороны общественности и власти. Проведенный анализ – это лишь небольшая часть изучения возможных негосударственных практик. Он подтверждает, что можно говорить о национально ориентированном варианте модернизации в республике. Национальные общественные объединения / фонды своей активностью и заинтересованностью в вопросах сохранения традиционного национального статуса Карелии демонстрируют причастность к типичным институтам гражданского общества. Это проявляется через выстраивание взаимоотношений с органами государственной власти, с другими негосударственными структурами, с общественными организациями, со средствами массовой информации и т. п. Используя разнообразные каналы влияния, этнический сектор в какой-то мере направляет ход принятия решений, затрагивающих вопросы коренных народов республики, ее национального состава, культурного наследия и т. д. Более того, подобная политика вскрывает и проблемные зоны развития гражданского общества. Карелия относится к весьма толерантному региону Северо-Запада, в котором не происходит резких межнациональных конфликтов (пожалуй, за исключением кондопожских событий 2006 года), и вопросы национального характера носят второстепенный характер при принятии общественно значимых решений в Карелии. Такая спокойная обстановка не увеличивает активность национальных общественных объединений. Многие из них носят формальный регистрационный характер.

Несмотря на существующие проблемы, которые удалось выявить в результате исследования, можно отметить, что Республика Карелия не является гомогенным регионом. Карелия достигла положительных результатов в области развития национальной составляющей гражданского общества. Обращается внимание на сохранение национально-культурного статуса республики через принятие республиканских региональных программ. Создана и успешно функционирует Общественная палата РК как координирующий орган, налаживающий взаимодействия со структурами государственной власти и населением. Проявляется высокая степень сотрудничества с научным сообществом при подготовке и проведении социологических исследований, научных мероприятий. Этнический сектор традиционно активно задействован в организации и проведении этнокультурных мероприятий республики. Таким образом, можно констатировать, что Республика Карелия сохраняет свой национальный колорит в процессе всесторонней модернизации, в том числе благодаря деятельности этнического гражданского сектора.

ИСТОЧНИКИ

1. Дмитрий Медведев подписал ряд указов о порядке размещения в Интернете информации о деятельности министерств и ведомств // Президент России [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.kremlin.ru/acts/12242
2. Закон Республики Карелия «О государственной поддержке карельского, вепсского и финского языков в Республике Карелия» // Документы [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gov.karelia.ru/Karelia/1162/15.html

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

3. Андерсон Б. Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма. М.: КАНОН-Пресс-Ц: Кучково поле, 2001. 286 с.
4. Бройи Дж. Подходы к исследованию национализма // Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др. М.: Праксис, 2002. С. 201–235.
5. Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991. 319 с.
6. Карелы: модели языковой мобилизации: Сборник материалов и документов / Сост. В. Н. Бирин, Е. И. Клементьев, А. А. Кожанов. Петрозаводск: КНЦ РАН, 2005. 281 с.
7. Портал НПО Карелии [Электронный ресурс]. Режим доступа: npo.karelia.ru
8. Смит Э. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма. М.: Праксис, 2004. 460 с.
9. Смит Э. Д. Национализм и историки // Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др. М.: Праксис, 2002. С. 236–263.
10. Становление новой политической идентичности в постсоветской России. Эволюция социально-политических ориентаций и общественного запроса // Россия: становление демократических ценностей? М.: Центр Карнеги, 1999 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.igpi.ru/info/people/byzov/LB-1.htm
11. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. СПб.: Алетейя, 1998. 306 с.
12. Calhoun C. Nationalism and ethnicity // Annu. Rev. Sociol. 1993. Vol. 19. P. 211 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.columbia.edu/itc/sipa/U6800/readings-sm/calhoun.pdf.

Май, № 3 **Социология** **2012**

УДК 316.3

АЛЕКСАНДР ФЕДОСЕЕВИЧ БОРИСОВ
доктор социологических наук, профессор кафедры социального управления и планирования факультета социологии, Санкт-Петербургский государственный университет
borisov–af@mail.ru

КОНЦЕПЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИОГУМАНИТАРНОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматриваются основные методологические подходы к определению социальной сферы. Анализируется концепция социальной сферы в марксистской, современной западной и отечественной социологической науке. Выявляются особенности экономического и управленческого подходов к анализу социальной сферы. Дается авторская концепция социальной сферы.

Ключевые слова: социальная сфера, социальные отношения, социальная структура, социальные услуги, социальная инфраструктура

Социальная сфера является предметом специального изучения в экономической, социологической и управленческой науках. С 2000 года изучение социальной сферы стало входить в образовательные стандарты отдельных направлений профессиональной подготовки, что привело к появлению большого количества публикаций по данной теме.

Интерес российских исследователей к данному феномену обусловлен, с одной стороны, потребностью в научном обосновании социальной политики как на уровне государственного управления, так и на уровне местного самоуправления, с другой стороны, историческими особенностями развития социально-гуманитарного знания в нашей стране. Многие ученые, воспитанные в советской школе, придерживаются марксистской трактовки социальной сферы, характеризуя ее как систему отношений по производству и воспроизводству человека и общества. Такой подход нашел отражение в работах В. С. Барулина, В. Н. Иванова, М. В. Лашиной, В. Н. Рутгайзера, С. А. Шавель и др. [1], [2], [6], [10], [14]. В этих работах рассматривались разнообразные аспекты данной темы: сущность и содержание социальной сферы, ее структура, роль различных ее компонентов в воспроизводстве человека и общества, вопросы взаимодействия с другими сферами общественной жизни. Понятие социальной сферы выводилось на основе анализа сущности социального и социальных отношений в узком смысле слова, возникающих по поводу создания наиболее благоприятных условий для жизнедеятельности человека. При этом речь шла о создании благоприятной социальной среды как на уровне общества, так и на уровне организации. На уровне общества эта среда определялась как социальная сфера.

Согласно марксистскому подходу, социальная сфера пронизывает всю систему социальных, экономических, политических и духовных отношений и представляет собой определенный «срез» этих отношений, отражающий создание условий для воспроизводства человека и общества. В нее включается вся совокупность социальных факторов жизнедеятельности социальных общностей, классов, групп и личностей, условия их развития. Социальная сфера охватывает все пространство жизнедеятельности человека – от условий его труда и быта до здоровья и досуга. Содержанием социальной сферы выступают отношения между социальными группами и индивидами по поводу их социального положения, образа и уклада жизни, условий жизнедеятельности.

В отечественной экономической науке категория «социальная сфера» вошла в научный лексикон относительно недавно. До этого использовалась категория «непроизводственная сфера». Она была введена в научный оборот в 1927 году в ходе дискуссии, развернувшейся в журнале «Плановое хозяйство». Широкую известность получила точка зрения А. И. Петрова и Р. Е. Вайсберга, согласно которой труд в сфере услуг является непроизводительным. А. И. Петров утверждал, что услуги не имеют стоимости, поскольку удовлетворяют потребности не посредством вещей, а в форме деятельности. Характеристика деятельности по созданию услуг как непроизводительной послужила основой для выделения двух сфер экономики: производственной (сфера материального производства) и непроизводственной (сфера услуг).

В современной экономической литературе категория «социальная сфера» постепенно вытесняет категорию «непроизводственная сфера», хотя, как справедливо отмечает И. Г. Трегудова, она не получила соответствующего обоснования [13; 18].

Среди экономистов нет единого мнения о трактовке социальной сферы. Одни авторы определяют социальную сферу как систему социально-экономических институтов и процессов, направленных на удовлетворение социаль-

© Борисов А. Ф., 2012

ных и духовных потребностей, а также развитие трудового и личностного потенциала человека, в то время как другие авторы характеризуют ее как совокупность отраслей нематериального производства, выполняющих функции социального обслуживания, социальной защиты и социального развития людей.

Так, Н. Б. Сафронова дает следующее определение данному феномену: «…социальная сфера – это область общественных, экономических и политических процессов, обеспечивающих воспроизводство человеческого капитала, реализацию общегуманистических ценностей и целей» [11; 7]. Социальная сфера формирует совокупность государственных, общественных, культурных, образовательных, политических, религиозных и прочих учреждений, выполняющих функции поддержания в обществе определенных социальных отношений на базе общественно одобряемых норм и стандартов. По мнению Н. Б. Сафроновой, социальная сфера как социально-экономическая категория представляет собой инфраструктуру общественной деятельности по удовлетворению социальных и духовных потребностей членов общества. Отметим, что этот подход не является оригинальным, скорее, он отражает общепринятую среди экономистов трактовку социальной сферы.

В отличие от Н. Б. Сафроновой, М. С. Касымова предлагает рассматривать социальную сферу как категорию, описывающую качество удовлетворения личных потребностей в системе отраслей народного хозяйства [5; 51].

На сегодняшний день в экономической литературе превалирует определение социальной сферы как совокупности отраслей, удовлетворяющих нематериальные потребности людей. Отраслевой подход, по существу, характеризует социальную сферу через совокупность общественных благ, но чаще через совокупность непроизводственных услуг, оказываемых населению.

Сторонники отраслевой трактовки социальной сферы акцентируют внимание на функциях, которые выполняют конкретные группы отраслей, входящие в ее состав. Так, например, Л. В. Жмачинская выделяет три группы отраслей, выполняющих различные функции по развитию человека и общества. Первая группа – отрасли, обеспечивающие производство материальных и нематериальных благ, необходимых для нормальной жизнедеятельности человека: материально-техническое снабжение, жилищно-коммунальное хозяйство, часть учреждений науки и научного обслуживания. Эта группа отраслей непосредственно примыкает к сфере материального производства. Вторая группа – это отрасли, связанные с развитием способностей человека, поддерживающие его здоровье, формирующие и удовлетворяющие его культурные и духовные потребности. В нее входят отрасли бытового обслуживания населения, пассажирский транспорт и связь, здравоохранение, образование, культура, искусство и физическая культура. В третью группу входят отрасли, обеспечивающие безопасность, социальную защиту, охрану конституционных прав и управление [4; 19].

Подводя итог анализу экономического подхода к исследованию социальной сферы, отметим следующее.

1. В экономической науке категория «социальная сфера» постепенно вытесняет категорию «непроизводственная сфера». Таким образом, преодолевается трактовка услуги как не создающей стоимости.

2. Среди экономистов нет единого подхода к пониманию сути категории «социальная сфера». Это затрудняет решение практических вопросов, включая определение отраслевой структуры социальной сферы.

3. Отождествление социальной сферы со сферой услуг, которое имеет место в экономической литературе, вносит путаницу в сложившийся понятийно-категориальный аппарат экономической науки. Возникают проблемы в разграничении понятий «общественное благо» и «услуга», поскольку происходит подмена одного другим. Социальная сфера не тождественна сфере услуг, хотя услуги играют важную роль в социальном воспроизводстве человека и общества. Социальная сфера включает в себя более сложный комплекс отношений, чем отношения между провайдером и потребителем услуги, пусть даже имеющей высокую социальную значимость.

Пробелы, существующие в экономической науке в изучении социальной сферы, отчасти преодолеваются социологами. По мнению Г. И. Осадчей, мерой развитости социальной сферы являются следующие социальные индикаторы: величина прожиточного минимума; доля населения, находящегося за чертой бедности; величина поляризации населения (так называемый децильный коэффициент); число получающих образование; перечень медицинских услуг, доступных всему населению; детская смертность; рождаемость [8; 22].

С точки зрения авторов учебного пособия «Социология социальной сферы», социальная сфера включает в себя ряд самостоятельных отраслей и направлений деятельности государственных органов власти [12; 13–14]:

- Образование – отрасль, обеспечивающая важнейшую социальную гарантию развития общества. Ее целью является социализация, приобщение граждан ко всей накопленной культуре, подготовка специалистов. В структуру отрасли входят предприятия и учреждения образования всех уровней, а также государственные, региональные и муниципальные органы управления образованием.

- Здравоохранение – отрасль, цель которой состоит в поддержании здоровья нации, сохранении и развитии человеческого потенциала. Включает предприятия и учреждения здравоохранения, фонды обязательного и добровольного медицинского страхования, федеральные, региональные и местные органы управления здравоохранением.
- Культура и искусство – отрасль, обеспечивающая преемственность культурных традиций, повышение духовной культуры населения, развитие творческого потенциала и культурной активности граждан. Включает предприятия и учреждения культуры, а также органы управления культурой.
- Социальная защита населения – отрасль социальной сферы, целью которой является социальная поддержка и защита нетрудоспособных и малообеспеченных слоев населения. Данная отрасль развивается по трем основным направлениям: социальное обеспечение, социальная помощь и социальное обслуживание и включает учреждения социального обслуживания, социально-страховые фонды и органы управления социальной защитой населения всех уровней.

Таким образом, социальная сфера представляет собой, с одной стороны, самостоятельную структурированную сферу жизни общества, с другой – совокупность общественных отношений в экономической, политической и духовной сферах по поводу создания условий для воспроизводства человека и общества.

В представлении Т. Парсонса социальная сфера выступает одной из подсистем общества, в которой выявляются характерные взаимодействия индивидов. Повторяющиеся предсказуемые связи взаимодействий индивидов превращают совместную жизнь людей в социальный порядок. Так, социальную сферу можно представить как совокупность систем образования и здравоохранения, предприятий и учреждений бытовых и культурных услуг, транспортного обслуживания и т. п. или как исторически достигнутое распределение и закрепление функций социальной сферы в виде конкретных условий, обязанностей и возможностей общества и его членов по удовлетворению и обогащению потребностей.

Социальная сфера не имеет жестких пространственных и временных рамок. Она существует не сама по себе, не изолированно, а в определенной взаимосвязи с другими сферами общества: материально-производственной, политической, культурно-духовной и системами природного порядка. Социальная сфера, выражающая жизнедеятельность в целостном ее осуществлении, имеющая своим результатом человека, социальные группы, пронизывает все остальные сферы жизни общества. В то же время обязательным условием ее развития является функционирование всех этих сфер, поскольку в них продуцируются материальные, духовные блага и ценности, реализуются функции политического управления обществом и т. д. В этом смысле все иные сферы общества могут рассматриваться как внешняя среда, в которой функционирует социальная сфера. К социальной сфере относятся все объекты и процессы, которые принимают непосредственное участие в воспроизводстве и совершенствовании личности (группы), удовлетворении витальных и высших потребностей. Их взаимодействие и создает социальную сферу как систему с качественными отличиями.

Таким образом, для анализа социальной сферы важен подход Парсонса, потому что в его теории пересекаются индивид, личность и социальная система, которые составляют социальную сферу. Определение социальной сферы с использованием теории Парсонса позволяет рассмотреть ее с различных позиций, таких как удовлетворение потребностей, взаимодействие индивидов в определенной сфере, функционирование социальной сферы как одной из подсистем общества, поддержание и сохранение социального порядка.

При определении социальной сферы особенно важно использовать подход Парсонса и Р. Мертона к анализу профессий. С точки зрения Т. Парсонса, социальная сфера предполагает специфические отношения между клиентом и специалистом. Мы ожидаем от профессионала социальной сферы альтруистического поведения – того, что врач будет нас лечить, а учитель – учить, причем не всегда за материальное вознаграждение, и даже в том случае, если мы оказались в затруднительном положении. Парсонс обращает внимание на то, что наиболее значимым различием в типах человеческой мотивации является дихотомия «эгоистических» и «альтруистических» мотивов [16; 34–46].

С нею соотносится идентификация с конкретными мотивами различных сфер человеческой деятельности: деловой человек рассматривается как эгоистически преследующий свой собственный интерес, тогда как профессионал социальной сферы альтруистически служит интересам других.

Кроме того, по сравнению с другими занятиями профессиям социальной сферы предоставлена высокая степень автономии. Автономия подразумевает привилегию установления монополии на распределение определенных обязанностей. Монополии проистекают де-факто из узаконенных прав на контроль профессионального образования и обозначают распространение специализированных знаний и умений, которые составляют основу работы профессионалов. Соответственно, от них требуется осуществление социального контроля над действиями их членов. В обмен на такую степень автономии от профессионалов ожидается определенное

ограничение эгоистичного поведения в их отношениях с клиентами. Как отмечает Мертон, компетентность и привилегированная позиция профессионалов даруют им авторитет, власть и престиж, которые могут быть использованы скорее в собственных интересах, нежели в интересах клиента. Нормативные принуждения задуманы в противовес такому структурно созданному искушению для эксплуатации клиентов. Здесь вступает в действие принцип «положение обязывает» [15; 118].

Норма альтруизма помогает оградить сознательного и компетентного специалиста от неприятностей и чувства вины в случае неудачи. Структурно установленная норма (все возможное должно быть сделано для клиента) уменьшает враждебность по отношению к компетентному специалисту. Она также ограждает недобросовестного специалиста от наказания за эгоистичное или некомпетентное поведение.

Р. Мертон, рассматривая социологическое понятие профессий с точки зрения нормативной структуры и социальной организации, подчеркивает два аспекта.

Во-первых, нельзя утверждать, что все специалисты в равной степени живут согласно профессиональным обязательствам. Норма альтруизма и структурное окружение побуждают профессионалов ставить интересы своих клиентов превыше других чаще, чем при отсутствии этих норм и влияния структуры. В социальных профессиях, таким образом, экстраординарные действия становятся нормальными, хотя это не одинаково свойственно всем представителям этих профессий.

Во-вторых, считается, что специалисты социальных профессий имеют природную тягу к альтруизму. Однако позиция Мертона заключается в том, что профессии не требуют у ее представителей быть настроенными альтруистически (хотя они должны не нанести вреда); они только требуют от них действовать альтруистически (хотя бы в достаточной степени). С точки зрения структурного анализа отдельные представители профессий не обязательно одинаково мотивированы на проявление альтруистических чувств, хотя такие мотивы облегчают исполнение их профессиональной роли согласно норме альтруизма. Сама социальная структура имеет тенденцию делать альтруистические поступки выгодными. Для этого предусмотрены различные формы вознаграждения (престиж, признание, доход, авторитет), распределяемые согласно степени, в которой профессионалы выполняют нормативные ожидания, предусмотренные их ролью. Основной задачей в этом случае является достижение такого состояния, при котором в долгосрочной перспективе эксплуатация клиентов была бы непродуктивна для самих профессионалов.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что от профессионалов в социальной сфере ожидается альтруистическое поведение, поскольку именно они имеют больше возможностей для эксплуатации клиентов, обладают большими знаниями, им предоставлена высокая степень автономии, социального престижа, авторитета и других нематериальных благ.

Социальная сфера как социальный мир и как способ его конструирования, по мнению П. Бурдье, в практике переходит на уровень ниже эксплицитного представления и вербализованных выражений. Ближе к классовому бессознательному, чем к «сознанию класса» в марксистском смысле, чувство позиции, занимаемой в социальном пространстве. Бурдье отмечает, что есть практическая материя социальной структуры в ее ансамбле, который раскрывается через ощущение позиции, занятой в этой структуре. Вследствие этого люди склоняются принимать социальный мир таким, каков он есть, считать его само собой разумеющимся, не восставать против него и не противопоставлять ему различные – и даже антагонистические – возможности [3; 197].

По мнению П. Бурдье, социальная сфера предстает как объективно структурированное пространство, в нем действуют практические схемы, которым подчинены акторы. Необходимо отметить, что социальная сфера как необходимая составляющая современного общества продуцирует такое видение мира, которое принимается как само собой разумеющееся, и это приводит нас к мысли, что подобный конструкт направлен в первую очередь на поддержание социального порядка, в том числе на удовлетворение потребностей.

Обобщая анализ социологических концепций, связанных с определением социальной сферы, можно сделать следующие выводы. Во-первых, социальная сфера представляет собой целостную, постоянно изменяющуюся подсистему общества, порожденную объективной потребностью в непрерывном воспроизводстве субъектов социального процесса. Это устойчивая область деятельности людей по воспроизводству своей жизни, пространство реализации социальных функций общества, в котором осуществляются социальные и гражданские права человека. Во-вторых, социальная сфера характеризуется такими параметрами, как: удовлетворение жизненных потребностей членов общества, их взаимодействие в соответствии с положением в социальной структуре общества. В-третьих, эволюция взглядов на понятие «социальная сфера» тесно связана с развитием социальной сферы как общественной подсистемы.

Сторонники управленческого подхода к исследованию социальной сферы (В. А. Абчук,

Н. Б. Сафронова, А. Ф. Борисов, А. В. Тихонов, Г. Л. Тульчинский, Г. А. Меньшикова, Л. Т. Волчкова и др.) исходят из того, что именно социальная сфера отражает цели и качество государственного и муниципального управления. Особое место в их работах занимает изучение особенностей управления в социальной сфере [7; 38–39]:

- особый характер процессов управления в социальной сфере, их значимость не только для отдельной личности, но в первую очередь для общества в целом;
- особый характер форм собственности организаций, ведущих деятельность в этой сфере;
- некоммерческий характер организаций, осуществляющих деятельность в этой области;
- получение организациями, работающими в этой сфере, ряда льгот, которыми государство поощряет их общественно полезную деятельность;
- ограниченность применения в социальной сфере рыночных механизмов и необходимость государственного регулирования.

Сторонники управленческого подхода нередко отождествляют социальную сферу с социальной инфраструктурой, под которой понимается совокупность отраслей, предприятий, служб, необходимых для обеспечения условий нормальной (в соответствии со стандартами) жизнедеятельности человека и общества.

В то же время среди представителей управленческого подхода можно назвать тех, которые не отождествляют социальную сферу с социальной инфраструктурой, а рассматривают ее как систему институтов, формирующих поведение и образ жизни людей в соответствии с общественными целями и социальной политикой [12; 12].

Подводя итог проведенному анализу, сформулируем определение социальной сферы. Прежде всего отметим, что под сферой общества мы понимаем относительно самостоятельную область жизнедеятельности, которая необходима для воспроизводства общества и человека. Социальная сфера существует наряду с экономической, политической и духовной сферами жизни общества.

Понимание природы социальной сферы во многом зависит от определения сущности социального и социальных отношений в узком смысле слова. На наш взгляд, наиболее приближающейся к выявлению сущности данного феномена представляется трактовка социальных отношений как возникающих по поводу создания наиболее благоприятных условий для жизнедеятельности человека. Речь идет, таким образом, о создании благоприятной социальной среды как на уровне общества, так и на уровне региона, города, сельского поселения, а также отдельной организации.

Социальная сфера – это система социальных, экономических, политических и духовных отношений по поводу создания условий для развития человека и общества. В нее включается вся совокупность социальных факторов жизнедеятельности социальных общностей, классов, групп и личностей, а также условий их развития. Социальная сфера охватывает все пространство жизнедеятельности человека – от условий его труда и быта до здоровья и досуга. Содержанием социальной сферы выступают отношения между социальными группами и индивидами по поводу их социального положения, образа и уклада жизни, условий жизнедеятельности.

Социальная сфера охватывает процессы, виды человеческой деятельности, непосредственно связанные с потреблением материальных, духовных и социальных благ, услуг, удовлетворением конечных запросов человека, семьи, социальных групп и общностей, общества в целом.

Социальная сфера представляет собой область жизнедеятельности общества, в которой реализуется социальная политика государства путем распределения материальных и духовных благ, создаются условия для обеспечения жизнедеятельности человека и его развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барулин В. С. Диалектика сфер общественной жизни. М.: МГУ, 1982. 250 с.
2. Барулин В. С. Социальная жизнь общества: Вопросы методологии. М.: Изд-во МГУ, 1987.
3. Бурдье П. Социальное пространство и генезис «классов»: Пер. с франц. М.: Socio-Logos, 2003. 576 с.
4. Жмачинская Л. В. Социальный комплекс региона: экономическая основа формирования и функционирования. Н. Новгород: Экономика, 2002. 264 с.
5. Касымова М. С. Новые подходы к исследованию социальной сферы // Вестник МГУ. Сер. «Экономика». 1993. № 4. С. 47–53.
6. Лашина М. В. Взаимосвязь основных сфер развитого социалистического общества. М.: Знание, 1983. 64 с.
7. Менеджмент и маркетинг в социальной сфере: Учеб. пособие. СПб.: ООО «Книжный дом», 2003. 636 с.
8. Осадчая Г. И. Социальная сфера общества: теория и методика социологического анализа. М.: Союз, 1996. 208 с.
9. Парсонс Т. О социальных системах: Пер. с англ. М.: Академический проект, 2002. 832 с.
10. Рутгайзер В. Н. Социальная сфера: проблемы планирования. М.: Экономика, 1989. 239 с.
11. Сафронова Н. Б. Менеджмент в социальной сфере. М.: Московский энергетический институт, 2009. 198 с.
12. Социология социальной сферы: Учеб. пособие / Под ред. М. М. Акулич, В. Н. Кузнецова. М.: Гардарики, 2007. 238 с.
13. Управление социальной сферой: институты, экономика, финансирование / Под ред. И. Г. Трегудовой. Шахты: ЮРГУЭС, 2006. 268 с.
14. Шавель С. А. Социальная сфера общества и личность. Минск: Наука и техника, 1988. 166 с.
15. Merton R. K. Social Research and Practicing Professions / Ed. by A. Rosenblatt and T. F. Gieryn. Cambridge, Massachusetts: Abt Books, 1982.
16. Parsons T. The Professions and Social Structure // Parsons T. Essays in Sociological Theory (Revised Edition). N. Y.: The Free Press, 1966. P. 34–46.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Май, № 3 **Филология** **2012**

УДК 811.161.1

ЗОЯ ИВАНОВНА МИНЕЕВА
кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета, Петрозаводский государственный университет
zmineeva@rambler.ru

ДЕРИВАЦИЯ РУССКИХ АГЕНТИВОВ ЖЕНСКОГО РОДА

В статье рассматриваются лексемы, обозначающие лиц женского пола, преимущественно неологизмы, способы их образования в свете спорных вопросов лингвистики.

Ключевые слова: способы деривации, агентив (nomina agentis), женский род, коррелятивная пара, Национальный корпус русского языка

Деривация русских агентивов женского рода, или феминутивов, исследована в гораздо меньшей степени, чем соответствующих единиц мужского рода, на которых концентрируется внимание ученых рубежа XX–XXI веков [1; 103], признающих несомненную активность словообразовательных процессов в расширении корпуса номинаций человека. Антропоцентризм, характеризующий парадигму современных научных исследований, каузирует дальнейшую разработку теории словообразования в связи с осмыслением специфики неоагентивов.

Анализ лексикографических источников: словарей «Новые слова и значения» (НСЗ) 1971, 1984, 1997, 2009 годов [9], [10], [11], [12], Толкового словаря языковых изменений конца XX столетия под ред. Г. Н. Скляревской 2001 года (ТСИ) [13], фиксирующих новообразования, обнаруживает отрицательную динамику количества новых феминутивов. Так, если в издании 1971 года [8] 68 единиц женского рода составляют 14,9 % от общего числа номинаций лиц (457), то в последующих выпусках словарей неологизмов доля феминутивов сокращается: в словаре 1984 года [9] – 84, 10,7 % (49 из 457), в 1997 года [9] – 7, 4 % (54 из 731), в 2009 года [11] – 11,6 % (73 из 629).

Новые агентивы женского рода разнообразны по семантике и входят в тематические группы номинаций лиц по профессии (*кукурузоводка*, *доводчица; рыбообработчица; женщина-телохранитель*), качествам, свойствам (*слабачка; интеллектуалка; фанатка; вампириха*), по роду деятельности (*окопница; травница; женсоветовка; виртуалка*), принадлежности к группе (*одноклубница; ревсомолка; младшекурсница; деморосска)*, видам спорта (*брассистка; толкательница; дзюдоистка; гольфистка*).

Обращает на себя внимание весьма незначительное количество коррелятивных пар, таких как *металлист – металлистка, деморосс – деморосска* и *деморосcовка, лоббист – лоббистка, пуштунец – пуштунка* и т. п. Нерегулярность появления единиц женского рода нередко объясняется стремлением к преодолению омонимии (*пилот – пилотка; грибник – грибница* [4; 287]), однако омонимия и полисемия представляют собой явление универсальное, сопровождающее и образование лексем мужского рода: *детектив* – ‘книга’ и *детектив* – ‘сыщик’; *телятник* – ‘рабочий’ и *телятник* – ‘помещение для телят’; *курильщик* – ‘курящий человек’ и (проф.) ‘подводный термальный источник’, и даже омографов (с наконечным ударением *нужник* – ‘влиятельный человек’, а с ударением на первом слоге – ‘туалет’). Существование омонимов не затрудняет понимание текста, что доказал в свое время А. А. Потебня.

Дериваты женского рода представляют собой активно пополняющуюся группу, что не всегда находит отражение в лингвистической литературе и лексикографии. Согласно верификации, проведенной с использованием Национального корпуса русского языка (НКРЯ) – общего и газетного, нами обнаружены корреляты женского рода для отмеченных в ТСИ [13] как актуализировавшихся на рубеже веков единиц мужского рода. Приведем примеры тех коррелятивных пар на «А» – «Г», которые не нашли отражения в наиболее полных толковых словарях последних лет, БАС-3 2004–2009 и БТС 2008[1]: *авангардист – авангардистка*, *анпиловец – анпиловка*, *антикоммунист – антикоммунистка*, *арендатор – арендаторша*, *гангстер – гангстерша*, *героинщик – героинщица*, *гетеросексуал – гетеросексуалка*, *госслужащий – госслужащая*, *гуманист – гуманистка.*

Следует отметить семантическое и стилистическое разнообразие выявленных в НКРЯ единиц, а также неодинаковую длительность их существования.

Лексема ***арендаторша*** в основном корпусе представлена примерами конца XIX – начала XX века, в том числе извлеченными из произведений Г. П. Данилевского: *Наша барыня – **арендаторша**!; у покойного брата и у его **арендаторши** ходили одни гурты скота; Еще в качестве поверенного бывшего смиренного владельца Конского Сырта, он вежливо и степенно явился к **арендаторше** этого имения, Палагее Андреев-*

© Минеева З. И., 2012

не Перебоченской, переговорить о ее видах на скорейшую разделку по арендной сумме и об очищении земли от ее присутствия, так как срок аренды давно кончился [Данилевский Г. П. Воля (1863)]. В газетном корпусе имеются примеры узуального современного употребления: *За 13 лет она прошла путь от рядовой «челночницы» до законной* ***арендаторши*** *двух рабочих мест в престижном мясном ряду* [Труд-7. 04.14.2004].

Время появления остальных восьми единиц – рубеж XX–XXI веков; все они отмечены в СМИ.

Авангардистка – в значении ‘представительница авангардного направления в искусстве’: *Если зайти с Запада на уровне 72-й стрит, то не миновать «Дакоту». Там до сих пор живет, как ее именуют, «одна из самых знаменитых вдов планеты». Это, конечно, Йоко Оно. Художница-****авангардистка*** *и музыкант, второе «я» Джона Леннона* [РИА Новости. 13.12.2005]

Лексемы обозначают:

1. Принадлежность к социальной группе по уровню доходов, месту работы: *бюджетница* (‘небогатая, работающая в государственном учреждении’): *У подростков в ходу оказались «Гарри Поттер», приключения, фэнтези, домохозяйки и молодые* ***бюджетницы*** *предпочитают любовные романы, детективы Марининой, пенсионеры – исторические мемуары, садово-огородные советы* [Труд-7. 09.04.2004]; *госслужащая* (используется в СМИ при описании и российских реалий, и жизни за рубежом): *– Не знаю, о чем в Москве думают! – возмутилась Елена Кривцова,* ***госслужащая*** *из города Волжский Волгоградской области, услышав от нас о возможных переменах* [Труд-7. 29.09.2006]; *«Я интересуюсь культурой и менталитетом жителей других стран, и в частности, поэтому я приезжала сюда в свободное время», – говорит Наоко,* ***госслужащая*** *26 лет, родом из Нагойи* [РИА Новости. 04.10.2005].

2. Принадлежность к течениям, направлениям в искусстве, партиям, группам сторонников определенных политических взглядов: *анпиловка*: *Ярая* ***анпиловка*** (в тексте использовано переносное значение) [Труд-7. 01.04.2003]; *антикоммунистка*: ***Антикоммунистка*** *Меркель выросла в Восточной Европе и даже в школе выиграла конкурс сочинений о Ленине, за что была премирована поездкой в Москву* [КП. 03.15.2007]; *гуманистка* (представлена и в общем, и в газетном корпусах, в текстах художественной прозы и СМИ). Прямое значение: *не великие* ***гуманистки****, как Мать Тереза* [Шиманский А. Австралия глазами русского, или Почему верблюды там не плюются // Звезда. 2002]; *Ася –* ***гуманистка****, они только три года назад репатриировались из Франции* [Лимонов Э. Подросток Савенко (1982)]. Переносное ироническое употребление в значении «правозащитница по должности, на деле нарушающая нормы гуманного отношения к человеку»: *До службы в Ираке она под крышей спецслужб работала помощником комиссара Совета государств Балтийского моря по демократическому развитию. Числилась там как сотрудница датского МИДа. Причем особый интерес аппарат комиссариата проявлял к России. Под руководством этой «****гуманистки****» разрабатывалась «Программа досудебного содержания под стражей». Видимо, потом в Ираке она опробовала ее на практике. Теперь у Хоммель появился шанс испытать программу уже на себе: за издевательство над иракскими пленными она предстанет на родине перед судом* [КП. 02.21.2005].

3. Принадлежность к социальной группе по внешним признакам – одежде, манере поведения: *гангстерша*. Лексема встречается как в художественном тексте в ряду однородных членов, также агентивов женского рода, так и в публицистическом: *– Вам нравится поэзия акмеистов? – спросила Москвича высокая худая то ли профессорша, то ли* ***гангстерша****, то ли цыганка. Спросила, преподнося ему бокал мартини и чуть помешивая в бокале своим великолепным длинным пальцем, должно быть с целью растворить красивый, но, по всей вероятности, далеко не безвредный кристалл* [Аксенов В. Круглые сутки нон-стоп // Новый мир. 1976. № 8]. Пример из газетного корпуса иллюстрирует использование феминутива в современной разговорной речи: *Как и ее героиня Бонни, актриса раньше любила носить береты и юбки миди, подчеркивающие стройность фигуры. На улице прохожие часто говорили: «Смотрите, как эта девушка похожа на Фэй Данауэй!» Она чувствовала, что роль* ***гангстерши*** *лишила ее индивидуальности* [Труд-7. 07.12.2001].

4. Принадлежность к группе по характеру заболевания: *героинщица* представлена только в газетном корпусе в тексте, посвященном лечению наркоманов: *на стеллажах стоят коробки с различными сборами трав, ягод. Здесь же их заваривают и «угощают» лечебными «коктейлями» больных пациенток. – У нас содержатся в основном* ***героинщицы****, – продолжает Шигильчев. – Этот наркотик разрушает иммунитет* [Труд-7. 05.12.2003].

5. Принадлежность к группе по характеру сексуальной ориентации: лексема *гетеросексуалка* представлена как в общем корпусе (в тексте форума 2004 года наряду с разговорной лексикой), так и в газетном: *Для* ***гетеросексуалки*** *другая особь этого же пола – прежде всего соперница* [КП. 09.16.2005].

Деривация неологизмов, извлеченных из корпуса и представленных в словарях новых слов, осуществляется единообразно, по известным моделям; наибольшую продуктивность проявляет морфологический способ, а именно суффикса-

ция, в то время как субстантивация представлены единичными примерами. Наибольшее количество дериватов произведено с помощью суффикса -к-/-истк-/-овк-: *аквалангистка, фотожурналистка, ополченка; прогнозистка, телетайпистка, бамовка; биатлонистка, планшетистка, керамиситка; керлингистка, галеристка, виртуалка*[2]. Далее по убыванию деривационной активности следуют -чиц-/-щиц-/-льщиц-: *автокарщица, асфальтировщица, каменщица; камвольщица, огранщица, ориентировщица; забойщица, женсоветчица, лимитчица; галерейщица*; -ниц-/-тельниц-: *блокадница, водительница; байдарочница, долгожительница; взяткодательница, высотница; зоозащитница*; -ш-: *администраторша, барменша; модельерша; завша; байкерша, банкирша, капитанша.*

Тенденция к усилению аналитизма выражается в значительном повышении активности словосложения и появлении относительно большого числа сложных слов; если в первых словарях примеры сложных слов единичны, то в последнем их уже 19 (почти 20 %): *секс-бомба; пряжекрутильщица, пуховязальщица, рок-певица; первоцелинница, фотоманекенщица; автор-ведущая, бизнес-вумен, вице-мисс, женщина-кандидат, женщина-предприниматель.* Неморфологическая деривация – это, во-первых, субстантивация: *невыездная* (НСЗ-97) и лексико-семантическое словообразование: *королева* – ‘о первой, лучшей, самой выдающейся в каком-либо отношении, в каком-либо роде деятельности женщине’, *одиночка* – ‘мать-одиночка’, *бабетта* – ‘о девушке с высокой прической с начесанными волосами’ (НСЗ-71); *кандидатша* – ‘кандидат наук’, *кукушка* – ‘женщина, оставившая младенца в роддоме’, *литераторша* – ‘учительница русского языка и литературы’, *несушка* – ‘женщина, занимающаяся несунством’, *художница* – ‘спортсменка, занимающаяся художественной гимнастикой’ (НСЗ-97); *барби* – ‘красивая девушка, женщина стандартной наружности, напоминающая куклу Барби’, *газель* – ‘о том, кто быстро передвигается’, *каркуша* – ‘тот, кто предсказывает неудачу, беду’ и т. п. Единичен случай использования аббревиации, с помощью которой образуются обычно либо неодушевленные имена, либо существительные мужского рода (*эмэнэс* – ‘младший научный сотрудник’); в НСЗ-97 *мапа* – это соединение первых слогов от *мама* и *папа*.

Феномен языковой игры имеет место при контаминации лексем *депутат* и *путана*, в результате чего появился зафиксированный в НСЗ-09 феминутив *депутана*, маркированный как разговорный и шутливо-иронический. Примечательно, что от этой лексемы женского рода образовался маскулинутив *депутан*. Оба коррелята эксплицируют весьма критическое отношение носителей языка к народным избранникам. Аналогичный деривационный процесс позволил в XVIII веке от *блондинка, брюнетка* образовать соответственно *блондин* и *брюнет*, а в XX – *стриптизер* от *стриптизерка*.

Сравнивая динамику образования феминутивов последних десятилетий и предшествующих периодов развития литературного языка, следует отметить утрату продуктивности флективного способа (по другой терминологии – нулевой суффиксации) и снижение суффиксального способа: с помощью -ис-, при использовании которых происходило образование агентивов в XVIII веке (*виртуоза, амбассадриса*).

Наличие таких производных лексем, как *женсоветчица*, *феминистка* и т. п., не имеющих коррелятов мужского рода; семантически разнородных *отказник* (‘ребенок, от которого отказались родители’) и *отказница* (‘мать, отказавшаяся от своего ребенка’), подтверждает мысль о том, что реально деривация феминутивов происходит по сложившимся в языке моделям от слов разных частей речи; в качестве производящей может выступать субстантивная основа (Тунис – *туниска*), адъективная (*пескоструйщица* – ‘работница, выполняющая работы на *пескоструйном* аппарате’); глагольная (*обогащать*: *обогатительница* – ‘работница, занимающаяся *обогащением* полезных ископаемых’), а также аббревиатура (ПТУ – *петеушница*). В. В. Виноградов, рассматривавший особенности словообразования существительных на большом и разнообразном материале, писал о том, что существительные женского рода могут образовываться непосредственно от глагольных и именных основ с помощью производных суффиксов, как, например, слово *очаровательница*. В современной литературе можно встретить трактовку агентивов женского рода как «женских вариантов» лексем мужского рода или лексем, образованных чересступенчато [2; 131], слов с модификационным значением [12; 200–204]. Данная концепция не позволяет достаточно точно и корректно определить мотивацию и семантику дериватов, что отражается на утвердившейся практике весьма приблизительной характеристики феминутивов в толковых словарях. В качестве пояснения приведем пример подачи слова *синхронистка* в одном из последних изданий БТС. Лексема включена в словарную статью *синхронист*, а между тем дериваты мужского и женского рода семантически разнородны: *синхронист* – это либо ученый-лингвист, либо переводчик, следовательно, слово мотивировано прилагательным *синхронические* (исследования) и *синхронный* (перевод); *синхронистка* же – это спортсменка, занимающаяся *синхронным* плаванием, значит, в качестве мотивирующего производящего имеет не вышеназванные номинации ученого и переводчика, а однокоренное имя прилагательное. В связи с вышеизложен-

ным представляется перспективным подход И. А. Мельчука, видевшего кодеривацию агентивов мужского и женского рода от общих мотивирующих основ, прилагательных, глаголов и проч. [5].

Характеризуя феминутивы с точки зрения наличия / отсутствия стилистической маркированности, правомерно констатировать узуальную связь большой доли анализируемых единиц с разговорным стилем. Так, особенности прагматики единиц на -ш(а), их недостаточная престижность является причиной появления на рубеже веков новых однокоренных дериватов *маникюристка* и *маникюрщица*, а также аналитических конструкций *мастер / оператор по маникюру* даже для нейтрального слова *маникюрша*.

Однако нельзя не учитывать большой пласт нейтральных лексем, который включает в себя этнонимы (*гвинейка, кампучийка, колумбийка*), а также спортивную (*воднолыжница, саночница*) и профессиональную лексику (*пескоструйщица, радиомонтажница*). Наличие экспрессивной окраски зачастую устанавливается исследователями по излишне краткому, лапидарному контексту, в рамках которого представляется сложным точно определить характер авторских интенций. Так, далеко не всегда суффикс -есс- привносит презрительно-ироническую окраску; используемая Василием Аксеновым в юмористической повести «Золотая наша Железка» номинация *физикесса*, безусловно, разговорная, используется как знак неформального, фамильярного дискурса, однако иных коннотаций не содержит: *Иногда он… долго смотрел на читающую, вооруженную сильными линзами Наталью, тихо грустил, созерцая ее слегка уже отвисшую щеку, и ждал момента, когда она поднимет голову и сквозь ее маску сорокалетней усталой и уверенной в себе* ***физикессы*** *вдруг робко проглянет та девочка, лучшая девочка их поколения, поколения пятидесятых, что прошлепало драной микропоркой на закат, по Невскому к Адмиралтейству, и испарилось в кипящей пронзительно-холодной листве.* Таким образом, корпус феминутивов включает в себя и стилистически маркированные, и нейтральные единицы, что в целом характеризует данный сегмент лексики.

Итак, теория агентивов женского рода представляет собой средоточие различных, в том числе спорных и отличающихся недостаточной аргументацией точек зрения; тем не менее не вызывает сомнения, что реализация лингвокреативного потенциала феминутивов, обладающих активными ресурсами словопроизводства, обеспечивает языку возможность отвечать современным вызовам общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Не привлекаются данные специального «Толкового словаря названий женщин» [3] как не содержащего иллюстраций, подтверждающих точность приведенных дефиниций, особенно включающих весьма далекие семы (*охламонка*, прост. – ‘глупая женщина’ и ‘бездельница’), а также имеющего в своем составе неактуальные с точки зрения литературного языка единицы: *некутаха*, диал. ‘неряшливая, неаккуратная женщина’.

[2] Приводятся лексемы последовательно из 4 вышеназванных словарей неологизмов, точкой с запятой отделяются примеры каждого словаря.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Земская Е. А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М.: Языки русской культуры, 2000. С. 90–147.
2. Ильясова С. В., Амири Л. П. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы. М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. 296 с.
3. Колесников Н. П. Толковый словарь названий женщин: Более 7000 единиц. М.: АСТ: Астрель, 2002. 608 с.
4. Кронгауз М. А. Семантика: Учебник для вузов. М: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2001. 399 с.
5. Мельчук И. А. Строение языковых знаков и возможные формально-смысловые отношения между ними // Известия ОЛЯ АН СССР. 1968. Вып. 5.
6. Минеева З. И. Русские зоотропы // Личность в межкультурном пространстве: Материалы V междунар. науч.-практ. конф. РУДН. Ч. II. М.: РУДН, 2010. С. 60–66.
7. Новейший большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2008. 1536 с.
8. Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов / Под ред. Н. З. Котеловой, Ю. С. Сорокина. М.: Сов. энциклопедия, 1971. 543 с.
9. Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов / Под ред. Н. З. Котеловой. М.: Русский язык, 1984. 808 с.
10. Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 80-х годов / Под ред. Е. А. Левашова. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. 904 с.
11. Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века: В 2 т. Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. 816 с.
12. Русская грамматика. Т. I. М.: Наука, 1982. 783 с.
13. Толковый словарь русского языка. Языковые изменения конца XX столетия / Под ред. Г. Н. Скляревской. М.: Астрель: АСТ, 2001. 944 с.

Май, № 3 **Филология** **2012**

УДК 801.311.5

АННА АНДРЕЕВНА МАКАРОВА
аспирант кафедры русского языка и общего языкознания Института гуманитарных наук и искусств, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург)
toponimist@yandex.ru

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ НАЗВАНИЯ ОЗЕР В ГИДРОНИМИИ БЕЛОЗЕРЬЯ И ПРОБЛЕМА ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ

Рассматриваются возможные типы бытования параллельных названий озер Белозерья, выявляются номинативные модели, характерные для каждой топонимической системы, и определяются факторы, способствующие тому или иному типу адаптации чужих (по языковой принадлежности) названий или замене их новыми топонимами.

Ключевые слова: ономастика, контактология, русская топонимия, вепсская топонимия, прибалтийско-финская топонимия, языковой субстрат, Русский Север, Белозерье

В настоящее время северо-запад Белозерья (некоторые населенные пункты Бабаевского района Вологодской области) представляет собой зону вепсско-русского двуязычия, где происходит активное взаимодействие между контактирующими топонимическими системами, а большинство параллельных названий известны как русскому, так и вепсскому населению. На рассматриваемой территории кроме собственно русских и собственно вепских названий присутствует значительный пласт субстратной топонимии прибалтийско-финского, саамского (соотносимого с прибалтийско-финско-саамским языковым состоянием) и волжско-финского происхождения [4; Ч. 2; 230–231] [7; 181–182] (подробнее о проблеме классификации языков в субстратной топонимии Русского Севера См. [4; Ч. 3; 198–235]). Такая этноязыковая ситуация провоцирует появление параллельных названий и создает благоприятные возможности для изучения этого номинативного феномена в лингвогенетическом и контактологическом аспектах. Объект анализа – параллельные названия озер Белозерья (всего около 220 рядов), являющиеся фактами русской и вепсской топонимических систем. Источником материала стали полевые картотеки Топонимической экспедиции Уральского государственного университета (г. Екатеринбург)[1], а также картотека топонимов Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (г. Петрозаводск)[2].

Нередко параллельные названия образуют не пары, а целые ряды топонимов, состоящие из трех-четырех членов (около 18 % случаев). Соотношение топонимов по происхождению внутри рядов может быть различным: субстратное и собственно русское название (*Павшозеро* / *Алёшинское*), субстратное и собственно вепсское (*Šalg'är'v* [2] / *Sur'g'är'f* [2]), вепсское и русское (*Hiinjärv* [2] / *Сенное*), субстратное и субстратное (*Сукозеро* / *Сайма*), русское и русское (*Кичаговское* / *Топорово*), вепсское и вепсское (*Mustjär'v* [2] / *Mironanjär'v* [2]), вепсское, субстратное и русское (*Pühär' järv* [2] / *Пигозеро* [2] / *Постное* [2]) и т. п.

При лингвогенетической атрибуции параллельных названий необходимо учитывать, что некоторые русские по употреблению субстратные названия (*Шимозеро*) имеют параллели в вепсском (*Šimgärv*), которые для вепсского языка также являются субстратными (происхождение топоосновы связывается с волжско-финскими языками, ср. мар. *шим* 'черный' [7; 320]). С другой стороны, ряд названий, формально совпадающих с субстратными (это касается в первую очередь полукалек с формантом *-озеро*), могут быть относительно свежими заимствованиями, возникшими в ситуации двуязычия на территории северо-запада Белозерья (пограничье Бабаевского, Белозерского и Вытегорского районов).

1. Параллельными могут быть названия, восходящие к данным одного языка, но образованные по разным номинативным моделям (например, отапеллятивное название, отражающее качественные характеристики объекта, и оттопонимическое): *Белое* / *Панкратово* (у д. Панкратово).

1.1. В русской топонимической системе Белозерья отмечено около 60 пар собственно русских по происхождению параллельных названий. Лимнонимы в подобных парах отличаются двумя особенностями: 1) один из них (вероятно, более поздний) образован от названия деревни или церкви; 2) в паре есть лимноним, образованный по одной из наиболее распространенных квалитативных моделей (по цвету воды, размеру и т. п.). В последнем случае топоним, очевидно, утрачивает различительную функцию из-за высокой повторяемости: из отмеченных в Белозерье 36 *Белых* озер параллельные названия имеют 8; из 26 *Больших* озер – 5, а из 26 *Маленьких* – 3. Однако этот фактор не абсолютен: так, из 59 *Чёрных* озер параллельные названия имеют лишь 2.

© Макарова А. А., 2012

Нередко параллельные названия образованы по одной и той же модели, но связаны с разными мотивирующими основами: модель, наиболее популярная в русской топонимии Белозерья. Появление параллельных названий в данном случае часто обусловлено особенностями положения озера относительно населенных пунктов: 1) небольшое по размерам озеро находится между двумя населенными пунктами и оказывается отнесено то к одному, то к другому из них, ср. *Белоусовское* / *Мысовское* – между д. Белоусово и д. Мыс; *Боровское* / *Юдинское* – между д. Бор и д. Юдино и др.; 2) вокруг озера расположено несколько деревень, ср. *Гавриловское* / *Пожарищское* / *Узловское* – вокруг озера находятся д. Гавриловская, д. Пожарище и д. Узлово. Эти синхронные единицы, входящие в топонимические микросистемы разных деревень, различаются точкой зрения номинатора. Название «своей» деревни в такой ситуации может замещаться притяжательным местоимением или семантически близким к местоимению прилагательным: *Наше*, *Своё*, *Домашнее* и др.

Кроме того, в отношения параллелизма могут вступать лимнонимы, образованные от названий церквей: *Ильинское* (*Савиново*), *Никольское* (*Сёмкинское*), *Пятницкое* (*Головинское*) и др.

Русско-русские параллельные названия, образованные от русских по происхождению лексем, наиболее широко представлены в центре рассматриваемого региона – на территории Белозерского, Вашкинского и Кирилловского районов (как известно, это зона более раннего русского заселения). По мере приближения к окраинам количество собственно русских параллельных номинаций постепенно снижается, а на северо-западе они уступают место гетерогенным парам, восходящим к данным разных языков.

1.2. Судя по имеющимся материалам, в вепсской топонимической системе случаи гомогенных параллельных названий достаточно редки. Они встречаются только при одновременном наличии русской параллели: *Mironanjär'v* [2] / *Mustjär'v* [2] / *Чёрное*. Здесь можно предполагать независимое создание вепсских названий по разным моделям (как в случае гомогенных параллельных названий в собственно русской топонимии), а возможно, и влияние русского названия (поскольку случаи заимствований в вепсскую топонимическую систему из русской на исследуемой территории также фиксируются, ср. *Mel'nicg'är'f* [2], *Perevozniig'är'v* [2] и др.).

2. Параллельными могут быть названия одного объекта, восходящие к фактам разных языков (около 160 пар), например русские и прибалтийско-финские (для территории Белозерья в первую очередь вепсские и в меньшей степени карельские) или русские и субстратные названия (например, *Гришкинское Озеро* / *Бояро*). Лимнонимы в таких парах могут иметь семантически близкую или тождественную внутреннюю форму, а могут быть образованы независимо друг от друга.

Параллельные названия, восходящие к данным разных языков, отмечены на территории всего Белозерья, однако наибольшее их количество сконцентрировано на северо-западе региона, в Бабаевском и Вытегорском районах (в зоне вепсско-русского двуязычия). Некоторое количество пар отмечено на окраинах этого ареала – в Белозерском, Кирилловском, Вашкинском и Вожегодском районах Вологодской области (на территории наиболее раннего русского освоения), единичные факты – в Каргопольском и Коношском районах Архангельской области. Подавляющее большинство номинативных параллелей представлено парами с участием полукалек: субстратное название + более поздняя русская лексема или параллельная ей вепсская современная (однако в таких парах могут встречаться полукальки, являющиеся позднейшим переводом вепсского названия в ситуации двуязычия).

2.1. Около 50 корреляций (25 % всех параллельных названий) представлены рядами, состоящими из субстратного и русского названий: *Буерское* / *Паунинское*; *Илозеро* / *Родионинское*; *Сукозеро* / *Сайма* / *Кичаговское* / *Топорово* и др. Такие корреляции свойственны в первую очередь топонимии Белозерского, Вашкинского и Кирилловского районов, то есть территории раннего русского освоения, в других зонах они фиксируются значительно реже.

Субстратные названия в таких парах в большинстве случаев трудно поддаются или не поддаются этимологизации. Основы с установленным происхождением связываются с названиями более или менее крупных рек (*Андозеро*, *Сукозеро* – первая часть этих полукалек восходит соответственно к речным гидронимам *Андога*, *Сука*), географическими терминами (*Бояро*, *Буерское*, *Буозеро* ~ фин., карел., люд., вепс., эст. *oja* 'ручей', 'канава', лив. *v(u)ojā* 'заполненная водой ложбина' = саам. *vuåjj* (Кильдин, Йоканьга) 'ручей' [12; 262]; ср. также саам. *uoij*, *oj*, *vuoi*, *uaj*, *vuai* 'ручей' [9; 765], [4; Ч. 1; 257]) или с обозначениями базовых пространственных понятий (*Илозеро*, ср. приб.-фин. *ylä* 'верхний' [8; 49]).

Часть субстратных названий в таких парах интерпретируется из саамских данных: *Ловозеро* ~ прасаам. **lōvē*, саам. сев. *luovve* 'настил для хранения' [10; 72–73], [4; Ч. 2; 183], *Чёлмсарское* ~ прасаам. **ćōlmē*, сев. *čoal'bme*, Инари *čoalmi*, Колтта *čuä´lmm*, Кильдин *čue´lm*, тер. *čjeĪme* 'пролив' [10; 26–27], [4; Ч. 2; 99]. Есть и прибалтийско-финские лимнонимы: *Нинозеро* ~ карел. *niini* 'липа', 'лыко', люд. *ńiń* 'лыко', вепс. *niń*, *ńiń* 'лыко', 'липа' [13; 218], [4; Ч. 2; 55] и др.

У некоторых названий известна не одна, а две параллели субстратного происхождения: *Мундо-*

зеро Ближнее / *Чёлмсарское* (*Щучье*[1]), *Пурос* / *Тюрьга* (*Щучье*[2]), *Сайма* / *Сукозеро* (*Кичаговское*, *Топорово*). Вероятно, перед нами не синхронные наименования, а названия, возникшие в различных лингвоэтнических общностях в разное время. В связи с этим стоит обратить внимание на то, что практически все названия, соотносимые с саамскими данными, сконцентрированы в этой группе.

В качестве русской параллели часто выступают лимнонимы, образованные от названий близлежащих деревень: *Гришкинское Озеро* (< д. Гришкино), *Паунинское* (< д. Паунино) и др., а также от названий церквей, стоящих на берегах соответствующих озер (все – в Кирилло-Белозерском регионе): *Воздвиженское*, *Егорьевское* и др.

Широко распространены также образования от апеллятивных основ, связанные с цветом воды (*Белое*) и наличием рыбы (*Карасье*, *Щучье*). Другие номинативные признаки встречаются однократно.

2.2. Второй тип, наиболее массовый – около 70 корреляций (33 %), представлен парами, состоящими из вепсских и параллельных им русских лимнонимов-полукалек: *Ahnogär'v* [2] / *Ахнозеро*, *Habär'* [2] / *Хабозеро* и др. Корреляции данного типа отмечаются на пограничье Бабаевского, Белозерского и Вытегорского районов – в зоне современного или недавнего вепсско-русского двуязычия.

Основы вепсских топонимов и русских топонимов-полукалек оказываются родственными: *Buukučg'är'v* [2] / *Букучозеро*, *Vastg'är'v* [2] / *Вастозеро* и др. Большинство названий достаточно надежно этимологизируются на прибалтийско-финской почве – как в виде точных соответствий в отдельных языках (главным образом в вепсском и в меньшей степени в карельском), так и в виде соответствий на уровне прибалтийско-финских языков в целом. Некоторые русские формы указывают на то, что контакты между прибалтийско-финской и русской топонимическими системами происходили в течение длительного времени: так, в паре *Mat't'ar'v* // *Маткозеро* в русской полукальке отражено более раннее состояние вепсской основы, чем в современном вепсском варианте.

Некоторые пары находят удовлетворительное объяснение только в диалектах саамского языка, ср. *Torazjärv*[1] / *Торозеро*, *Torazjärv*[2] / *Торосозеро*, ср. ~ прасаам. **tōrēs*, сев. *doares*, Инари *toaris*, Колтта *tuä'res*, Кильдин *tue'res*, тер. *toaras* 'надвое, пополам; поперек' [10; 138–139], [4; Ч. 2; 116].

Наиболее популярные идеографические сферы, к которым принадлежат топоосновы, используемые в названиях этой группы: названия животных (*Легмозеро* / *Lehmjär'v* [2] ~ карел. *lehmä*, люд. *lehm*, вепс. *l'ehm* 'корова' [13; 58], [4; Ч. 2; 47]; *Хебозеро* / *Hebojär'v* [2] ~ люд., вепс. *hebo* 'конь', 'лошадь' [12; 156], [4; Ч. 2; 75]) и др.; названия рыб (*Ахнозеро* / *Ahnogär'v* [2], ср. карел., люд. *ahven*, вепс. *ahv'en*, *ahń* 'окунь' [12; 56], [4; Ч. 2; 33]; *Сяргозеро* / *Sär'gär'v* [2], ср. вепс. *säŕġ* 'плотва' [3; 538]); названия деревьев (*Хабозеро* / *Habär'* [2], ср. вепс. *hab* 'осина' [12; 126], [4; Ч. 2; 72]) и терминология леса (*Кангаз* / *Kaŋgazg'är'v* [2], ср. вепс. *kaŋgaz* 'бор; сухое возвышенное место' [3; 177]); обозначения жилых помещений (*Кодозеро* / *Kodar'* [2], ср. вепс. *kod'i* 'дом, жилье', *Пихам* / *Pihamg'är'v* [2] ~ карел. *piha* 'двор', 'окрестности двора', 'усадьба', 'дом', люд. *piha* 'двор', вепс. *piha* 'перегородка, которая отделяет загон для скота или хлев от жилого помещения', 'перегородка в хлеве' [13; 350], [4; Ч. 2; 60]); вепсские формы русских календарных имен (*Григозеро* / *Grigd'är'f* [2], *Платан* / *Platan* [2] и др.).

Встречаются и уникальные модели (вероятно, оригинальные модели финно-угорского происхождения): *Вихканозеро* / *Vihkaŋg'är'v* [2], ср. вепс. *vihk* 'рогоз, которым моют полы' [14; 438]; *Сепозеро* / *Sepatg'är'v* [2], ср. *sep*[1] 'дрожжи, закваска' [3; 506]: мотивация может быть сходной с мотивацией лимнонима *Кислое*, ср. арх. *кислое озеро* 'мелкое озеро с топким, вязким дном', 'озеро с застойной, кислой водой' [1].

В субстратных названиях достаточно часто отражается и признак наличия реки, ср. *Гюгозеро* [2], *Ёгозеро* (ср. фин. *joki*, карел.-ливв. *jogi*, люд. *d'ogi*, вепс. *d'ögi*, *jogi*, эст. *jõgi* [11; 118]) и др. С расположением относительно рек связаны, по-видимому, и частотные для данной группы «боковые» озера: *Полозеро*, ср. вепс. *pol'* 'половина', 'сторона' [3; 428]; *Сюрязеро* [2] ~ карел. *syrjä* 'край, бок, сторона', вод. *sürja* 'край, бок, сторона', 'кряж, возвышенность', эст. диал. *süri* 'перешеек между болотами', 'кряж, возвышенность' [14; 231], [4; Ч. 2; 81].

2.3. Третий тип корреляций (15,7 %) – пары вепсских и соответствующих им русских переводных топонимов (также отмечены только на территории Бабаевского и Вытегорского районов): *Alanžjär'* [2] / *Нижнее* (ср. карел., вепс. *ala* 'нижний' [8; 48], *järv* 'озеро' [3; 161]); *Kehrag'är'f* [2] / *Круглое* (ср. вепс. *kehker* 'круглый' [1; 191]) и др. Встречаются и полные словообразовательные кальки: *Haug'järv* [2] / *Щукозеро* (ср. вепс. *haug'* 'щука' [3; 110]); *Väras'är'* [2] / *Кривозеро* (ср. вепс. *vär* 'кривой, косой, изогнутый' [3; 646]) и др.

2.4. В последнем типе корреляций (12,5 %) присутствуют три названия: вепсское, русское по употреблению название-полукалька (в большинстве случаев возникшее в процесе русского освоения вепсской системы названий, а в некоторых, возможно, и субстратное) и русское переводное (семантическая калька). Все озера расположены в зоне между кустами деревень Пяжо-

зеро, Пондала и бывшим с. Шимозеро. В большинстве случаев связи между параллельными названиями вполне прозрачны: *Ištun* / *Иштамозеро* / *Сидячее*, ср. вепс. *ištta* ‘сидеть’, а также *ištund-* в *ištund/sija* ‘место для сидения’ [3; 151–152]; *Kaidagär’v* [2] / *Кайдозеро* / *Узкое Озеро*, ср. вепс. *kaid* ‘узкий’ [2; 167] и др. На субстратное происхождение названий может указывать, в частности, неточное соответствие формы вепсского названия и параллельной ему полукальки, ср. *Vojär’v* при *Бойозеро*, *Pühär’ järʼv* при *Пигозеро*.

В данном подтипе встречаются случаи нетривиальных связей между названиями, ср. *Vojär’v* / *Бойозеро* / *Маслозеро*: название может восходить к вепс. *oja* ‘ручей’, но на современном уровне местные жители связывают его с вепс. *voi* ‘масло’ [3; 638]: «*Voi* – масло, маслянистый; *ar’* – озеро»; «Оно в лесу находится, вода стоит, как масло, не шевелится, стоячая вода, как масло» (д. Красная Гора). Отсюда в русском употреблении возникает форма *Маслозеро*. Рядом находится оз. *Pühär’ järʼv* [2] / *Пигозеро* [2] / *Постное* [2], восходящее к вепс. *püha* ‘пост’ [3; 445] и поддерживающее («антонимией» названий) версию относительно «масляной» мотивировки топонима. Информант связывает название *Vojär’v* с тем, что озеро богато рыбой (в противоположность *Pühär’ järʼv*) [2].

Возникновение и последующее сохранение параллельных названий объясняется особенностями расположения номинируемого объекта относительно смежных с ним населенных пунктов и рек, лингвоэтнической ситуацией, которая существовала в момент контакта топонимических систем, а также соотношением между номинативными моделями контактирующих языков.

Представленные данные позволяют сделать некоторые выводы лингвогенетического характера. Восточнее Белого озера (юго-восток Белозерского, Вашкинский, Кирилловский районы) распространение параллельных названий во многом обусловлено взаимодействием топонимического наследия субстратных языков (наиболее ярко выраженным здесь можно считать язык белозерских саамов) и русской топонимии. Наиболее распространенный тип параллельных названий на этой территории – субстратно-русский (в целом по Белозерью их доля составляет 25 %, четыре пятых от этого количества отмечены на востоке региона). Русские лимнонимы этой территории, входящие в параллельные ряды, отражают процесс заселения деревень и основания церквей русским населением и, видимо, достаточно активное освоение пространства, поскольку именно здесь широко представлены русско-русские ряды параллельных названий (всего в Белозерье 30 %, из них 65 % приходится на восток региона). Западнее Белого озера (северо-запад Белозерского, Бабаевский, Вытегорский районы) саамский топонимический слой менее выражен или перекрыт позднейшей прибалтийско-финской топонимией, а активное функционирование вепсско-русских пар параллельных названий (45 % параллельных названий Белозерья, все они зафиксированы на западе) объясняется преимущественно ситуацией двуязычия и постепенным обрусением вепсского населения.

Исследование выполнено при поддержке госконтракта 14.740.11.0229 в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (тема «Современная русская деревня в социо- и этнолингвистическом освещении»).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Далее эти лимнонимы даются без указания на источник.

[2] Выражаем сердечную благодарность И. И. Муллонен за предоставленную возможность работы с материалами ИЯЛИ КарНЦ РАН. Далее эти материалы сопровождаются ссылкой [2].

ИСТОЧНИКИ

1. Картотека Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, г. Екатеринбург).
2. Картотека топонимов Карелии и сопредельных областей (Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

3. Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепсского языка. Л.: Наука, 1972. 746 с.
4. Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. 1–3. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001–2007.
5. Муллонен И. И. Топонимия Присвирья: проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск, 2002. 356 с.
6. Муллонен И. И. Топонимия Заонежья: словарь с историко-культурными комментариями. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2008. 242 с.
7. Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1968–2005. O. 1–6.
8. Lehtiranta J. Yhteissaamelainen sanasto. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1989. 180 s.
9. Suomen kielen etymologinen sanakirja. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1958–1981. O. 1–7. 2293 s.
10. Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. 1. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1992. 486 s.
11. Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. 2. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1995. 470 s.
12. Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. 3. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2000. 503 s.

Май, № 3 **Филология** **2012**

УДК 82.09

АНДРЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ КУНИЛЬСКИЙ
доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы и журналистики, декан филологического факультета, Петрозаводский государственный университет
kunilsky@psu.karelia.ru

О ПОНЯТИИ «ЖИЗНЬ» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА

В статье затрагивается один из главных концептов мировой культуры – «жизнь», ставится вопрос о его бытовании в русской литературе XIX века. Значение концепта рассматривается на примере творчества Пушкина, Гоголя, Достоевского, приводятся примеры из произведений других писателей.

Ключевые слова: русская литература XIX века, концепт, «жизнь», философия жизни

Среди основных концептов мировой культуры, или, по выражению А. В. Михайлова, «ключевых слов культуры», в которых «отложилось самоуразумение – саморефлексия культуры» [13; 540, 547], особая роль принадлежит слову «жизнь».

В конце XIX – начале XX века в Европе возникает своеобразный культ жизни, проявляющийся в самых разных сферах (в науке, искусстве, в обыденном сознании). Это констатирует известный философ Генрих Риккерт в своей работе 1922 года «Философия жизни: Изложение и критика модных течений философии нашего времени» [16; 11, 12 и др]. В России подобное наблюдение было сделано еще раньше – в книге профессора Киевской духовной академии П. И. Линицкого: «В качестве идеала ничего лучшего не придумано, как только любовь к жизни, жизнерадостность» [11; 213].

Распространение культа жизни Г. Риккерт связывал прежде всего с влиянием философии Ницше, хотя отмечал при этом, что у него здесь были предшественники – Гете, немецкие романтики, Шопенгауэр и «в некотором отношении также Рихард Вагнер» [16; 24].

Если в немецкой культуре слово «жизнь» приобрело особое очарование со времен Ницше, то в России, как представляется, это произошло гораздо раньше. Конечно, здесь можно опять же усмотреть влияние немецкой культуры (что, как правило, и делается исследователями). Да, Гете, Шиллер, немецкие философы и литераторы-романтики [1] в разной степени могли научить особому отношению к слову «жизнь» Жуковского, Языкова, Гоголя, славянофилов (очевидно, именно Н. М. Языков впервые на русском языке использовал выражение «живая жизнь» [10; 76–77]). Но вот Пушкин никогда не находился под обаянием немецкой культуры, а у него образ «жизни» играет очень важную роль с самых первых произведений [17].

В ранней лирике Пушкина дают о себе знать и идущая из XVIII века гедонистическая традиция в литературе, и особенности юношеской психологии, и характер эпохи. Вся проблема для юного Пушкина заключалась в том, чтобы не чувствовать себя незваным гостем на «жизненном пиру» («Князю А. М. Горчакову», 1817), чтобы испить из «чаши жизни» («Кривцову», 1817; «Нет, нет, напрасны ваши пени…», 1819), чтобы не дать «цвету жизни» («Элегия», 1816) засохнуть, а для этого нужно одно: любить. Словом – «пока живется нам, живи…» («К Каверину», 1817). Правда, уже в этот период появляется выражение «тяжелый жизни сон» («К ней», 1815).

Первые печальные опыты взрослой жизни и влияние Байрона приводят Пушкина-романтика к разочарованию в жизни. Причем знаменательно то, что этот мотив разочарования в жизни оказывается связанным, с одной стороны, с темой демона, а с другой – с проблемой бессмертия души. Именно демон, который сам «на жизнь насмешливо глядел» («Демон», 1823), внушает лирическому герою Пушкина взгляд на жизнь как на «бедный клад» («Бывало, в сладком ослепленье…», 1823). Еще более выразительное определение жизни появляется в стихотворении «Надеждой сладостной младенчески дыша…» (1823), где именно невозможностью веры в бессмертие души объясняется привязанность к земному существованию:

Когда бы верил я, что некогда душа,
От тленья убежав, уносит мысли вечны,
…….
Клянусь! Давно бы я оставил этот мир:
Я сокрушил бы жизнь, уродливый кумир…

Разочарование в жизни становится лейтмотивом в финале романа «Евгений Онегин». Онегин констатирует («Отрывки из путешествия Онегина»):

Я молод, жизнь во мне крепка;
Чего мне ждать? Тоска, тоска!..

Татьяна о своем настоящем говорит: «Постылой жизни мишура» (гл. 8, XLVI). И наконец, автор признается, что ему невыносимо «глядеть на жизнь, как на обряд» (гл. 8, XI), жалеет об окончании труда, который давал «забвенье жизни» (гл. 8, L), и называет блаженными тех, кто

© Кунильский А. Е., 2012

оставил роман жизни недочитанным, то есть рано покинул «праздник жизни» (гл. 8, LI).

В лирике конца 1820-х – начала 1830-х годов мотив жизни приобретает особую смысловую и художественную весомость. В «Воспоминании» (1828): «И с отвращением читая жизнь мою». В том же году:

Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
……
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум.
(«Дар напрасный, дар случайный…»)

(Ср. у Достоевского в письме к брату от 22 декабря 1849 года после обряда смертной казни: «Жизнь – дар, жизнь – счастье…» [6; Т. 28/1; 164].) В «Стихах, сочиненных ночью во время бессонницы» (1830) есть выражение, которое врезается в память: «Жизни мышья беготня…» Вместе с тем в произведениях Пушкина этого периода мы находим благословение «младой жизни», которая будет играть «у гробового входа» тогда, когда поэта уже не станет («Брожу ли я вдоль улиц шумных…»), и признание счастливым человека, который понял «жизни цель», – а она в том, чтобы жить для жизни («К вельможе», 1830). У Пушкина появляется желание понять жизнь, отыскать ее смысл («Я понять тебя хочу, Смысла я в тебе ищу…» – «Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы»), антигедонистическое отношение к жизни: «Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать» («Элегия», 1830).

Было бы неправильным полагать, будто в вопросе о жизни Пушкин пришел к тому, что Достоевский называл «покладистой гармонией». Образ жизни, проблема жизни всегда продолжали оставаться для него полными напряженности. Свидетельством этого служит поэма «Медный всадник» (1833). Именно в ней прозвучал горький вопрос – и вопрос этот остался открытым:

…иль вся наша
И жизнь ничто, как сон пустой,
Насмешка неба над землей?

Таким образом, можно сказать, что Пушкин с присущей ему ясностью мысли зафиксировал и значимость концепта «жизнь» для человека XIX века, и эксплицировал его содержание, и наметил две основные культурные доминанты – жизнеутверждение и жизнеотрицание. (Напомню, что Альберт Швейцер использует понятия «жизнеутверждение» и «жизнеотрицание» при анализе всех основных религиозных и философских систем [21].)

Двойственное отношение к жизни – с одной стороны, как к ценности, с другой – как к предмету разочарования и отрицания – существовало в русской литературе и до Пушкина. У Карамзина в стихотворении «Берег» читаем:

Жизнь! ты море и волненье!
Смерть! ты пристань и покой! [8; 286]

Но вот у близкого, казалось бы, к Карамзину Жуковского выражается пиететное отношение к жизни. Как отметил в свое время брат Достоевского Михаил Михайлович, «в поэзии Жуковского везде видна сильная любовь к этой самой жизни…

И жизнь мне земная священна…
(Теон и Эсхин…)» [5; 36]

Очень показательным является отношение к жизни у Гоголя. Как он заметил в «<Авторской исповеди>», «в нынешнее время… все так заняты вопросом жизни» [4; Т. 6; 226]. Сам он, по его словам, давно этим занимался: «Предмет у меня всегда один и тот же: предмет у меня был – жизнь, а не что другое» [4; Т. 6; 216]. При этом образ жизни претерпел у Гоголя существенные изменения. Непосредственная, природная жизнь, или, как он выражается, «Илиада жизни» [4; Т. 7; 69], постепенно теряет для него свои краски. В статье «Светлое воскресенье», вошедшей в состав «Выбранных мест из переписки с друзьями», Гоголь с болью восклицает: «И непонятной тоской уже загорелась земля; черствей и черствей становится жизнь… исполинский образ скуки… Все глухо, могила повсюду. Боже! Пусто и страшно становится в твоем мире!» [4; Т. 6; 191].

Наряду с этим образом черствой жизни у Гоголя возникает и другой образ: «Как бы то ни было, но жизнь для нас уже не загадка» [4; Т. 6; 230]. Как явствует из дальнейших слов Гоголя, эту загадку разрешил Иисус Христос, и здесь писатель, очевидно, имеет в виду Его слова: «Я есмь путь и истина и жизнь» (Иоан. 14, 6). «Стало быть, вопрос решен: что такое жизнь» [4; Т. 6; 230].

Понятное дело, что эта жизнь не та, о которой речь шла выше.

Антиномичное представление о жизни заложено в Священном Писании. Там понятия «жизнь», «живой» применяются к Богу (Мф. 16, 16), Иисусу Христу («Я есмь воскресение и жизнь» – Иоан. 11, 25) – и к человеку («И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душею живою» – Быт. 2, 7), и к Еве, имя которой переводится как «жизнь» (Быт. 3, 20). О двух разных представлениях о жизни – языческом и христианском – писал Жуковский («О меланхолии в жизни и поэзии»): «Правда, у древних все жизнь, но жизнь, заключенная в земных пределах; и далее ничего: с нею всему

конец. У Христиан всё смерть, то есть всё земное, заключенное в тесных пределах мира, ничтожно, и всё, что душа, – нетленно, всё жизнь вечная» [7; 350]. Поэтому распространенное в христианстве отношение к земной жизни можно определить как жизнеотрицание. Так, в одном из своих последних произведений митрополит Московский Филарет (Дроздов) воспроизводит завет святителя Григория Богослова, архиепископа Константинопольского:

> Вам же, грядущие, вот заветное слово:
> Нет пользы Жизнь земную любить,
> Жизнь разрешается в прах [3; 71–72].

Интерес Достоевского к проблеме «жизни», «живой жизни» комментаторы вслед за В. Л. Комаровичем традиционно возводят к славянофилам [6; Т. 17; 286–287], [9; 33]. Это не совсем правильно. Если выражение «живая жизнь» у Достоевского в «Записках из подполья», где оно впервые употребляется, и можно возвести к славянофилам (но опосредованно – через Аполлона Григорьева), то понятие «жизнь» было актуальным уже для раннего Достоевского, еще не читавшего славянофилов.

Начиная с романа «Бедные люди», в котором Девушкин обращается к Вареньке со словами «жизненочек вы мой» [6; Т. 1; 70], жизнь становится не только сферой существования для героев Достоевского, но и входит в их рефлексию, кажется явлением глубоко проблематичным. Как заклинание звучат слова из повести «Неточка Незванова»: «Хотя бы с бурями, с грозами, но только бы с жизнью» [6; Т. 2; 239].

В художественных произведениях молодого Достоевского отражался его собственный опыт. Перенесенные вскоре им «грозы и бури» (арест, заключение, смертный приговор) дали возможность почувствовать не свою жизненную маргинальность, как у мечтателей, а наполненность жизнью: «В человеке бездна тягучести и живучести, и я не думал, чтобы было столько, а теперь узнал по опыту» [6; Т. 28/1; 158].

Достоевский еще неоднократно убедится в присущей ему жизненной силе. 14 апреля 1865 года, прошедший через многие испытания, он удивляется самому себе: «А между тем все мне кажется, что я только что собираюсь жить. Кошечья живучесть» [6; Т. 28/2; 120].

Последняя цитата – из письма, совпадающего по времени с началом работы над романом «Преступление и наказание». Через все произведение, как отметил в свое время Н. М. Чирков, «исступленная любовь к жизни проходит в качестве основного лейтмотива» [20; 104]. Об этом свидетельствуют приводимые ниже цитаты:

> «Только бы жить, жить и жить! Как бы ни жить – только жить!.. Экая правда! Господи, какая правда!» [6; Т. 6; 123].
>
> Раскольников испытывает «необъятное ощущение вдруг прихлынувшей полной и могучей жизни» (после поцелуя Полечки) [6; Т. 6; 176].
>
> «Смиренно опять: “Не хочу. Мастера жизни не так делали. Они весь свет переворачивали. Они сотнями тысяч как по шахматной доске ходили! Отчего ж они не колебались? Оттого, что были сильны…”» [6; Т. 7; 144].
>
> «Тогда Бог опять тебе жизни пошлет» (Соня) [6; Т. 6; 322].
>
> «Стало быть, ты в жизнь еще веруешь…» (Дуня) [6; Т. 6, 399].
>
> «…Отдайтесь жизни прямо, не рассуждая; не беспокойтесь, – прямо на берег вынесет и на ноги поставит. <…> Знаю, что не веруете, а ей-богу, жизнь вынесет» (Порфирий) [6; Т. 6; 351].
>
> «Муки и слезы – ведь это тоже жизнь» [6; Т. 6; 417].
>
> «Вместо диалектики наступила жизнь, и в сознании должно было выработаться что-то совершенно другое» [6; Т. 6; 422].

В «Преступлении и наказании» отразились две разновидности витализма. Одна из них связана с религиозным сознанием, а вторая – с прогрессистским, испытывающим на себе влияние теории Дарвина. Вторая разновидность представлена в речах Лужина.

Достоевский пишет свой роман в то время, когда слово «жизнь» становится лозунгом у представителей самых разных направлений. Вспомним, в частности, «Вопросы жизни» Н. И. Пирогова (1856) или «Письма о жизни» Н. Н. Страхова (1860). Как уже говорилось, на Достоевского повлиял Ап. Григорьев, что отразилось в «Записках из подполья». Вместе с тем во второй половине 50-х – начале 60-х годов «жизнь» стала популярным аргументом у прогрессистов и революционеров-демократов. Это придает сложный характер витализму и заставляет, например, иеромонаха Серафима (Роуза) квалифицировать витализм как одну из ступеней духовного падения культуры (либерализм – реализм – витализм – нигилизм). По его мнению, витализм возник как «реакция против исключения высшей реальности из реалистического “упрощенного” мира». Но «витализм, ища жизнь, начинает издавать запах смерти», потому что так и не приходит к Богу [15; 39, 50].

Однако, рассматриваемый с другой стороны, витализм может быть оценен и положительно – как этап на пути к вере. Вальтер Шубарт, автор книги «Европа и душа России» (1938), писал: «Органически-Виталистическая оценка мира есть явление междувременья, переходной стадии, которую человек проходит на пути от механики к метафизике» [22; 106].

Как заметил Г. Риккерт, «философия жизни существовала задолго до того, как слово жизнь стало модным лозунгом. Она исходила из теорий Дарвина (а публикация работы Дарвина произошла в 1859 году. – *А. К.*)… возникает пре-

словутая “борьба за жизнь” или, как обычно переводили по-немецки, за “существование”, что показывает, насколько тогда жизнь не была еще модным лозунгом. В ином случае не оставили бы без передачи английское “life”» [16; 79–80].

Интересно в этой связи отметить то, как повлиял роман «Преступление и наказание» на популяризацию понятия «жизнь» в русской культуре. В 1867 году Писарев опубликовал статью об этом произведении, которая называлась «Будничные стороны жизни». Ее продолжение было напечатано в 1868 году под названием «Борьба за существование». Заглавие «Борьба за жизнь» появилось при публикации работы в Полном собрании сочинений Писарева под редакцией Ф. Ф. Павленкова (1868, ч. 9, с. 204–261) с примечанием, что статья помещена «под тем заглавием, под которым она находится в рукописи» [14; 475]. То есть редакция журнала «Дело» или сам Писарев не решились сразу опубликовать его работу под заглавием «Борьба за жизнь», потому что это слово еще не стало популярным в Европе, предпочтение было отдано уже модному понятию «борьба за существование». Можно предположить, что именно роман Достоевского заставил Писарева почувствовать значимость концепта «жизнь». Правда, он понял его как проявление потребности в существовании, оправдывающей преступление от голода и т. п. Изображения процесса раскаяния он не принял. Совершенно иначе оценил происходящее в романе Н. Н. Страхов: «…прикосновение живой и теплой жизни пробуждает в нем (Раскольникове. – *А. К.*) муки бессознательного раскаяния» [18; 111].

На особое положение Достоевского в русской культуре с его культом «жизни», «живой жизни» неоднократно указывали разные авторы. Так, М. М. Тареев отметил: «Достоевским сказано много новых слов. Но, может быть, самое драгоценное его новое слово есть это слово о жизни, о любви к жизни больше, чем к смыслу ее» [19; 266].

Вопрос об органичности концепта «жизнь» для Достоевского и всей русской культуры вызывал споры и в начале, и в конце XX века. В работе В. В. Вересаева «О Достоевском и Льве Толстом» (1910) первому из писателей автор отказывал в способности быть выразителем, так сказать, витального начала – в отличие от второго, о котором вскоре издаст книгу под названием «Художник жизни (О Льве Толстом)» (1921). Как известно, выражение «художник жизни» Вересаев заимствовал у самого Толстого, который когда-то применил его к Чехову.

Г. Д. Гачев однажды написал: «И еще не русск Достоевский в культе Жизни – как ради себя. В России просто жить – стыдно! А разве что ради идеи, цели» [2; 50]. В свою очередь, Дэвид Герберт Лоуренс говорил о победе нам авитализмом у Достоевского, Леонтьева, Розанова [12; 493], очевидно, имея в виду определенную обособленность этих писателей в России. При всем этом можно сказать, что своеобразная «философия жизни» существовала в русской литературе XIX века и играла в ней очень важную роль. Изучение этого феномена, на мой взгляд, нуждается в специальном исследовании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А р х а н г е л ь с к а я Р. В. Понятие жизни в философии немецкого романтизма: Дис. . . . канд. филос. наук. Екатеринбург, 2006. 159 с.
2. Г а ч е в Г. Д. Религия Достоевского // Литературоведческий журнал. 2002. № 16. С. 44–52.
3. (Г о г о л е в) Г е н н а д и й, а р х. Святитель Филарет (Дроздов) (1782–1867) как духовный писатель // Духовно-нравственные основы русской литературы: Сб. науч. ст.: В 2 ч. Ч. 1. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2007. С. 59–72.
4. Г о г о л ь Н. В. Собр. соч.: В 9 т. М.: Русская книга, 1994.
5. Д о с т о е в с к и й М. М. Жуковский и романтизм // Пантеон. СПб., 1852. Т. 3. Кн. 6. Отд. II. С. 21–43.
6. Д о с т о е в с к и й Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
7. Ж у к о в с к и й В. А. Эстетика и критика. М.: Искусство, 1985. 431 с.
8. К а р а м з и н Н. М. Полн. собр. стихотворений. М.; Л.: Сов. писатель, 1966. 424 с.
9. К о м а р о в и ч В. Л. Роман «Подросток» как художественное единство // Ф. М. Достоевский: Статьи и материалы. Л.; М.: Мысль, 1924. Сб. 2. С. 31–70.
10. К у н и л ь с к и й А. Е. О возникновении концепта «живая жизнь» у Достоевского // Вестник Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. Сер. «Филология». СПб., 2008. № 1 (9). С. 75–82.
11. Л и н и ц к и й П. И. Философские и социологические этюды. Киев: Тип. И. И. Горбунова, 1907. 236 с.
12. Л о у р е н с Д. Г. «Уединенное» В. В. Розанова // В. В. Розанов: pro et contra. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного ин-та, 1995. Кн. II. С. 490–494.
13. М и х а й л о в А. В. Обратный перевод. М.: Языки русской культуры, 2000. 848 с.
14. П и с а р е в Д. И. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. М.: Наука, 2005. Т. 9. 552 с.
15. П л а т и н с к и й С е р а ф и м, о. (Р о у з Е в г е н и й). Человек против Бога / Рос. отд. Валаамского об-ва Америки. М.: Т-во рос. изд., 1995. 93 с.
16. Р и к к е р т Г. Философия жизни: Изложение и критика модных течений философии нашего времени / Пер. с нем. Е. С. Берловича и И. Я. Колубовского. Пг.: Academia, 1922. 167 с.
17. Словарь языка Пушкина. Т. 1. А—Ж. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1956. 806 с.
18. С т р а х о в Н. Н. Литературная критика. М.: Современник, 1984. 431 с.
19. Т а р е е в М. М. Ф. М. Достоевский // Тареев М. М. Основы христианства. Изд. 2-е. Сергиев Посад: Тип. Св.-Тр. Сергиевой Лавры, 1908. Т. 4. 423 с.
20. Ч и р к о в Н. М. О стиле Достоевского. Проблематика, идеи, образы. М.: Наука, 1967. 303 с.
21. Ш в е й ц е р А. Культура и этика / Пер. с нем. Н. А. Захарченко и Г. В. Колшанского. М.: Прогресс, 1973. 343 с.
22. Ш у б а р т В. Европа и душа России / Пер. с нем. В. Васильева (Востокова). Изд. 3-е. Frankurt am Main: Посев, 1948. 125 с.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Май, № 3 **Филология** **2012**

УДК 821.161.1

ТАТЬЯНА ГЕОРГИЕВНА МАЛЬЧУКОВА
доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой классической филологии филологического факультета, Петрозаводский государственный университет
medeya@psu.karelia.ru

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОЧНИКАХ ПУШКИНСКИХ МОРСКИХ ОБРАЗОВ

В статье рассматриваются античные образы моря и корабля и особенности их переосмысления в поэзии А. С. Пушкина.

Ключевые слова: русская классическая литература, Пушкин, античная традиция

Для А. С. Пушкина, бесспорно, актуальна классическая поэтическая традиция, которая прослеживается и на тематическом, и на формальном уровнях. Стихотворение А. С. Пушкина «Осень», написанное в октябре 1833 года в Болдине, содержит хрестоматийно известное описание осенней русской природы и рождающегося в ней вдохновения поэта, а заканчивается вдруг великолепным образом корабля:

Так дремлет недвижим корабль в недвижной влаге,
Но чу! – матросы вдруг кидаются, ползут
Вверх, вниз – и паруса надулись, ветра полны;
Громада двинулась и рассекает волны.

Плывет. Куда ж нам плыть? ... [10; Т. 3; 321][1]

Этот корабль, неожиданно появляющийся среди лесных и степных пейзажей средней России, вызывает недоумение: «Откуда в степи корабль?» [8; 323].

С точки зрения формы образ корабля является развернутым, так называемым «гомеровским» сравнением. В русской поэзии – вслед за европейскими образцами – развернутые гомеровские сравнения используются не только в эпосе, но и в лирике, варьируя и заключая основную тему в контрастной концовке. Заключительную роль исполняет «гомеровское» сравнение в «Осени», отмечая таким образом лирическую композицию текста. С другой стороны, анализируемое пушкинское произведение не порывает связи и с эпической традицией. На эту связь, помимо строфической организации и открытого конца, указывают и повторяющиеся сравнения гомеровского типа, и, наконец, подзаголовок: «Отрывок». Подзаголовок, очевидно, представляет собой отсылку к поэме, по-видимому, описательного характера, типа «Времен года» Томсона. Эта отсылка, однако, – пушкинская мистификация. Можно не сомневаться в том, что поэт не предполагал писать большое произведение. Жанр описательной поэмы еще в 1820-е годы казался ему устаревшим. Но в 1830-е годы он находит новую точку зрения для, казалось бы, исчерпанной темы. В болдинском «Отрывке» времена года даны в субъективном восприятии, с подчеркнутым личным отношением: «Я не люблю весны... Суровою зимой я более доволен...», с нетрадиционным выдвижением на передний план и в заголовок (вместо обычной весны) *осени* – поры «прощальной красы», усыпления, успения природы и вместе с тем воскресения телесно-духовных сил поэта, пробуждения поэтического вдохновения.

Сознавая эпические истоки темы времен года, поэт, однако, в процессе работы над новым ее вариантом уходил от эпической полноты к лирической недоговоренности. Так в окончательном тексте были опущены характерные для эпической техники каталоги. Зачеркнута в рукописи строфа, содержащая перечень «гостей» воображения поэта – героев его поэзии, действительных и возможных, при этом последние связаны с традицией волшебно-романического эпоса:

Стальные рыцари, угрюмые султаны,
Монахи, карлики, арапские цари,
Гречанки с четками, корсары, богдыханы,
Испанцы в епанчах, жиды, богатыри,
Царевны пленные и злые великаны,
И вы, любимицы златой моей зари,
Вы, барышни мои, с открытыми плечами
С висками гладкими и томными очами!
[9; 425–426][2]

Последняя XII строфа «Осени» в черновом автографе содержала перечисление возможных направлений движения поэтического корабля:

Ура!.. куда же плыть?.. какие берега
Теперь мы посетим: Кавказ ли колоссальный,
Иль опаленные Молдавии луга,
Иль скалы дикие Шотландии печальной,
Или Нормандии блестящие снега,
Или Швейцарии ландшафт пирамидальный?

В первоначальных вариантах назывались и иные места Европы и даже Африки и Америки, привлекательные для полета поэтической фантазии:

© Мальчукова Т. Г., 2012

...Египет колоссальный
Иль тень Везувия и знойные луга –
Иль пред Элладою посетуем печальной –
иль яркие снега
Скупой Лапландии ....
..... к песчаным ли брегам...
Где дремлют вечные за Нилом пирамиды...
Иль ... к девственным лесам Флориды...
Младой Америки ...
(III, 934–935)

В окончательном тексте последняя строфа была сокращена до полустишия:

Плывет. Куда ж нам плыть?..

Лирический обрыв, обозначенный точками пропуск, умолчание, скрывая, знаменуют огромные просторы, безбрежность *океана* поэзии.

В поэзии Пушкина сравнение с кораблем связано с классической традицией не только формально и композиционно, но и тематически. Образ корабля в поэзии эллинов, испокон веков живших у моря и морем, – рыбаков и мореплавателей, воинов, колонистов, торговцев, порой и пиратов – естественно занимает важнейшее место. В «Илиаде» Гомера, хотя события ее и происходят на троянской равнине, и отчасти на Олимпе, образ корабля – один из самых частотных. Перечень ахейских отрядов и их вождей во второй песне «Илиады» показательно называется «καταlogος νεῶν». В этом «списке кораблей»[3] находим много повторяющихся, формульных выражений, характерных для устной эпической поэзии в самых различных этнокультурных традициях.

В гомеровском эпосе находим и развернутые на несколько стихов описания движения корабля по спокойному или бурному морю, его отправления и прибытия в гавань, действий моряков, ставящих или убирающих мачту, натягивающих паруса и т. п. Должно с уверенностью предполагать, что Пушкин при чтении перевода Гнедича не обошел своим вниманием этих изумительных живописных подробностей[4] описаний движения корабля. В памяти русского поэта этот образ был прочно связан с гомеровской темой. Пушкин прочел гнедичевский перевод, по мнению биографов, в первую болдинскую осень 1830 года [2; 513].

В 1833 году Пушкин предпринимает попытку перевода «Одиссеи» с греческого оригинала. Работа остановилась в самом начале – на подстрочном переводе первых 6 стихов (XVII, 89–90). По-видимому, поэт, увидев сложность гомеровского языка, не чувствовал себя в силах предпринять огромный труд перевода без ущерба для собственного творчества. О традиции гомеровских сравнений в анализируемом нами отрывке из поэмы, написанном в том же 1833 году, уже говорилось. В дополнение к сказанному заметим, что образ поэтического корабля в заключительном сравнении в «Осени» конкретной «географией плавания» тематически перекликается с конкретными географическими обозначениями в картине полета поэтической фантазии, заключающей послание к Гнедичу. Это побуждает нас присмотреться к образу сравнения в «Осени» в поисках возможных гомеровско-гнедичевских ассоциаций. Можно думать, что они сыграли некоторую роль в переоформлении творческой эволюции образа, если судить по истории текста в черновом автографе. В первых набросках фигурирует «челн» как сравнение с поэтической мыслью:

Как челны носятся по бурной влаге
Так мысли носятся – то станут – то плывут (III, 932).

Поэт, однако, сразу оставляет это множество «челнов»-«мыслей», обращаясь к масштабному единству. Образ корабля в первоначальных вариантах имел больше технических подробностей: «паруса», «мачта», «вервия» и несколько архаизированный стиль: «ветрила», «вкруг мачт», «пловцы… вервиях», «пловцы по вервиям» (III, 933). И первое, и второе, возможно, имело опору в гнедичевском перевыражении гомеровских образцов, хотя в целом пушкинский корабль – это не античная большая лодка, а большой парусник нового времени – «громада» со сложной системой оснастки и парусов. Слово «матросы», появившееся у Пушкина на конечном этапе работы над текстом на месте прежнего архаическо-поэтического «пловцы», указывает даже на современный русский корабль: в русском языке это слово голландского происхождения сравнительно новое, засвидетельствованное с конца XVII века [12; 515], но в широкое употребление вошедшее позднее.

Образ русского корабля и русского флота находим в написанном незадолго до «Осени» (по положению в тетради датируется в промежутке от 6 до 20 октября 1833 года (III, 1245)) незавершенном наброске поэта:

Чу, пушки грянули! крылатых кораблей
Покрылась облаком [станица боевая],
Корабль вбежал в Неву – и вот среди зыбей
Качаясь плавает, как [лебедь молодая].
[Ликует русский флот. Широкая Нева
Без ветра, в ясный день глубоко взволновалась,]
Широкая волна плеснула в острова... (III, 310)

Заметим здесь введенные в картину плавания метафорические эпитеты со значением полета: «крылатых кораблей» (в первоначальном варианте – «крылатая станица», сравнение «качаясь плавает... как птица» (III, 900–901)) и счастливо найденный, вместо общеродовой «птицы», об-

раз «лебеди», красивый, точный (лебедь – водоплавающая птица с длинной шеей, похожей на мачту, и белыми крыльями-парусами) и даже национально окрашенный: в отличие от лебедя-лебедей классической и романтической поэзии, «лебедь» (в женском роде) – образ, укорененный в русском фольклоре[5] и уже опробованный поэтом в «Сказке о царе Салтане». Между этим образом корабля и кораблем в «Осени» можно предполагать преемственную связь в общем моменте внезапности движения, подчеркнутом автоцитатой: «Чу, пушки грянули» (III, 310) и «Но чу! – матросы вдруг кидаются...» (III, 321). Но в целом конкретно-исторические и географические приметы первого текста («пушка», «станица боевая», «Нева», «русский флот») резко отличаются от нейтрально-поэтического колорита образа корабля в «Осени». Подобное оформление образа плывущей «громады» вполне сознательно (так, поэт убирает возглас: «Ура!» и слово «флаг» (III, 933)), ибо имеет в тексте пушкинского «Отрывка из поэмы» свои литературные ассоциации, а именно интертекстуальные связи с образом поэтического корабля в поэме «Неистовый Роланд» (XLVI, 1–8). Но поскольку образ Ариосто тоже восходит к классической традиции, имеющей своим истоком гомеровские корабли, для исторического исследования темы приходится вернуться к античной литературе.

В ней в послегомеровское время вместе с образом корабля утверждаются многочисленные метафорические его значения. Корабль в бурном море становится символом гражданского общества, государства в гражданской распре, как у Алкея (fr. 30): «Ἀσυννέτημι τῶν ἀνέμων στάσιν· τὸ μὲν γὰρ ἔνθεν κῦμα κυλίνδεται, τὸ δ᾽ ἔνθεν· ἄμμες δ᾽ ὂν τὸ μέσσον νᾶϊ φορήμεθα σὺν μελαίναι χείμωνι μόχθεντες μεγάλωι μάλα·»[6] – «Я не понимаю восстания ветров, волна катится то отсюда, то оттуда, мы же посреди носимся с черным кораблем, страдая от сильной бури». Или следующего Алкею Горация, который в оде (Carm. I, 14) уподобляет римское государство в борьбе Октавиана с Антонием и Клеопатрой кораблю в буре:

O navis, referent in mare te novi
fluctus. o quid agis? fortiter occupa
portum. nonne vides, ut
nudum remigio latus,

et malus celeri saucius Africo
antemnaeque gemant, ac sine funibus
vix durare carinae
possint imperiosius

aequor? non tibi sunt integra lintea,
non di, quos iterum pressa voces malo.
quamvis Pontica pinus,
silvae filia nobilis,

iactes et genus et nomen inutile:
nil pictis timidus navita puppibus
fidit. tu, nisi ventis
debes ludibrium, cave…[7]

Вот как – алкеевой строфой – перевел этот текст А. Семенов-Тян-Шанский:

К Республике

О корабль, вот опять в море несет тебя
Бурный вал. Удержись! В гавани якорь свой
Брось! Ужель ты не видишь,
Что твой борт потерял уже

Весла, – бурей твоя мачта надломлена,–
Снасти страшно трещат, – скрепы все сорваны,
И едва уже днище
Может выдержать грозную

Силу волн? Паруса – в клочья растерзаны;
Нет богов на корме, в бедах прибежища;
И борта расписные
Из соснового дерева,

Что в понтийских лесах, славное, срублено,
Не помогут пловцу, как ни гордишься ты.
Берегись! Ведь ты будешь
Только ветра игралищем[8].

Вторым метафорическим значением образа корабля в бурном море является уподобление его кормчему человека в смятении страстей. «Как мы теперь все боимся, видя его устрашенным, как кормчего корабля» – «Ὡς νῦν ὀκνοῦμεν πάντες ἐκπεπληγμένον κεῖνον βλέποντες ὡς κυβερνήτην νεώς» (Soph. Oedip. Rex, 922–923)[9] – говорит Иокаста об испуганном Эдипе. В эпиграмме Мелеагра (AP V, 156) плаванию уподобляется любовь к голубоглазой Асклепиаде:

Асклепиада глазами, подобными светлому морю,
Всех убеждает поплыть с нею по морю любви.
Ἁ φίλερος χαροποῖς Ἀσκληπιὰς οἷα γαλήνης
ὄμμασι συμπείθει πάντας ἐρωτοπλοεῖν[10].

В оде Горация «К Пирре» (Carm. I, V) поэт жалеет ее счастливого влюбленного, не видевшего еще прихотей возлюбленной, «не знающего обманчивого ветра» и «бурного моря, взрытого черными ветрами» – «nescius aurae fallacis» «et aspera nigris aequora ventis».

Третье значение символического корабля в античной литературе – это изображение поэтического творчества и метонимически – его плодов. Впервые это значение метафоры корабля встречаем у Аристофана в «Лягушках». Хор советует Эсхилу не отвечать Еврипиду бранью на брань, «но сдержав паруса, осторожно, постепенно вести корабль вперед, пока не получишь легкого, попутного ветра» – «ἀλλὰ συστείλας

ἄκροισι χρώμενος τοῖς ἱστίοις, εἶτα μᾶλλον ἄξεις καὶ φυλάξεις, ἡνίκ᾽ ἂν τὸ πνεῦμα λεῖον καὶ καθεστηκὸς λάβῃς» [13].

Подобную метафору дважды находим в поэме Вергилия «Георгики». Во второй книге поэт обращается к своему покровителю Меценату с просьбой сопутствовать его поэтическому труду «летя с парусами в открытом море» – «pelagoque volans dare vela potenti» (Georg. II, 41) [17]. А в четвертой книге, предчувствуя конец своего труда, пишет уже от своего имени: «И верно, если бы я не был в самом конце трудов, подбирал паруса, не спешил бы править корабль к земле, может быть, я бы воспел…» – «Atque equidem, extremo ni iam sub fine laborum vela traham et terris festinam advertere proram, forsitan et canerem…» (Georg. IV, 116–119). Наконец, и Овидий использует сходный морской образ при окончании поэмы «Remedia amoris» – «Лекарства от любви» (811–812):

«Я сделал свое дело. Увенчайте венками усталый корабль,
Мы достигли гавани, куда направляли свой путь» –
«Hoc opus exegi: fessae date serta carinae;
Contigimus portus, quo mihi cursus erat» [16].

Следуя античным авторам в изображении поэтических трудов как долгого плавания, Л. Ариосто в 46-й – заключительной – песне своего эпоса «Неистовый Роланд» изображает радостную встречу его поэтического корабля в пристани знатными итальянскими дамами и кавалерами, перечисляя около 100 их имен, кроме коллективных персонажей, в 130 строках 17 строф поэмы [1; 397–399].

Рядом с символом плавания корабля как изображения поэтического творчества появляется и обозначение его плодов как груза корабля. Это значение мы встречаем у Пушкина, хорошо знакомого с поэтикой античных авторов, как и с ее трансплантацией в новоевропейской литературе (в античности, в поэме Л. Ариосто «Неистовый Роланд»), в письме Н. И. Гнедичу, говорящему об искреннем ожидании его гомеровского перевода: «Когда Ваш корабль, нагруженный сокровищами Греции, входит в пристань при ожидании толпы, стыжусь Вам говорить о моей мелочной лавке…» (XIII, 145). Этот же образ присутствует и в черновой рукописи объявления об «Илиаде» в Литературной газете 1829 года: «Все благомыслящие люди чувствовали важность сего перевода и ожидали оного с нетер<пением>. Вы требуете сочинений моих, писал Н. И. Гнедичу П<ушкин>. В то время как ваш <корабль> входит в пристань, нагруженный богатствами Гомера [при громе наших приветствий], нечего говорить о моих мелочах на смерть Н.<аполеона> I» (XI, 359).

Можно сказать, что случаи применения морских метафор и сравнений как в древней, так и в новоевропейской литературе весьма многочисленны и многообразны. Не предполагая исчерпать в рамках статьи весь этот огромный материал, мы в дальнейшем изложении остановимся на отдельных примерах, показательных для развития различных метафорических значений этих образов у греческих и латинских авторов, их интерпретации в поэзии пушкинской эпохи.

В «Арионе» (1827 год) к подобной аллегории обращается Пушкин. Его источник – ода Горация (I, 14) вместе с легендарной биографией названного греческого певца будут сплавлены в единый аллегорический рассказ об участии поэта в освободительном движении, декабристском мятеже, о спасении героя чудом, по воле Божественного Провидения, о его верности идеалам свободы. При всей прозрачности аллегории в стихотворении имеется множество реальных деталей, точных подробностей и ярких морских пейзажей в бурную и ясную погоду:

АРИОН
Нас было много на челне;
Иные парус напрягали,
Другие дружно упирали
В глубь мощны веслы. В тишине
На руль склонясь, наш кормщик умный
В молчанье правил грузный челн;
А я – беспечной веры полн, –
Пловцам я пел... Вдруг лоно волн
Измял с налету вихорь шумный...
Погиб и кормщик и пловец! –
Лишь я, таинственный певец,
На берег выброшен грозою,
Я гимны прежние пою
И ризу влажную мою
Сушу на солнце под скалою [9; 15].

Здесь представляется случай сравнить интерпретацию латинского источника Пушкиным и Вяземским. Вяземский в стихотворении 1819 года «К кораблю» дает его распространенное переложение по классицистическому принципу «со склонением на наши нравы», перенося горацианские мотивы в обстоятельства иной национально-исторической действительности [4; 92]. Корабль у него – Российское государство, он «детище» сосны, но не «понтийской, знаменитой дочери леса», как у Горация, а

Потомок древних сосн, Петра рукою мощной
Во прах низверженных в степях, где Бельт полнощный,
Дивясь, зрел новый град, возникший средь чудес? [4; 92]

Буря, едва не приведшая российский корабль к гибели, – это война с Наполеоном. Автор, принимавший личное участие в народном ополчении и в Бородинской битве, изображает себя, однако, не участником, а сочувствующим зрите-

лем событий, решающих судьбу отечества, очевидно, по примеру Горация, и использует те же образы морской аллегории:

Грозой разбитый мачт конец твой предвещая;
Под блеском молний ты носился между скал...

Эти стихи явно перелагают мотивы латинского оригинала: «ventis ludibrium» – «игрушка ветрам», «malus celeri saucius Africo»[11], – «мачта, сломленная бурным ветром», «interfusa nitentis vites aequora Cycladas» – «избегай моря, разлитого между сияющими Кикладами»[12]. Сохраняется и горацианское обращение к кораблю, но содержание призыва изменено: римский поэт призывает отечество к миру – корабль должен вернуться в спокойную гавань, русский поэт призывает свое отечество идти по пути общественного прогресса, как его понимала либерально-масонская мысль того времени, – к новым берегам, «где благоденствуют торговля, мир, науки».

Принимая в целом основное правило классического искусства – обновление традиции, Пушкин, однако, свои творческие принципы формулирует несколько иначе: «Талант неволен, и его подражание не есть постыдное похищение – признак умственной скудости, но благородная надежда открыть новые миры, стремясь по следам гения, – или чувство, в смирении своем еще более возвышенное: желание изучить свой образец и дать ему вторичную жизнь» (XII, 82). Таким образом он поднимает, с одной стороны, значение точного перевода – воскрешения подлинника, а с другой стороны, на пути следования традиции более смелого ее преобразования – открытия «новых миров». Думается, что такое преображение источников и создание нового символико-мифологического сюжета мы можем увидеть в его стихотворении «Арион».

Пушкин, вероятно, знал переложение Вяземского[13]. Но в своей интерпретации морской аллегории он не следует Вяземскому, скорее отталкивается от него и от его латинского образца. Так он опускает традиционное описание корабля, гибнущего в море, скрыв его в умолчании, паузе, многоточии между началом бури и концом – кораблекрушением: «Вдруг лоно волн Измял с налету вихорь шумный... Погиб и кормщик, и пловец!» Но главное отличие от знаменитого образца морской аллегории состоит в том, что Пушкин, отправляясь от собственного жизненного опыта и вместе с тем как будто угадывая «сквозь латинские подражания»[14] греческий оригинал, изображает себя не зрителем гражданской бури, но ее участником: он не на берегу, как Гораций, а в море, на терпящем бедствие корабле, как Алкей. Усилен объективный драматизм ситуации, почему и отпадает нужда в субъективно-риторическом пафосе обращений, восклицаний, предостережений, призывов. Изменяется функция морских образов. Из художественного оформления *мысли поэта* об истории отечества – аллегории и национально-исторического ее применения – они становятся символически-событийным изображением *судьбы поэта* в жизненных бурях. В пушкинском повествовании отсутствуют какие-либо исторические и географические реалии. В отличие от Горация и Вяземского, он выводит изображаемое событие из исторического пространства и времени, помещая его в вечном мире природы. Тут бывшие условные элементы морской аллегории не только восстанавливают свою утрачиваемую предметность, но и приобретают субстанциональное значение космических стихий: море – вихрь – ветер – гроза – берег – земля – скала – горы – солнце. В этом доисторическом мире мифа события и судьбы предопределены свыше – непонятной, таинственной для человека волей Божества. Иначе – в исторической плоскости рациональной аллегории, где события совершаются людьми и о божественных силах либо не упоминается, как у Горация, либо, если упоминается, как у Вяземского, то не без иронической двусмысленности[15]. В исторической аллегории изображаемые события единичны и помещены – особенно явно у Вяземского – в линейном времени, необратимом в своем прогрессивном движении. В символическом рассказе Пушкина «Арион», напротив, – вечно актуальное время мифа, происходящего везде и всегда. Его героем будет и гомеровский Одиссей, спасшийся из кораблекрушения на остров Огигию, когда его спутники все погибли, наказанные богами за нечестие; и легендарный греческий певец, Арион, чудесно спасенный из моря дельфином; и сроднившиеся с морем и кораблем островитяне Архилох и Алкей, оба – поэты и воины, хранимые богами в войне с врагом и в гражданских распрях; и Феогнид, по воле богов уцелевший в политических междуусобиях; и Гораций, унесенный Гермесом из бури гражданской войны (см. оду «К Помпею Вару» (II, 7)). Его героем будет и сам Пушкин с его вольнолюбивой лирикой, убереженный Провидением от участия в декабристском мятеже. И, может быть, и все другие поэты и ораторы вплоть до нашего времени и далее, участвующие в гражданских бурях своего времени смелым, искренним словом и все же не уничтоженные противниками, а сохраненные Божественным попечением.

Так Пушкин, отправляясь от традиционной ситуативно-однозначной аллегории, «открывает новые миры»: создает характерный для нового времени субъективный миф (речь идет именно о личности, индивиде, и рассказ ведется от первого лица) с широким до безграничности спектром частных значений. Здесь вновь возникает вопрос об источниках, потому что в мифе Пушкина метафора бури не является единственной, но образует символический сюжет вместе с ме-

тафорой спасения. Если основой для первой является ода Горация «К Республике», возможно, вкупе с ее европейско-русскими подражаниями, то для второй пушкинский текст дает две отсылки. Первая – к легендарной биографии Ариона – заключена в заглавии. Вторая содержится в предпоследнем стихе: выражение «риза влажная» является переводом латинского словосочетания «uvida vestimenta» в оде Горация «К Пирре» (I, 5). Здесь поэт обращается к рыжеволосой красавице, изменчивой, как море, жалеет ее возлюбленного, который ей верит, не ожидая «бурного ветра перемен», как и других влюбленных, не знающих ее характера, и радуется тому, что он-то спасся от кораблекрушения в море любовных страстей, в знак спасения посвятив влажные одежды «богу моря могучему» – «potenti maris deo», о чем говорит обетная табличка на священной стене храма (см. [6]).

Морские метафоры в этом стихотворении Пушкина собирают воедино все аллегорические значения, сформировавшиеся на протяжении развития античной литературы. Образы моря, морской тишины и бури, ясной погоды, грозы, солнца, корабля, кормщика, пловцов и певца, исполняющих свое дело, кораблекрушение и гибель кормщика и пловцов, спасение Божественным провидением певца, который на берегу сушит свою «влажную ризу», могут быть прочитаны и в общем плане как аллегория жизни общества, государства (в духе оды Горация «O navis, referent in mare te novi» (Carm. I, 14)) и стихотворения Вяземского), и как иносказательное изображение истории декабристского движения и судьбы самого поэта. Полисемантичен образ влажной ризы: в нем присутствуют античные реминисценции обетного дара за спасение морскому божеству, сближаемому здесь с христианским Богом, и символический знак верности себе, своему дарованию, предназначению, вольнолюбивой своей поэзии:

Я гимны прежние пою
И ризу влажную мою
Сушу на солнце под скалою (III, 58).

В создании единого полисемантического поля определяющую роль играют два образа, знаменующие соответственно античную и христианскую культуру: Арион и Божественное провидение. Поэтому у истолкователей текста даже возникла дилемма: каковы же источники образности этого стихотворения Пушкина, античность или христианство? На наш взгляд, верный ответ дает не столько разделение, сколько соединение упомянутых огромных религиозно-культурных миров. Пушкин как европейский поэт, живо ощущая в современности актуальное присутствие и взаимопроникновение античной и христианской традиции, стремясь к максимальному обобщению, синтезировал – для своего символического рассказа о древности и новой России, об истории народа и интеллигенции, о судьбе поэта, об Арионе и о себе – транскультурное пространство, показав тем самым и единство, и преемственную связь античности и христианства в характерных приметах их литературной поэтики.

И действительно, христианство, соединившее древнееврейский монотеизм с греческой философией и литературой, активно использовало жанровые модели и классическую поэтику, в частности морские образы греко-римской поэзии в сравнительных функциях и в аллегорических значениях бурной человеческой жизни, божественного, земного или небесного спасения, истории народа и церкви (см. [7]). Эти образы с христианской и классической греческой окраской встречаем и в ряде других стихотворений Пушкина. Примером могут послужить несколько стихов из «Элегии» (1830):

Мой путь уныл. Сулит мне труд и горе
Грядущего волнуемое море.
Но не хочу, о други, умирать;
Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать,
И ведаю, мне будут наслажденья
Меж горестей, забот и треволненья… (III, 228)

Отметим здесь соединение античной и христианской концепции жизни в ценностной формуле. По Цицерону, «жить это мыслить» – «vivere est cogitare», согласно христианской антропологии, «страдать есть смертного удел». В «Элегии» Пушкина: «Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать». Подобное сочетание античных и христианских реминисценций наблюдаем и в морских образах стихотворения. «Грядущего волнуемое море» представляет авторскую модификацию классически-христианского сравнения жизни человека, народа, человечества с морем, чаще бурным, чем спокойным. В более традиционном виде это сравнение находим в монологе Пимена из «Бориса Годунова» (1825):

На старости я сызнова живу,
Минувшее проходит предо мною –
Дивно ль оно неслось событий полно,
Волнуяся, как море-окиян? (VII, 17)

В «Элегии» 1830 года христианский колорит образа усилен соответствующим контекстом: «Мой путь уныл, сулит мне труд и горе…» и главное – обращенностью в будущее: «грядущего волнуемое море», что предполагает линейное библейско-христианское понимание времени, в отличие от циклического времени античности. Модифицированным представлено в русском стихотворении и еще одно греческое понятие «τρικυμία». В греческом языке слово обозначает высшую степень морской бури, буквально – третью (самую сильную и опасную) волну, в нашем словоупотреблении – «девятый вал». Русское

«треволненье» (калька греческого «τρικυμία», известное в старославянских и русских текстах с 1059 года) [11; 97] в стихотворении Пушкина интериоризируется в значении «душевное волнение, беспокойство» – среди контекстуальных концептов: «меж горестей, забот и треволненья».

В нашем исследовании вопроса об источниках морских образов в поэзии Пушкина мы многократно убеждаемся, что их основой в форме сравнений, метафор и аллегорий является античная греко-латинская поэзия в отдельных случаях с дополнением их христианских модификаций. Античные источники имеет и пушкинский образ «корабля поэзии», засвидетельствованный на протяжении едва ли не всей истории греко-латинской литературы. Известные Пушкину произведения европейских поэтов обострили его интерес к античным источникам, отразившимся в многообразных модификациях образов моря и корабля в его поэзии.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Здесь и далее цитаты и ссылки, кроме специально оговоренных случаев, даются по изданию [10] с указанием в тексте тома римской цифрой и страницы – арабской.

[2] Доработанные, но зачеркнутые поэтом строфы здесь и далее цитируются по изданию [9].

[3] Интересно, что О. Э. Мандельштам в знаменитом стихотворении «Бессонница. Гомер. Тугие паруса...» и в первой, и во второй строке «Я список кораблей дочел до середины...» и далее, выделяет образы корабля и моря как характерные для гомеровской поэзии. Проникающий их пафос любви («На головах царей божественная пена. Когда бы не Елена, что Троя вам одна, ахейские мужи... И море, и Гомер все движется любовью») тоже имеет опору в классической традиции, мифологической (ср. образ Афродиты, рожденной морской пеной) и поэтической позднейших периодов.

[4] Отметим, в частности, красочность этого изображения: у Гомера заря розовая, буквально «розоперстая» – «ροδοδάκτυλος Ἠώς», паруса «белые» – «ἱστία λευκά», волна «пурпурная» – «κῦμα πορφύρεον», корабль «черный» – «νῆα… μέλαιναν» (I, 477, 480, 482, 485).

[5] Ср., к примеру, имя героини былины «Михайло Потык» – «Марья лебедь белая» [3; 323–353]; описание трудной задачи в былине «Сухмантий Одихмантьевич» – привезти «лебедь белую, белу лебедь живьем в руках, не ранену, не кровавлену»; в описании пира: «Да один на пиру сидит – не пьет, не ест, Он не пьет, не ест, да он не кушает, Еще белой-то лебедушки да все не рушает» [3; 239, 240].

[6] Текст Алкея цитируется по изданию Э. Диля [15]. Прозаический перевод здесь и далее авторский.

[7] Текст Горация цитируется по изданию [18].

[8] Перевод А. Семенова-Тян-Шанского цитируется по [5; 62].

[9] Текст Софокла цитируется по [19].

[10] Текст эпиграммы цитируется по [14].

[11] Africus – юго-западный ветер в аллегорической картине Горация – содержит указание на опасную для Рима – военную силу Антония и Клеопатры в Египте.

[12] Киклады – скалистые острова Эгейского моря.

[13] Стихотворение не было опубликовано, но, конечно, было известно знакомым и друзьям автора. 13 июня 1819 года Вяземский посылает его текст А. И. Тургеневу в Петербург. Пушкин приезжает в Петербург 14 августа и постоянно общается с Тургеневым вплоть до своей ссылки. Трудно представить себе, чтобы Тургенев не познакомил Пушкина с новым стихотворением Вяземского. Возможно, отсюда перешло к Пушкину слово «кормщик» (вместо более употребительного «кормчий»), впрочем, известное уже из «Ловца» Жуковского.

[14] Способность «угадать греческую поэзию сквозь латинские подражания и немецкие переводы» Пушкин сумел оценить в идиллиях Дельвига, очевидно, потому, что и сам обладал подобным «чутьем изящного» (см.: XI, 152).

[15] Вяземский к стиху «Незримым кормщиком ты (то есть корабль, аллегорически представляющий Россию. – *Т. М.*) призван к славной цели» делает следующее примечание: «Министры, которые государя не видят, подумают, что я о нем говорю; но тебе (А. И. Тургеневу. – *Т. М.*) скажу, что здесь разумею я Провидение» [4; 92].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ариосто. Неистовый Роланд. Прозаический перевод М. Л. Гаспарова. М.: Наука, 1995, 1993. Т. II. 546 с.
2. Благой Д. Д. Творческий путь Пушкина (1826–1830). М.: Советский писатель, 1967. 724 с.
3. Былины. М.: Советская Россия, 1988. 576 с.
4. Вяземский П. А. Сочинения. Т. 1. Стихотворения. М., 1982.
5. Квинт Гораций Флакк. Оды. Эподы. Сатиры. Послания. М.: Худож. лит., 1970. 480 с.
6. Мальчукова Т. Г. О горацианских реминисценциях в стихотворении А. С. Пушкина «Арион» // Horatiana: Межвуз. сборник. СПб., 1992. С. 198–210.
7. Миллер Т. А. Образы моря в письмах каппадокийцев и Иоанна Златоуста (Опыт сопоставительного анализа) // Античность и современность. К 80-летию Федора Александровича Петровского. М.: Наука, 1972. С. 360–369.
8. Непомнящий В. С. Поэзия и судьба. Статьи и заметки о Пушкине. М.: Советский писатель, 1983. 366 с.
9. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. 4-е изд. Л.: Наука, 1977–1979. Т. III.
10. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 19 т. М.: Воскресенье, 1994–1997. Т. III.
11. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М.: Прогресс, 1986–1987. Т. IV.
12. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского литературного языка. М., 1994. Т. 1.
13. Aristophanis Camoediae. Rec. F. W. Hall, W. M. Geldart. T. II. Oxonii. 1907. P. 140–141. V. 999–1004.
14. Anthologia graeca. Griechisch-Deutsch ed. Hermann Beckby. München, 1957.
15. Anthologia lyrica graeca. Ed. Ernestus Diehl. Vol. I. Lipsiae: In Aedibus B. G. Teubneri, 1925.
16. Ovid. The Art of love and other poems. With an english translation by G. H. Mozley. Revised by G. P. Goold. (Loeb Classical library). Harvard University Press. Cambridge, Massachusetts. London, England.
17. P. Vergili Maronis Opera cum appendice in usum scholarum, iterum recognovit O. Ribbeck. Lipsiae: in Aedibus B. G. Teubneri, MCMIII.
18. Q. Horati Flacci opera. Ed. Stephanus Borzsak. Leipzig. Bibliotheca Teubneriana, 1984.
19. Sophoclis Tragoediae. Ex recensione Guil. Dindarfii. Ed. sexta, quam curavit brevique adnotatione instruxit S. Mekler. Lipsiae: In aedibus B. G. Teubneri, MDCCCLXXXIX.

Май, № 3 **Филология** **2012**

УДК 398.21(470.11)(045)

АНАСТАСИЯ РУСЛАНОВНА ЧЕПИЛЬ
аспирант Института филологии и межкультурной коммуникации, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова (г. Архангельск)
chip29ru@mail.ru

НАТАЛЬЯ ВАСИЛЬЕВНА ДРАННИКОВА
доктор филологических наук, профессор Института филологии и межкультурной коммуникации, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова (г. Архангельск)
navad@atknet.ru

УСТНЫЕ РАССКАЗЫ О ВСТРЕЧЕ *РОЛЕВИКА* И *ЦИВИЛА*, БЫТУЮЩИЕ В СРЕДЕ РОЛЕВОГО ДВИЖЕНИЯ ГОРОДА АРХАНГЕЛЬСКА

Работа посвящена исследованию устной повествовательной традиции представителей субкультуры ролевого движения города Архангельска. Героями данных текстов являются типизированные персонажи – ролевик и обыватель. Исследуются дискурсивные особенности рассказов и их связь с жанрами традиционного фольклора.

Ключевые слова: субкультура, устные рассказы, повествовательная традиция, дискурсивный анализ, анекдот, бытовая сказка

Объектом исследования в нашей статье является фольклор ролевой субкультуры города Архангельска; предметом исследования – устные рассказы о столкновениях жителей города и представителей ролевого движения. Мы ставим перед собой следующие задачи: указать основные мотивы данных рассказов, исследовать их дискурсивные особенности и показать взаимодействие данных текстов с традиционными жанрами фольклора, в частности с бытовой сказкой и анекдотом. Источниковую базу работы составляют материалы, собранные во время полевых исследований в городе Архангельске. Для этого использовался метод включенного наблюдения за жизнью субкультуры, беседа по опроснику, а также интервью с представителями ролевого движения. Метод включенного наблюдения позволил зафиксировать устные тексты в естественной среде их бытования.

Нами были опрошены представители ролевого движения в возрасте от 17 до 31 года (большая часть информантов имела так называемый *игровой стаж*, то есть большой опыт участия в ролевых играх и других мероприятиях, связанных с жизнью субкультуры). В результате работы было собрано более 50 текстов с различными сюжетами, из которых 40 посвящены встрече *ролевика* (представителя ролевого движения) и *цивила* (человека, не причастного к ролевому сообществу), состоявшейся во время ролевой игры или иного мероприятия, организованного членами субкультуры.

О трансформации традиционных фольклорных жанров в современной культуре пишут С. Ю. Неклюдов [5], [6], И. С. Веселова [2], Н. В. Дранникова [1; 41–42]. Они говорят о фольклоре как о явлении непрерывном, пишут о том, что трансформация фольклорных жанров с течением времени и изменением социальной среды порождает новые формы, области существования и даже способ передачи фольклорных текстов, однако связь между источником и современным явлением остается [6; 3–7]. И. С. Веселова делает вывод: «В современном городе в модифицированном виде практикуются известные способы трансляции общего знания: ритуальные (индивидуальные и общественные), обрядовые, вербальные» [2].

Обратимся к распространенным в среде ролевого движения устным рассказам, называемым внутри субкультуры *игровыми анекдотами или байками*. Это небольшие по объему прозаические тексты, представляющие собой занимательные истории о представителях *ролевого движения* и передающие жизнь субкультуры. Тексты, имеющиеся в нашем распоряжении, соответствуют таким критериям фольклора, как вербальность, коллективность, анонимность, вариативность. В статье мы будем пользоваться следующими синонимичными терминами: устный рассказ, игровой анекдот, байка, история.

Основным событием в жизни ролевика является *игра*, в которой могут принимать участие более ста человек. Она происходит следующим образом: участники в заранее выбранной местности воспроизводят сюжет игры литературного произведения, фильма или исторического события. Игроки разбиваются на более мелкие группы: *города*, *команды* и т. п. Активное игровое время по правилам должно быть непрерывно, поэтому паузы заполняются бытовыми заботами и общением (многие участники путешествуют по полигону). Устные рассказы, бытующие на полигоне, получают широкое распространение, респонденты зачастую не могут указать пол или примерный возраст своих собеседников, и уста-

© Чепиль А. Р., Дранникова Н. В., 2012

новить первоисточник анекдота становится невозможно.

Обратимся к основным мотивам исследуемых нами текстов. Под мотивом мы вслед за А. Н. Веселовским будем понимать «простейшую повествовательную единицу», основным свойством которой является ее неразложимость [4; 495]. Мотив является составной частью сюжета, «его эмбриональной формой»; мотив «парадигматичен», и «семантическая структура мотива инвариантна по отношению к множеству своих текстовых реализаций» [7; 240, 245]. Исходя из такого понимания мотива и сюжета в устных рассказах, сюжетом которых является встреча *ролевика* и *цивила*, можно выделить следующие мотивы: «*ролевики* пугают *цивилов* (случайно или намеренно)» (№ 3, 5, 6, 7, 9, 10, 12, 14); «*ролевики* эпатируют окружающих людей необычным поведением (случайно или намеренно)» (№ 2, 4, 5, 7, 8, 10, 11, 12); в меньшей степени представлены игровые анекдоты с мотивом «*ролевик* получает помощь от *цивила*, который знаком с особенностями субкультуры *ролевиков*» (№ 1). В текстах первых двух типов *цивилы* предстают глупыми и недалекими людьми, которые пугаются ролевиков (залезают от страха на дерево, врезаются в ствол дерева, падают в грязь и т. п.), блуждают по полигону, задают неуместные вопросы и т. д. Данные тексты имеют интегрирующую функцию: с помощью этих рассказов неофит погружается в среду ролевого сообщества, в тексте освещаются реалии, понятные и доступные только членам группы, – истории способствуют развитию групповой идентичности. *Ролевик* в *байке* противопоставлен *цивилу* – рассказы обладают этнодифференцирующей функцией, которую мы называем функцией размежевания микрогрупп [1; 47].

Во время фиксации устных текстов мы уделяли внимание дискурсивному аспекту акта рассказывания, или ситуации общения, поведению слушателей и рассказчика. *Байки* рассказываются в *нештурмовое время*, вечером или ночью, однако специального времени для рассказывания нет: они исполняются тогда, когда есть слушатели. Типовая ситуация рассказывания – это общий костер, вокруг которого собираются игроки разного возраста и *игрового стажа*. Подразумевается, что все присутствующие должны быть настроены на восприятие рассказов, осуждаются посторонние разговоры. Однако в это время разрешаются бытовые занятия, такие как приготовление пищи, ремонт одежды и т. п. Поводом к исполнению *байки* может являться обмен впечатлениями между игроками о происходящих событиях, повествователь перед началом ее исполнения проводит некую аналогию между событиями, о которых пойдет речь, и обсуждаемой темой. Рассказывание байки направлено на поддержание общения внутри группы, истории обладают функцией установления и поддержания контакта в акте коммуникации [1; 57]. Уже известная история может быть рассказана: а) по просьбе какого-либо игрока (лично для него); б) для неофитов; в) для человека, только что присоединившегося к беседе, во время которой может исполняться несколько вариантов одного и того же сюжета. Сюжет обрастает новыми деталями, например, появляется диалог героев: «Ну, ты представь себе, идет нежить по полигону, а тут такой кусочек лакомый, они ему: “Ты кто?”, а он им: “Человек”» (№ 14); в текст включаются паремии. После знакомства с игровыми анекдотами неофит узнает скрытую иерархию сообщества и условный кодекс поведения ролевика, что позволяет говорить о том, что данные рассказы имеют дидактическую функцию.

Рассказ превращается в коллективное событие, регламентируемое внутренними правилами поведения игрового сообщества. Байка выделяется из коммуникативного акта самим рассказчиком с помощью вводных конструкций: «мне рассказывали» (№ 1, 2); «рассказывали» (№ 4, 8); «слышала, наверное» (№ 7); «я такую слышал историю» (№ 9) и т. п. Ее исполнение происходит как полилог, при этом каждый анекдот может быть дополнен другим собеседником. Рассказывание может происходить по очереди, и тексты в этом случае чаще всего объединены общей темой.

Исполнение байки требует выполнения определенных условий: в первую очередь наличия группы или хотя бы одного слушателя. Атмосфера беседы должна быть доверительно-уважительной, рассказчик должен иметь статус, позволяющий ему руководить беседой, среди слушателей должны находиться неофиты. Во время общения рассказчик активно использует возможности интонации, мимики, жестикуляции, имитирующие действия и эмоции персонажей.

Действующим лицом байки является *универсальный ролевик*, обладающий определенными чертами, выраженными в повторяющихся словесных формулах: *в прикиде*, *в полном игровом (прикиде)*, то есть в игровой одежде (№ 2, 3, 7, 9), в руках у него – *макет оружия*, на лице – *грим* (№ 3, 9, 10), он *грязный*, *небритый*, *неделю не мылся* и т. п. (№ 2, 3, 4, 11). Несмотря на то что в процессе игры участники соблюдают личную гигиену, для этих рассказов типичен образ грязного, неумытого и непричесанного героя-*ролевика*. Образ *цивила* типизирован, как и образ *ролевика*. Им чаще всего является мужчина средних лет (грибник, рыбак или охотник), сектанты в ритуальной одежде, компания отдыхающих молодых людей и т. п.

Образ *бусика* (неопытного ролевика) довольно аморфный и не наделен речевой стереотипией. Частые контакты между жителями поселков, находящихся поблизости от игровых зон, и *ро-*

левиками способствуют тому, что данные населенные пункты и их обитатели включаются в ролевую среду. Это отражается в использовании притяжательных форм местоимений *наши / наш* и *свои / свой* в их описании. Появляются тексты, *описывающие встречу бусика и* местного жителя, хорошо знающего жизнь субкультуры (№ 1). В роли *местного* чаще всего выступает пожилой человек, проживающий в близлежащем поселке или деревне.

Типовой сюжет имеет экспозицию (описание обстоятельств встречи героев и героя-*ролевика*), завязку (встреча героев), комическую кульминацию и развязку, которая подводит смысловой итог байки. Наряду с полными сюжетами часто встречаются редуцированные. В них возможно сокращение экспозиции и отсутствие развязки. Рассказы могут существовать в форме мемората или исполняться от третьего лица, со ссылкой на некий обобщенный источник, который невозможно указать. Необходимо отметить высокую вариативность подобных текстов. Например, в устном рассказе о встрече *ролевиков* и грибника, забравшегося от страха на дерево, *ролевики* были загримированы под разные фантастические существа: *орков* (№ 3), *нежить* (№ 14); мужчина сидел на дереве от *одного часа* (№ 3) до неопределенного количества времени: *сколько он там сидел не знаю, но смеркалось* (№ 14).

Во время рассказа *байки* большое значение имеет актерская игра исполнителя, что сближает ее с традиционным анекдотом. Анекдот должен рассказываться (не читаться!), тогда его комизм проявляется гораздо ярче [11; 26]. Байка, как и анекдот, рассчитана на слушателя, подготовленного к ее восприятию. Внимание повествователя должно быть сконцентрировано на процессе рассказывания, а внимание слушателей – на повествователе. Рассказчик интонационно выделяет определенные эпизоды: описание внешности *ролевика*, передача эмоций *ролевика* и *цивила*. Интенция байки состоит в том, что слушатель должен проникнуться атмосферой байки, ее сюжетом. Композиция анализируемых текстов включает в себя инициальные и финальные формулы достоверности (*я слышал*, *мне рассказывали*, *говорят, это было на*...).

Комический эффект байки возникает из-за столкновения двух персонажей – *ролевика* и *цивила*, каждый из которых действует согласно логике своего сообщества. Умение *ролевика* переключаться с общекультурного кода на код субкультуры и рождает абсурд, создающий комический эффект. Логика абсурда является смыслообразующим фактором в традиционных анекдотах. Персонажи анекдотов, как отмечает В. В. Химик, «носят прецедентный характер, то есть являются известными, узнаваемыми фигурами-пародиями национальной культуры либо мифологизированными этническими типажами». В анекдоте реализуются стереотипы поведения и восприятия, комический эффект создается за счет нарушения этих стереотипов [11; 25]. Отличие ролевого анекдота от традиционного состоит в том, что он рассчитан на более узкий круг слушателей: понять и оценить его комизм может только член *ролевого сообщества*.

Ролевой анекдот, как и бытовая сказка, имеет развлекательную функцию. Ю. И. Юдин отмечает, что герой бытовой сказки представляется особой фигурой, он «*дурак* или *шут*», являющийся носителем смехового начала, «субъект и объект смеха в бытовой сказке» [12; 203]. Поведение *ролевика* в байке сходно с поведением *дурака* в бытовой сказке: его восприятие мира искажено. *Дурак* делает все иначе, чем обычный человек: орехи колет ножом; кисель берет горстями; блины облупливает, как яйца; полушубок мажет маслом; овцу вешает на вешалку (СУС 1696 В). Дурак часто не может найти словесного контакта с другим человеком (СУС 1698 АА 2008*) – речь *ролевика* также непонятна *цивилам* (№ 2, 3, 5, 7, 8, 10, 13, 14). Так, *ролевик* называет автомобиль или поезд *драконом* (№ 8, 13), гитару – *лютней*, мобильный телефон – *магическим камнем*. Мир сказочного простака и глупца не соответствует реальному: он принимает бочку с маслом за смерть (СУС 1314), большое дерево – за змею (СУС 1315), мельницу – за церковь (СУС 1322) и т. п. На появление *дракона* или *змея*, поезда или автомобиля и т. п. *ролевик* реагирует, как и положено в сказочном мире: он пугается их или пытается с ними сразиться (№ 5, 8). Он ведет себя неадекватно: удивляется в магазине вентилятору, сражается с автомобилем (№ 8, 13). В качестве *шута* он выступает, когда находится в своей среде (в процессе ролевой игры), где *глупцом* и *дураком* выступает *цивил*. К *ролевику* можно отнести слова Ю. И. Юдина, сказанные им о *дураке* и *шуте*: «Он не знает самых обычных вещей и поставлен как бы вне жизни» [12; 203].

Подведем некоторые итоги. *Ролевик* представляется нам тем же фольклорным типом, что и дурак из бытовой сказки (СУС 1200–1349). *Ролевик*, как и герой сказки, поставлен вне общества, его поведение, одежда и логика отторгаются обществом и высмеиваются им.

Можно говорить о связи байки с известными нам жанрами традиционного фольклора – бытовой сказкой и анекдотом. Герой игровых анекдотов – фольклорный тип, во многом заимствованный из бытовой сказки, но трансформировавшийся под влиянием изменившейся культуры, адаптированный согласно требованиям закрытой социальной группы. Герой ролевой байки для представителей субкультуры одновременно и прецедентная фигура, высмеивающая обывателя-*цивила*, и *дурак*, стоящий вне общества. Мы можем наблюдать созданную

в ролевых байках пародию на образ жизни своей группы, которая *непосвященному* будет казаться действительностью. Сюжеты об этих персонажах способствуют формированию и поддержанию групповой идентичности ролевой субкультуры. Игровые анекдоты учат новичков правилам поведения и требованиям, существующим внутри группы.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Игровые анекдоты и байки, использующиеся в статье

1. Мне рассказывали про нелепого *бусика*, который на полигоне заблудился. Блуждал, блуждал по лесу, пока бабульку местную не встретил. Он ей, значит, объясняет: «Бабушка, Вы не знаете, где тут такие ребята с мечами в доспехах живут, ну понимаете, они тут в палатках…» Бабулька говорит: «*Ролевики*, что ли, дак давай провожу, тебе в какой лагерь надо?» И довела его прямо до нужного лагеря. Местные вообще хорошо полигон знают.

2. Когда народ с игры едет домой или просто в магазин, – людям бесплатное развлечение. Мне рассказывали, что на какой-то игре ролевые *дедушки* (игроки, обладающие большим опытом игр) в магазин зашли, как есть в прикиде, небритые, грязные, неделю не мылись, волосы торчком во все стороны, ну живописные такие фигуры. Зашли, увидели телевизор, встали и смотрят на него минут пятнадцать. А потом один другого в бок толкает и мечтательно так протягивает: «Цивилизация…» А продавщицы молоденькие, неопытные в таких делах, тоже стоят и на них смотрят. Картина маслом, в общем…

Анастасия (№ 2)

3. Мне подруга рассказала такую историю, она ее от кого-то слышала: идут по лесу *орки** в полном игровом – лица зеленые, в руках мечи, орут. А навстречу им – мужик какой-то, ну в камуфляже, небритый. *Орки* и подумали, что он тоже играет. Побежали к нему, а он от них на дерево влез. Сидит мужик на дереве, а *орки* вокруг дерева внизу стоят и спрашивают: «Ты кто?» Он им отвечает, я, мол, человек. А они ему: «Ну все, человек, убивать будем, слезай!» А он час или два не слезал, пока *мастера*** не пришли и не прогнали *орков* и мужику не объяснили все.

* фантастическая раса.

** организаторы *ролевой игры*, которые также следят за порядком игрового процесса.

4. Рассказывали, как *ролевики* в магазин пришли после игры, грязные, голодные, а в магазине еда лежит, колбаска, сыр, мороженое… Они встали и смотрят, глаз не могут отвести. А люди на них смотрят, тоже глаз не отводят… Видимо, решили, что психов распустили из больницы…

5. Самоходные повозки, это да! Это когда после игры автомобиль видят, постоянно так орут, пугают народ.

6. А еще народ детей как-то напугал, подходят к ним такие черные мохнатые, а дети от них убегают.

Александра Типаева (№ 16)

7. Слышала, наверное, про *ролевиков*, которых все время за сатанистов принимают. Мне рассказывали, что одна бабулька в лес приехала и напоролась на отряд в доспехе, с мечами, со стягом, на котором эмблема была отряда – зверь какой-то. Ну, она и давай кричать: «Сатанисты, сатане поклоняетесь», – они ей объясняли, объясняли, а она все равно орет, испугалась и слушать не стала, бегом почти убежала.

8. Рассказывали, как народ с игры в поезде ехал – девчонки, которые кикимор отыгрывали, прямо в балахонах ехали, с водорослями и зелеными волосами. Ходили по поезду, прикалывались, а грибники с кузовками и бабки пальцами тыкали в них. Да и вообще народ весь пыльный, грязный, куча *снаряги** с собой, и орут: «Мы в брюхе железного дракона!», – а *цивилы* не понимают, пальцами у виска вертят.

* то есть игрового снаряжения, в которое входит одежда, макеты оружия, аксессуары и проч.

Евгений Кожин (№ 9)

9. Я такую слышал историю. Была игра, *историчка**, и там какой-то орден, вроде тевтонцы или еще кто, по лесу шли. В полном доспехе кованом, мечи там и все такое. Выходят на поляну из ку-

стов, а там стоит народ в черных балахонах и типа сатане молятся. Ну, наши подумали, что это тоже играют, типа сектантов изображают. Ну, они и выбежали с криками: «Святая инквизиция! Смерть еретикам!» Ну а эти давай бежать, двое бежали – один запнулся, другой в дерево врезался, остальные просто в обмороке легли. Оказалось, это реальные сатанисты были…
* *ролевая игра*, посвященная историческому событию.

10. Нас-то уже не боятся, раньше, говорят, приезжие от кустов шарахались, думали, что по лесу сумасшедшие бегают или черти, я вот тоже себя в зеркале увидел бы в гриме, тоже бы подумал: адский демон, да еще *в игровом** своем, не то что цивилы, а сейчас ходят, снимают.
* то есть в одежде для ролевой игры, в гриме или доспехах.

Александр (№ 5)

11. В магазин приходят *ролевики*, грязные, немытые, волосы сальные, борода отрастать начала, лица черные. Стоят в очереди… А в магазине все белое-белое, вентилятор работает, продавщицы чистенькие, люди пахнут нормально. Стоят они и думают: «Вот это жизнь!..»

12. Мы постоянно местных пугаем, рассказывали, что даже кого-то на дерево загнали, рассказывали, что сатанистов по лесу гоняли, много историй ходит. Просто приезжают в лес часто всякие люди, мешают игре, ничего не понимают, вот и получаются всякие истории.

13. А когда автомобиль заехал на полигон, его атаковать пытались, орать стали: «Дракон! Дракон! Самоходная повозка!»

Антон (№ 4)

14. Про мужика на дереве могу рассказать, слышал такой, его *нежить** на полигоне загнала на дерево и съесть пообещала, ага, сколько он там просидел не знаю, но смеркалось, а *нежить* его покараулила, да и ушла. *Мастера* потом сняли. Ну, ты представь себе, идет нежить по полигону, а тут такой кусочек лакомый, они ему: «Ты кто?», – а он им: «Человек». А все знают поговорку «Человек, один *хит**, верь мне», так и загнали.
* фантастическая раса.
** количество *хитов* – условное обозначение количества урона, которое необходимо нанести игроку, для того чтобы он считался убитым; *один хит* – минимальное возможное количество для игрока, такой игрок наиболее уязвим.

Антон (№ 3)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дранникова Н. В. Локально-групповые прозвища в традиционной культуре Русского Севера. Функциональность, жанровая система, этнопоэтика. Архангельск: Поморский университет, 2004. 431 с.
2. Веселова И. С. Жанры современного городского фольклора: повествовательная традиция: Автореф. дисс. … канд. филол. наук. М., 2000.
3. Веселова И. С. Прагматика устного рассказа // Современный городской фольклор. М.: РГГУ, 2007. С. 534–543.
4. Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Л.: Худож. лит., 1940. 648 с.
5. Неклюдов С. Ю. После фольклора // Живая старина. 1995. № 1. С. 2–4.
6. Неклюдов С. Ю. Фольклор: типологический и коммуникативный аспекты // Традиционная культура. 2002. № 3. С. 3–7.
7. Неклюдов С. Ю. Мотив и текст // Язык культуры: семантика и грамматика. К 80-летию со дня рождения академика Никиты Ильича Толстого (1923–1996) / Отв. ред. С. М. Толстая. М.: Индрик, 2004. С. 236–247.
8. Мелетинский Е. М. Сказка-анекдот в системе фольклорных жанров // Историческая поэтика новеллы. М.: Наука, 1990. С. 8–28.
9. Разумова И. А. О междисциплинарном подходе в изучении и собирании устных нарративов // Комплексное собирание, систематика, экспериментальная текстология. Вып. 2: Материалы VI Междунар. школы молодого фольклориста (Архангельск, 22–24 ноября 2003 г.) / Отв. ред. В. М. Гацак, Н. В. Дранникова. Архангельск, 2004. С. 19.
10. Разумова И. А. Несказочная проза провинциального города // Современный городской фольклор. М.: РГГУ, 2007. С. 544–559.
11. Химик В. В. Анекдот как уникальное явление русской речевой культуры // Анекдот как феномен культуры. Материалы круглого стола 16 ноября 2002 г. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. С. 17–31.
12. Юдин Ю. И. Дурак, шут, вор и черт. Исторические корни бытовой сказки. М.: Лабиринт, 2006. 336 с.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Май, № 3 **Филология** **2012**

УДК 821.161.1.09″18″

ИРИНА СВЯТОСЛАВОВНА АНДРИАНОВА
заведующий Web-лабораторией филологического факультета,
Петрозаводский государственный университет
yarysheva@yandex.ru

ДНЕВНИК А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ: ТВОРЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ И ПРОБЛЕМА ЖАНРА

В статье рассматривается творческая история и проблема жанра дневника А. Г. Достоевской, созданного в 1867 году.

Ключевые слова: мемуарная литература, стенографический семейно-бытовой дневник, причины создания, особенности жанра, образы автора и главного героя

Критическая мысль вплотную подошла к осмыслению личного дневника как литературного жанра во 2-й половине XX столетия. До этого времени дневниковые тексты воспринимались как вспомогательные материалы для научных исследований в области литературы, истории и других общественных наук. Начиная с 1950-х годов исследователи заговорили о необходимости изучать дневники с художественной точки зрения, о важности автономного исследования творческих дневников писателей, о поэтике дневникового текста (см., например: [11], [14], [18]), обсуждаются проблемы жанровой формы, структуры дневникового текста, его соотношения с художественной прозой и документалистикой. Так, Л. Я. Гинзбург считала дневник промежуточным жанром [2], А. Г. Тартаковский рассматривал дневниковую литературу как жанр мемуарной прозы [15], [16], В. Д. Оскоцкий заявлял о мемориальном характере дневника [13], Б. Хазанов определяет дневник как «литературный жанр, который представляет собой протест против литературы с ее жанрами и приемами» [17]; Л. М. Гапека и А. В. Лашкевич относят дневник к сублитературе [1], а М. Ю. Михеев называет его «пред-текстом», «перво-текстом», «обыденной литературой» [12]. Комплексное исследование дневникового жанра как литературного явления представил О. Г. Егоров [7], [8]. Он рассмотрел метод, стиль, типологию, жанровое содержание, систему образов в дневниках разных авторов, в том числе и нелитераторов. Исследователь подчеркнул универсальность дневникового жанра: «Дневник служит показателем литературной образованности, но последнее качество не является определяющим при создании дневника» [8; 15].

Признанием дневника литературным жанром стала публикация избранных дневников в серии «Литературные памятники». В числе их в 1993 году вышел дневник А. Г. Достоевской [5].

Анна Григорьевна Достоевская (1846–1918) – жена писателя Ф. М. Достоевского и незаменимая помощница в его творческой работе: стенографистка, переписчица, первая слушательница и первый критик, личный секретарь, корректор и издательница сочинений. Она не была профессиональным литератором. Появление произведений, написанных рукой жены Достоевского, стало своеобразным итогом духовного общения с одним из самых значительных и известных в мире русских писателей и мыслителей.

Наиболее ценную часть творческого наследия Достоевской составляют произведения мемуарного жанра – дневник и воспоминания. За дневником, характеризующимся синхронной системой отражения действительности, признается бóльшая фактическая достоверность, документальность. С. В. Житомирская называет ежедневные записи жизненных событий, мыслей, чувств и впечатлений 20-летней девушки «контрольным источником», посредством которого можно проводить критический анализ продуманных воспоминаний 70-летней вдовы писателя [9; 395]. Впрочем, подобный односторонний взгляд игнорирует литературное значение дневника Достоевской, результатом чего является отсутствие работ, посвященных поэтике ее дневникового текста.

14 апреля 1867 года, через два месяца после свадьбы, супруги Достоевские отправляются в Европу с целью наладить семейные отношения, избежать кредиторов и тем самым создать благоприятные условия для написания нового романа. Дневник Анны Григорьевны – это ее записи о семейной и творческой жизни супругов Достоевских в Европе в 1867–1868 годах. Документ 20-летней девушки не задумывался изначально как литературное произведение, рассчитанное на публикацию и гласность. Его интимный, засекреченный от окружающих характер подтверждает форма ведения – стенографические записи. Не знал о содержании дневника даже Ф. М. Достоевский: «Дорого бы я дал, чтоб узнать, Анечка, что ты такое пишешь своими крючочками» [3; 156]. Одна часть стенографического дневника была расшифрована самой Достоевской в 1890-х годах, другая – ленинградской стенографисткой Ц. М. Пошеманской в 1950–70-х годах.

В воспоминаниях жены писателя указаны причины возникновения дневника: необходи-

© Андрианова И. С., 2012

мость фиксировать для памяти впечатления от заграничной жизни, практика в стенографии с целью усовершенствования навыков скорописи, желание лучше узнать мужа записыванием его мыслей и замечаний. Была и психологическая причина ведения дневника, характерная для юных авторов и обусловленная возрастным процессом самоосуществления личности, или индивидуации (термин К. Юнга). Дневник для молодой жены Достоевского стал хранителем событий нового этапа психологического развития, вызванного освобождением от родительского влияния и первыми сложностями супружеской жизни: «…дневник был другом, которому я поверяла все мои мысли, надежды и опасения» [3; 156].

В черновых набросках воспоминаний Достоевская указывает еще одну причину ведения подробных дневниковых записей. 20-летняя девушка дает обещание матери по приезду поделиться впечатлениями от жизни в Европе: «…я тут же на станции купила записную книжку и со следующего дня принялась записывать стенографически все, что меня интересовало и занимало» [4; 307–307 об.]. Подобная причина является самой типичной из тех, по которым возникали юношеские дневники XIX века. Родители часто рекомендовали процедуру ведения дневника детям, так как, по их понятиям, «молодой человек пишет хронику своей внутренней жизни и социального поведения и на ее основе корректирует свои мысли и поступки» [8; 22].

Структурообразующим элементом дневникового жанра являются пространственные и временные рамки. Дневник XIX века выработал три классические разновидности пространственно-временной организации текста, которые были сформулированы О. Г. Егоровым как локальный (субъект повествования является участником или очевидцем описываемых событий), континуальный (в сферу повествования включаются события, свидетелем которых автор не мог быть в силу их пространственной удаленности) и психологический хронотопы (событиями являются факты душевной жизни повествователя, непосредственно не связанные с миром физических или общественных явлений) [7; 6].

В основании дневника А. Г. Достоевской лежит оригинальная смешанная форма хронотопа. Впервые в записи от 30 августа / 11 сентября 1867 года (в день своего рождения) А. Г. Достоевская вводит воспоминания о событиях, происходивших с ней в этот день в прошлом – в 1866, 1865 и 1861 годах [5; 186]. Обозначив записи пережитого «воспоминаниями» и имея намерение переписать их отдельно от дневникового текста, Анна Григорьевна выступает как человек, осведомленный в теоретических вопросах историко-литературного порядка. С 6 октября в дневниковых записях Достоевской за 1867 год параллельно появляются воспоминания о событиях, бывших с ней год назад в тот же день: знакомство с писателем, работа с ним над романом «Игрок», первое время жениховства. Локальная форма хронотопа, превалировавшая ранее, теперь окончательно вытесняется смешанной: время идет в двух параллельных измерениях, обладающих самостоятельной ценностью, – в настоящем и прошлом. Осознание своего взросления и безрадостное настоящее, обусловленное тяжелым материальным положением Достоевских («думаю я, вот еще бы день, да только поскорей, пока какие-нибудь денежки придут, и мы не станем так сильно нуждаться» [5; 315]), рождают воспоминания о счастливом прошлом: «…дай Бог всякому быть таким счастливым, как я была в это время» [5; 372].

С предназначением дневника Анны Григорьевны тесно связано его жанровое содержание. Достоевский считал, что жена ведет путевой дневник: «Анна Григорьевна… куда ни приедет, тотчас же все осматривает и описывает...» [6; 223]. Однако он не является таковым. Описание европейских достопримечательностей находится в нем на отдаленном плане и встречается преимущественно вначале: до 18 апреля, когда впечатления от архитектуры городов сменяются рассказом о первой ссоре с мужем. Это признает и автор дневника: «Сначала я записывала только мои дорожные впечатления… Но мало-помалу мне захотелось вписывать все, что так интересовало и пленяло меня в моем дорогом муже...» [4; 307 об.–308].

Дневник Достоевской – семейно-бытовой по жанровому содержанию. Характерной особенностью таких дневников является уравнивание их авторами рядовых происшествий с более значительными событиями жизни. В дневнике Достоевской культурный и домашний быт неразделимы. Она подробно и последовательно описывает свой день – с момента пробуждения («Я встала сегодня довольно рано, чтобы идти на почту, а потом в церковь» [5; 53]) до приготовления ко сну («Я тотчас же легла в постель, боясь поздно проснуться» – запись от 14/26 мая [5; 56]). Дневник наполнен многочисленными деталями, которые зримо воссоздают семейный быт, – от хозяйственных мелочей до супружеских ссор и примирений. Как точно заметил О. Г. Егоров, «предметный мир приобретает в дневнике особую значимость в силу неустойчивости (материального. – *И. А.*) положения Достоевских. Он поглощает значительную часть дня и часто оттесняет на второй план сферу общения и духовной жизни [8; 150].

Сфера общения и духовной жизни Достоевских представлена в дневнике совместным творческим процессом (он – писатель, она – стенографистка), посещением музеев, библиотек и картинных галерей. Одним из видов семейного досуга Достоевских является сочинительство шуточных стихов и пародий. В конце дневни-

ка записаны (частично стенографически) шесть поэтических шуток, сочиненных вместе с мужем. В двух из них (назидательно-дидактической басне «Дым и Комок» и комической пьесе «Абракадабра») высмеиваются мещанские нравы. Остальные − стихотворные импровизации на бытовые темы, в которых авторы подтрунивают над молодой женой («Я просил жену о мыле...», «Вся в слезах негодованья…») и иронизируют над денежными неудачами мужа и тягой к рулетке («Два года мы бедно живем...», «Есть ли у тебя, брат, совесть?») [5; 387−388]. Домашнее сочинительство шуточных стихов стало своего рода литературной школой, в которой писатель исподволь, в традициях совмещения приятного с полезным формировал вкусы молодой жены.

Главным образом дневника выступает Ф. М. Достоевский – «Федя», «Федичка». Он строится путем последовательного прибавления черт характера, жизненных обстоятельств, поступков, с каждым разом раскрываясь полнее, обогащаясь, усложняясь. Достоевская создает целостный диалектический образ, в котором сочетаются ее отношение к Достоевскому и реальные свойства его характера: «…бывало, он так страшно кричит, что я просто иногда страшилась за свою будущую жизнь» (3/15 июня) [5; 85]; «Федя даже смеялся, лежа в постели, и дразнил меня, по обыкновению. Милый Федя, какой он славный и как меня любит» (25 июля / 6 августа) [5; 185]. Нервный, вспыльчивый, брюзжащий, непредсказуемый в поступках, не приспособленный к быту, талантливый, заботливый, любящий – таким предстает писатель в дневнике жены, его образ проходит эволюцию вместе с тем, как он становится ближе и понятнее ей.

Образ автора, присутствующий в каждой записи, раскрывается и через семейные, социальные отношения, и через строй эмоций и чувств, и через самохарактеристики: «Я не знаю, в каком это я состоянии, но чтобы вывести меня из терпения, нужно очень немного» [5; 161]; «Я целый день сегодня ужасная шутиха, смеялась, не зная чему, так что даже досада берет» [5; 108]. Не случайно слова «смеяться», «смех», «смешно» чаще других используются автором дневника: с трудностями заграничного периода жизни Достоевской помогают справиться чувство юмора, самоирония, способность весело взглянуть на сложные жизненные обстоятельства.

Достоевские прожили за границей четыре года – с 1867-го по 1871-й. Сохранившийся до настоящего времени дневник жены писателя охватывает период жизни молодоженов с 14/26 апреля до 10/22 декабря 1867 года. Хронологические рамки его ведения заканчиваются февралем – мартом 1868 года. Дневник помог Достоевской преодолеть стадию психологической индивидуации и в дальнейшем не велся. В Россию она вернулась с совершенно новыми взглядами и жизненным опытом: из кроткой, наивной, неуверенной в себе, временами истеричной девочки превратилась в решительную, практичную, духовно развитую, мудрую и понимающую жену, умевшую оградить мужа от угнетавших его житейских забот.

Дневник А. Г. Достоевской, откровенный, богатый подробностями жизни и работы супругов Достоевских в 1867 году, создает яркие образы и самого автора, и главного героя – Ф. М. Достоевского. Этот памятник русской словесности XIX века уникален. Он принадлежит к числу тех открытий жанра, которые дают повод усомниться в справедливости «приговора», вынесенного многими критиками дневнику как вспомогательному, второстепенному жанру литературы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гапека Л. М., Лашкевич А. В. Личный дневник как жанр суб-литературы: проблема структуры и функции «diary» в контексте межкультурной коммуникации // Синтез документального и художественного в литературе и искусстве: Сборник статей и материалов Междунар. науч. конф. (3–6 мая 2006 г.). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2007. С. 391−396.
2. Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. Л.: Худож. лит., 1977. 444 с.
3. Достоевская А. Г. Воспоминания. СПб.: Азбука, 2011. 480 с.
4. Достоевская А. Г. Воспоминания. Беловые автографы отдельных глав // РГАЛИ. 212.1.147. 316 л.
5. Достоевская А. Г. Дневник 1867 года. М.: Наука, 1993. 452 с.
6. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1985. Т. 28. 616 с.
7. Егоров О. Г. Дневники русских писателей XIX века: исследование. М.: Флинта, 2002. 287 с.
8. Егоров О. Г. Русский литературный дневник XIX века. История и теория жанра: исследование. М.: Флинта, 2003. 279 с.
9. Житомирская С. В. Расшифрованный дневник А. Г. Достоевской // Литературное наследство: Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования. М.: Наука, 1973. Т. 86. С. 155−166.
10. Житомирская С. В. Дневник А. Г. Достоевской как историко-литературный источник // Достоевская А. Г. Дневник 1867 года. М.: Наука, 1993. С. 391−422.
11. Кулакова И. И. Мемуарно-автобиографическая проза А. В. Никитенко. Белгород: Политерра, 2005. 233 с.
12. Михеев М. Ю. Дневник в России XIX–XX века – эго-текст, или пред-текст. М., 2006 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.srcc.msu.su/uni-persona/site/research/miheev/kniga.htm
13. Оскоцкий В. Д. Дневник как правда // Вопросы литературы. 1993. № 5. С. 3−58.
14. Розенблюм Л. М. Творческие дневники Достоевского. М.: Наука, 1981. 368 с.
15. Тартаковский А. Г. 1812 год и русская мемуаристика. М.: Наука, 1980. 312 с.
16. Тартаковский А. Г. Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в.: От рукописи к книге. М.: Наука, 1991. 288 с.
17. Хазанов Б. Дневник сочинителя // Октябрь. 1999. № 1 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://magazines.russ.ru/october/1999/1/hasanov.html
18. Эйхенбаум Б. М. С. П. Жихарев и его дневники // Жихарев С. П. Записки современника. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 638−661.

Май, № 3 **Философия** **2012**

УДК 1

ОЛЕГ СЕРГЕЕВИЧ БОРИСОВ
доктор философских наук, доцент кафедры культурологии и межкультурных коммуникаций гуманитарного факультета, Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики
o.s.borisov@gmail.com

КОГНИТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ИЗМЕРЕНИИ

Рассматривается связь когнитивных процессов с культурной эволюцией в контексте бинарных оппозиций сакральное – профанное и идеальное – действительное, в которых представлены когнитивные формы интроверсии, самотождественные в эксплицитных формах культуры. Интернализованные формы более прочные, чем эксплицитные, так как утверждаются в паттернах воспроизводства, а трансформация предполагает переструктурирование концепта формообразования.

Ключевые слова: когнитивные и культурные формы, интровертивная и экстравертивная когнитивные системы, гипостазирование и интернализация, личностный и социальный гомеостаз, пространство свободного движения, эффект

Связь когнитивных процессов личности с исторически сложившимся способом функционирования определенного социокультурного типа, в котором она формировалась, а также степень ее дрейфа (в наборе индивидуальных ценностно-нормативных элементов) в современной культурной ситуации, характеризующейся в терминах социальной турбулентности и личной неопределенности, становится главной проблемой для гуманитарных наук, которые акцентируют свое внимание на когнитивных исследованиях кросс-культурной направленности. Современную культурную ситуацию еще можно характеризовать двумя противоречащими друг другу процессами: диффузией различных типов культур, убыстряющейся в силу технологического сокращения расстояний и увеличения скоростей, и кумуляцией, которая ставится в зависимость со сдерживающим диффузию возвращением к фундаментальным ценностям, стремящимся удержаться в нише традиционных ког-нитивно-нормативных оснований (религиозных доктрин и секулярных идеологем). Степень этой зависимости такова, что объем поступающей информации переходит критическую массу возможности ее обработки, и личность в силу невозможности адекватного усвоения ищет и находит успокоение в сложившейся веками традиции или почти полностью отказывается от нее. Трансформация в сторону построения глобальной культурной картины мира на современном этапе требует определенной селекции, в которой архаические культурные доминанты (например, патернализм, устоявшаяся иерархия ценностей) уже не находят для себя места в виде адаптационных ответов, выработанных условиями исторического развития. Принцип свободной самоорганизации (горизонтальный), спровоцированный интернет-технологиями, постепенно завоевывает для себя социокультурное пространство, конкурируя с атавизмами архаического принципа установки «высшей инстанции» (вертикальный).

Исторически этногрупповые образования интегрировались символизирующим их тотемом: «Бог клана – это сам клан» (Э. Дюркгейм [9]). Социальной функцией религии с точки зрения Э. Дюркгейма является обеспечение общественной интеграции, то есть сплоченности и социальной солидарности, обеспечивающей оптимальное функционирование коллектива, отделяющего его от других коллективов посредством символической организации вокруг представления об эмблематическом первопредке. Это тот минимум религии в «социальной клетке» общественного организма, из которого выстраиваются политеистические системы в результате дальнейшего укрупнения социальных образований. В этом минимуме мы находим некоторое тождество между идеальным и социальным, между представлениями и фундирующими их социальными установками, скрепляющими группу как единый организм в некоторое когнитивно-социальное целое. Исходя из принципа единства природных, социальных и душевных явлений (социал-дарвинизм, Лейбниц, Б. Спиноза), можно говорить о таком естественно-когнитивно-социальном целом как ограниченном историческим временем определенном результате (эпифеномене) психосоциального процесса адаптации группы при взаимодействии с другими группами. Этот эпифеномен, *психопространственная интеграция*, складывается из естественных географических условий, создающих определенную экологическую нишу оседлости, и межгруппового конфликтного взаимодействия, селектирующего успешный набор социальных элементов группы. Такой пространственно-временной континуум моделирует культурную картину мира, коррелирующую с социальными регулятивами, сформировавшимися под воздействием и естественных, и социальных причин. Здесь необходимо рассматривать специфику и методы коллективной адаптации на определенном историческом этапе культурного разви-

© Борисов О. С., 2012

тия, в котором фактор веры, основанной на эмоционально переживаемой общности синкретичных коллективных представлений, базируется на силе вождя и его адаптационных способностях, демонстрирующих эффективный результат выживания; синкретичное единомыслие достигается повторением и подражанием, и эмблематическое сопричастие объекту поклонения определяется субъективным адаптационно-значимым выбором, опосредующим дефицит какого бы то ни было ресурса. В процессе дифференциации коллективных представлений в связанности с социальной дифференциацией сакрализируется (выделяется как значимый) образ самого культурного героя помимо его предикаций. Это знак первичного процесса индивидуации коллективных представлений – выделение я-бытия посредством маркирования культурного героя и сопричастности уже с ним. Это с одной стороны. С другой стороны, взаимодействие таких социальных групп, взаимно претендующих, например, на территорию пребывания в целях распространения и тем самым выживания, оборачивается их укрупнением за счет фактора силы одной группы по отношению к другой и моделированием на другом уровне интеграции / сложности культурной картины мира, в которой отражаются и связи способов социальной интеграции через взаимозависимость, взаимообмен, взаимоотражение и поглощение, и когнитивная конфигурация символических рядов, отражающих эти связи. Под когнитивной конфигурацией символических рядов необходимо понимать когнитивный состав ценностно-нормативных связей, выработанных в процессе социальной интеграции групп. Здесь нет надобности в функциональном смысле различать понятия религии и идеологии, играя словами, поскольку в силу современной конвергенции наук нас должны интересовать не столько исторические формы культуры и их дескрипция, тем более что они в достаточной мере хорошо описаны, сколько закономерности когнитивных процессов, структура которых при различении этих форм либо остается одной и той же, либо претерпевает метаморфозы, связанные со сменой форм.

Для того чтобы исследовать эту структуру, необходимо вслед за Э. Дюркгеймом обратиться к низшим обществам как элементарным социальным формам, которые как фундирующие структуры лежат в основе более развитых обществ. В примитивных обществах «незначительное развитие индивидуальностей, меньшие размеры группы, однородность внешних условий – все способствует сведению различий и изменчивости к минимуму. Группа постоянно создает интеллектуальное и моральное единообразие, которое в более развитых обществах мы находим лишь в редких случаях. Все одинаково присуще всем» [1; 181]. Их движения стереотипизированы, в одинаковых обстоятельствах они все одни и те же, «подобный конформизм поведения лишь выражает конформизм мышления. Поскольку все сознания втянуты в один и тот же круговорот, индивидуальный тип почти полностью смешивается с родовым. В то же время все не только единообразно, но и просто. Ничто так не примитивно, как эти мифы, состоящие из одной-единственной, бесконечно повторяемой темы, чем эти обряды, состоящие из небольшого числа беспрерывно возобновляемых жестов» [1; 181]. В таких обществах превалируют коллективные представления, выражающие коллективные реальности, и исторически они являются и называются религиозными. Обряды как поведенческие акты призваны возбуждать, поддерживать или восстанавливать определенные ментальные состояния групп. Они охраняют психологическое состояние группы в найденном однажды абрисе их пропозиции, закрепляя в своем поведенческом каркасе адаптационный результат. Социальный гомеостаз собственно и поддерживается ритуалами и обрядами, и требуется определенное нарушение внутренних условий существования группы в результате сложного комплекса внешне-внутреннего противостояния, чтобы привести к корректировке поведенческую программу. Социальный гомеостаз поддерживается составом ценностно-нормативных значимостей, сохраняя относительное динамическое постоянство внутренней среды, проявляющееся в поведении и артефактах и определяющее культуру группы, надстраивающуюся над инстинктивной биологической программой и корректирующую ее. В примитивных обществах ценностно-нормативные значимости, связанные с тотемом и табу, более жесткие и неприступные, чем в развитых обществах, связанных с моралью и правом, преступить которые индивиду, носителю я-бытия, оправдывающему свою исключительность, много легче именно в силу отдельности, отделенности, выделенности из коллектива и коллективных представлений; первые сродни детерминирующим поведение инстинктам, вторые связаны с обязательствами, которые добровольно накладывает на себя человек. Однако эта отдельность я-бытия понимает себя как таковая только в результате процесса сличения и отличения, возникшего в те времена, когда явно сформировался основной личностный конфликт между природой и культурой и когда внутриличностный конфликт стал разрешаться с перевесом в сторону влечения, а не долженствования. Ущемление телесности, связанное с возвышением духа, в развитых религиозных доктринах есть кардинальный ответ на фактор обособления, принужденный на более высоком уровне интеграции солидаризировать распадающуюся общность, минувшую телесно-психиче-

ский синкретизм и разделившую человека на два эона: душу и тело, причем выделенный духовный эон становится интегрирующим фактором. Мышление в категориях сакральное – профанное сменяется другой бинарной оппозицией: идеальное – действительное, исторически акцентируя смещение то в сторону ментализма, то в сторону материализма.

«В истории человеческой мысли нет другого примера двух категорий вещей, столь глубоко дифференцированных, столь радикально противостоящих друг другу, – пишет Э. Дюркгейм, – священное и светское всегда и везде воспринимались человеческим умом как два отдельных рода, как два мира, между которыми нет ничего общего» [1; 219]. Переход между мирами возможен благодаря обряду инициации, при помощи которого человек вводится в круг священных явлений, в сакральный мир избранных, при этом осуществляется трансформация всей сущности человека, он умирает в профанном мире и возрождается символически и буквально на новом качественном уровне, одна личность перестает существовать и заменяется другой, в новой форме, сакральной. «Разнородность эта такова, что часто вырождается в настоящий антагонизм. Оба мира воспринимаются не только как разделенные, но как враждебные и ревниво соперничающие друг с другом» [1; 221]. Круг священных явлений выделяется относительно других, второстепенных, в особый мир как сущностно значимый, а потому высший относительно повседневного, профанного опыта бытия – это круг знаков и смыслов тех социальных и природных явлений, которые открылись и предстали как истина бытия, ее необходимо охранять и табуировать, поскольку в этом залог групповой идентичности, это та когнитивная поведенческая модель, воспроизводством которой занимаются избранные для того, чтобы поддерживать существование группы, это и есть ее способ существования. Многообразие и неоднородность священных явлений связана с многообразием и неоднородностью самих групп, пребывающих в разных условиях пространственно-временного континуума. Однако внутри группы наблюдаемы однородность и повторяемость. Разделение мира на сакральный и профанный уровни повсеместно, хотя круг явлений, распределяемых между ними внутри группы, специфичен и зависит от условий адаптации. Но сама бинарная структура универсальна и предполагает незыблемость сакрального уровня и вариативность профанного. Именно в вариативности профанного уровня – исток для коррекции сакрального, связанной с изменением природных и социальных условий бытия, хотя эта коррекция осуществляется в остром конфликте двух миров в силу консервативности одного (как охранительной функции социума, характеризующейся ментальной и поведенческой инертностью) и *императивности* другого (как поисковой функции, характеризующейся ментальной и поведенческой активностью). Так профанные явления могут добавляться в сакральные, и наоборот, так трансформируется сакральный мир. Императив, возникающий в результате нарушений ассоциативных связей социального гомеостаза, уловленных индивидом на уровне личностных нарушений (личностного гомеостаза) в силу групповой связанности индивидов, требует активировать адаптационный поисковый процесс и проявляет себя в религиозном сознании как повеление свыше, как внутренний голос, *ответ*ственный и откликающийся на священный призыв, как миссия, возлагаемая высшими силами. (В разных религиозных формах это шаман, осуществляющий самоинициацию в результате «шаманского призыва»; Моисей, услышавший голос Яхве, требующий вывести народ из египетского плена, пусть и сначала активно сопротивляющийся ему; смиренный Иов, взвешивающий все соблазны; Иисус, действующий от имени Бога Отца; Мухаммад, услышавший повеление «читать» коранические свитки и сопротивляющийся «доисламской эпохе»; Лютер, уповающий на личную веру и ответственность в противовес институту священства.) И этот императив уже сам по себе оправдывает появление новых религиозных явлений и связанных с ними религиозных форм и институтов.

«Поскольку понятие священного в мышлении людей всегда и повсюду отделено от понятия светского, поскольку мы усматриваем между ними нечто вроде логической пустоты, ум испытывает неодолимое отвращение к тому, чтобы соответствующие явления смешивались или даже просто оказывались в контакте. Ведь такое смешение или даже чрезмерно тесное соприкосновение слишком сильно противоречат состоянию диссоциации, в котором эти понятия оказываются в сознаниях. Священная вещь – это главным образом та, которой непосвященный не должен, не может безнаказанно касаться. Конечно, этот запрет не может доходить до того, чтобы сделать невозможной всякую коммуникацию между обоими мирами, так как если бы светское не могло вступать ни в какие отношения со священным, последнее было бы бесполезно. Но помимо того, что вступление в эти отношения само по себе всегда является тонкой процедурой, требующей определенных предосторожностей и более или менее сложной инициации, оно невозможно даже без того, чтобы светское не утратило своих специфических черт, без того, чтобы оно само стало священным в какой-то мере, до какой-то степени. Обе категории не могут сближаться между собой и в то же время сохранять свою собственную сущность» [1; 221–222]. Бинарная оппозиция сакральное –

профанное очерчивает две сферы сознания, связанные со значимостью ценностно-нормативных регулятивов и с неучтенностью, а значит, неинституализированностью свободных вариаций. Взаимосвязанные, но несводимые друг к другу сферы, находясь в некоторой конфронтации, нуждаются друг в друге, определяя состав элементов личностной системы, включая и бессознательное, обнаруживающее себя в непроизвольно возникающих образах и элементах поведения, инспирированных потребностями и мотивами различной степени сложности (иерархия мотиваций). Человек двойственен, и об этом говорит не только Э. Дюркгейм, «в нем находятся два существа: существо индивидуальное, имеющее свое основание в организме и уже тем самым имеющее узко ограниченную сферу действия, и существо социальное, представляющее в нас самую высокую в интеллектуальном и моральном отношениях реальность, которую мы можем познавать путем наблюдения» [1; 195]. В той мере, в какой индивид участвует в жизни общества, он «естественным образом превосходит самого себя, когда он мыслит и когда он действует» [1; 195]. Социальный характер индивида позволяет понять, откуда происходит необходимость категорий. Общество откажется от самого себя, если оставит категории, как говорит Э. Дюркгейм, «на произвол частных лиц». «Чтобы иметь возможность существовать, оно испытывает потребность не только в достаточном нравственном конформизме; имеется и минимум логического конформизма, без которого оно также не может обойтись. По этой причине оно подавляет всем своим авторитетом своих членов, чтобы предупредить расколы. Вот почему, когда даже в глубине души мы пытаемся освободиться от этих основных понятий, мы чувствуем, что не совсем свободны, что что-то сопротивляется нам, в нас и вне нас. Вне нас судит общественное мнение; но кроме того, поскольку общество представлено также в нас, оно противодействует внутри нас самих этим революционным попыткам» [1; 195]. И это авторитет самого общества. Это то, что З. Фрейд назовет совестью и цензурой Я, то, что имплицитно присуще личности, интернализовано, и то, с чем человек ведет борьбу внутри самого себя *прежде*, чем будет вести борьбу с обществом, желая освободиться (высвободиться), выделяя самого себя в результате процесса индивидуации (К. Г. Юнг), или *вместе* с борьбой против общественного уклада, вместе с тем ведет, может быть, неведомо для самого себя борьбу с самим собой*. Однако человек может вести борьбу против самого себя за соответствие общественному идеалу (все это вариации когнитивного диссонанса при формировании я-концепции). На этих основаниях мы можем различать психологические типы, характеризующиеся интровертивной или экстравертивной установками, исследованными К. Г. Юнгом [7]. В этом заключается добавление к пониманию социального происхождения представлений, на котором остановился Э. Дюркгейм и которое продолжила группа исследователей, фундирующих конфликтную модель общества (от Г. Спенсера, К. Маркса и Г. Зиммеля до Л. Козера и Р. Дарендорфа). Да, категории имеют социальное происхождение, разделяются группой, но с процессом усложнения групповой организации общества критерием и основанием этой борьбы при снятии бинарной оппозиции сакральное – профанное выступает иной механизм двойственности: в нем идентификация личности происходит *вне* собственной группы, и тогда ценностно-нормативные связи предстают не как мифологемы, но как идеологемы, трансцендирующие субъекта в иные пространственно-временные континуумы. Они отрывают субъекта от почвы, увеличивая раскол личности (объективируя внутриличностные конфликты имплицитно-эксплицитных связей). Тогда в разрешении этого конфликта в сознании закрепляется новая бинарная оппозиция: идеальное – действительное. Религия утрачивает прерогативы, вступает в силу идеология (сначала в форме религии в «осевое время» (К. Ясперс [8]), потом в собственной форме в постосевое время, когда объединительный принцип, предложенный мировыми религиями, возвысившимися над этнонациональными и социальными различиями и определившими различия между самими религиями на основе специфических ценностно-нормативных значимостей, сменился секуляризировавшимися идеологиями, сохраняющими в разных пропорциях «старого» и «нового» тот или иной ментальный остов). Тождество между социальным устройством клана и его сакральной моделью, характерное для тотемных групп, разрушается. Социальный мир, организованный по принципу тождества, диверсифицируется, в адаптационный процесс включаются доминанты гипостазированных идеологем, выступающих в роли императивов. Действенность системы, предстоящая в ментальной оппозиции сакральное – профанное, где последний член лежал вне пределов системы, но как таковой не аннулировался, в оппозиции идеальное – действительное предполагала аннигиляцию последнего члена в результате ущемления тела, в том числе и социального тела, его переустройства не основе идеологем. Собственно, в этом различении лежит революция мотивационных оснований в эволюционном процессе, сменившем биологическую эволюцию когнитивной. От императивов, связанных с биологической адаптацией, включая мифологемы как бессознательные неотчуждаемые от нее ее собственные отражения, к императивам, инспирированным идеологемами, получившими самостоятельный статус

бытия и оторвавшимся от процессов жизни – когнитивным формам как эпифеноменам, на острой стадии конфликта вступившим в противоречие с самой жизнью в ее вечном становлении. Когнитивные формы как закрепленные в имплицитной памяти схемы несут функцию когнитивного самовоспроизводства, однако при столкновении с действительностью требуют коррекции. Именно это противоречие вскрыл Г. Зиммель: «Как только жизнь возвысилась над чисто животным состоянием до некоторой духовности, а дух в свою очередь поднялся до состояния культуры, в ней обнаружился внутренний конфликт, нарастание и разрешение которого есть путь обновления всей культуры. <…> Скрытый смысл этой эволюции заключается в том, что жизненная стихия, беспокойная в своем вечном движении, ведет постоянную борьбу со всеми отверделыми остатками, засоряющими ее волну. Но так как она может иметь реальное бытие лишь в определенных формах, то весь этот процесс представляется нашему сознанию как процесс вытеснения старых форм новыми… но вместе с тем и символ ее бесконечной творческой силы и того противоречия, в каком неизменно находится вечное становление с объективной значимостью и самоутверждением форм» [2; 61–62]. Таким образом, когнитивные формы, связанные с формами жизни (культуры), тождественны этим формам, но в процессе развития жизни и вследствие адаптации к ней субъекта они требуют переформатирования согласно тому способу адаптации, который вырабатывается субъектом и, следовательно, откладывается в его внутренних структурах. Иными словами, относительное тождество идеального и действительного есть функция способа адаптации, и когда вызовы естественного и социального толка разрушают это единство, то ради поддержания динамического равновесия внутренних условий существования личность, заполняя образовавшуюся пустоту, опосредует во внутренних структурах фундирующий ее адекватный адаптационный ответ. Иным путем после пережитого кризиса эта пустота восполняется в субъекте, компенсирующем свою неадекватность действительности архаическими когнитивными формами, которые удерживают самотождественность и восстанавливают утраченное равновесие до тех пор, пока складывающиеся условия существования еще делают возможным простое воспроизводство культурных форм, позволяющее старым формам существовать наряду с возникающими новыми с наименьшими для них издержками конфликта. Человечество выработало культуру как мощное противостоящее природе средство адаптации, но она сама, и на это пророчески указывали и З. Фрейд, и Ф. Ницше [6], [4], на определенном этапе становится тормозом дальнейшего развития, и этот момент торможения воспроизводится всякий раз, когда набирают силы инновационные тенденции. Зиммель требует существенных изменений самой структуры культуры как адаптационного механизма, поскольку предельная самостоятельность когнитивных / культурных форм всегда разбивается о рифы тех процессов, которые всегда «неожиданно» возникают на горизонте человеческого развития. Эта вскрытая Г. Зиммелем закономерность развития любой культуры демонстрирует и устойчивые закономерные когнитивные процедуры, найденные К. Г. Юнгом, смысл которых имеет двоякое заполнение: когнитивные формы как системы замкнутого единства (интровертивного типа), самотождественные в эксплицитных культурных формах и связанные с имплицитной памятью (различение имплицитной и эксплицитной памяти см. [4]), всякий раз размыкаются, утрачивая самотождественность и тогда, когда естественные закономерности развития физического и социального мира требуют сформировать адекватные адаптационные системы существования, когерентные изменяющимся *условиям*. Подобные процессы требуют размыкающейся экстравертивной когнитивной системы, характеризующейся активными волевыми действиями, ломающими когнитивные / культурные формы – как гипостазированные, так и интернализованные. При этом последние (имплицитные) оказываются более прочными, чем эксплицитные, так как эмблематические формы есть результат социального договора, который разрушить проще в силу более слабых связей, чем внутреннюю структуру. Последняя лишь проявляет себя в эмблематической форме, но утверждается и несется в неявных паттернах воспроизводства, характеризующегося на уровне мозга сильными нейронными связями, проявляющимися в относительно программируемых реакциях поведения, все еще получающих подкрепления. Здесь мимикрия внешних форм не всегда означает сущностную трансформацию культуры, поскольку трансформация предполагает именно *переструктурирование концепта формообразования*, то есть идеологемы, затрагивающей концептуальные связи практически на уровне нейронных сетей. Наличие экстравертивной когнитивной системы позволяет использовать энергию напряжения психологического поля, возникшего из квазипотребности, связанной с «истинными потребностями» личности в силу коммуникации потребностей и имеющей, согласно К. Левину [3], внезапный характер. Квазипотребность вызвана нарушением внутренних условий равновесия полевого поведении. Разряжение напряжения, которое возникает в системе при возникновении потребности, происходит при условии совершения намеренного действия, приводящего к удовлетворению этой потребности, то есть к восстановлению личностного /

социального гомеостаза, когда валентность вещи, говоря в терминах К. Левина, соответствует смыслу потребности, то есть существует оптимальное *пространство свободного движения*. Отложенное же, незавершенное действие есть механизм памяти, согласно Б. В. Зейгарник, ученице К. Левина; незавершенные действия запоминаются лучше, чем завершенные. Видимо, эта память, имея имплицитное происхождение, активизируется в результате экстравертивной установки, когда все более сокращается пространство свободного движения, и полевое поведение уже *невозможно* в силу накопленной массы отложенных действий, представленных в виде вновь открывшихся обстоятельств. Внезапный характер реакции провоцируется фактором новизны, который улавливается экстравертивной когнитивной системой, работающей как считывающий механизм – это ее сущностный механизм функционирования. Насколько радикальными будут изменения внутренней структуры зависит от того, насколько будет сужаться пространство свободного движения и насколько активными будут действия по расширению этого пространства за счет новых форм (идеологем и технологий). Однако активность действий все больше становится заложником приемлемых прежде культурных форм, все более их нивелирующих к общему знаменателю процедуры отработанного культурного типа, и обратной стороной того гуманистического процесса, который постулировал идеологической доминантой смысл жизни в ее устойчивом и справедливом развитии. Общий уровень турбулентности социальной среды говорит о скорой смене парадигмы. Ее специфика будет заключаться в том, что произойдет скачок в разрыве традиционных форм с новыми способами адаптации, которые предполагают сиюминутный эффект в противовес долгосрочным проектам и тяжеловесным основаниями. Этот *эффект*, визуальный, слуховой, поведенческий, будет тем информантом, который станет форматировать социальные и когнитивные структуры в гибкие конфигурации, отвечающие запросам не исторической памяти и не будущего конца истории (от эсхатологии до футуристических моделей), а подчиняющиеся тому сегментированному течению времени, адекватности которого они должны соответствовать в точечной *элемент*арности своего бытия. Иными словами, секуляризационный процесс связан с когнитивными процессами, и ренессанс фундаментальных ценностей лишь демонстрирует общий кризис культуры, на фоне которого формируется новая бинарная оппозиция виртуальное – практическое, где исходным основанием, формирующим развитие, будет *виртуальный принцип социальной интеграции групп*, выходящих в социальное поле взаимодействия, минуя принцип сложившейся иерархической организации. Бог как эмблема социальной структуры или гипостазированный внешний наблюдатель, контролирующий поступки людей на основе исторически сложившихся ценностно-нормативных значимостей, в силу утраты своих «истинных» значений приобретают иную понятийную конфигурацию: она трансформируется от идеологемы группы к информанту, который форматирует взаимодействие на основе «положения дел» эфемерно считываемого расклада сил, в результате взаимодействия информантов постоянно обновляющего свою конфигурацию, в которой *ценность* имеет приходящее значение, отдавая приоритет праксису. Роль внешнего наблюдателя и «всевидящего ока» вполне реально замещает не интернализованный / инфантильный образ отца (З. Фрейд), а своеобразный «бог из машины», призванный к адептам не вселить веру в чудо и на этой основе «управляющий» ими, а контролирующий взаимодействие групп вполне не эфемерным способом: всевидящим оком Интернета, следящим за реальными мотивами и поступками людей.

ПРИМЕЧАНИЕ

* Имеется в виду топографическая модель личности З. Фрейда в сочетании с введенным К. Г. Юнгом понятием коллективного бессознательного (архетипическая модель) и выделением самости в процессе индивидуации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология: Пер. с англ., нем., фр. / Сост. и общ. ред. А. Н. Красникова. М.: Канон+, 1998. С. 175–231.
2. Зиммель Г. Конфликт современной культуры // Зиммель Г. Избранные работы. Киев: Ника-Центр, 2006.
3. Левин К. Разрешение социальных конфликтов. СПб.: Речь, 2000. 231 с.
4. Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни // Ницше Ф. Соч.: В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1990. С. 158–230.
5. Солсо Р. Когнитивная психология. СПб.: Питер, 2011. 589 с.
6. Фрейд З. Неудовлетворенность культурой // Фрейд З. «Я» и «Оно». СПб.: Азбука-классика, 2009. С. 157–281.
7. Юнг К. Г. Психологические типы. СПб.: Ювента; М.: Прогресс-Универс, 1995. 716 с.
8. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Республика, 1994. 527 с.
9. Durkheim E. The Elementary Forms of the Religious Life. London: George Alien & UnwinLtd, 1976.

Май, № 3 **Философия** **2012**

УДК 1

ВЛАДИМИР ПЕТРОВИЧ ЩЕРБАКОВ
доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии и социальных коммуникаций факультета торговли и экспертизы продовольственных товаров, Санкт-Петербургский торгово-экономический институт
vpscherb@mail.ru

СИМВОЛИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА СОВРЕМЕННОСТИ: АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Анализируются антропологические перспективы современной экономики символического обмена. Рассматриваются различные сценарии культурных и антропологических трансформаций современности.

Ключевые слова: экономика символического обмена, постиндустриальное общество, экономическая антропология

Трудно не согласиться с К. Лавалем, утверждавшим, что капитализм создает принципиально новую антропологическую реальность, в которой формируется «человек экономический» [4]. Однако он обращается к истокам становления этой реальности, оставляя без внимания современную экономику, в различных теориях называемую постиндустриальной, информационной или символической. Вне всякого сомнения, экономические трансформации современности оказывают существенное воздействие на человека. Поэтому целью статьи является анализ происходящих антропологических трансформаций, обусловленных экономическими обстоятельствами современности, и попытка рассмотреть хотя бы ближайшие перспективы этого процесса.

Первые результаты бурного развития капиталистической экономики, радикально изменившей культурный ландшафт Европы уже к середине XIX столетия, дали повод для возникновения многолетней дискуссии, касающейся ее исторических и социальных перспектив. Общий стиль критических рассуждений об антигуманной сущности капитализма начиная с французских социалистов-утопистов, а затем марксизма и неомарксизма заключен в выводе о том, что «экономические системы гражданского общества, подчиняющие права и благополучие людей правам собственности, имеют безличный, негуманный и безнравственный характер» [8; 315]. Помимо морального осуждения, звучали и другие обвинения философов и социологов. Они отмечали бесчеловечную эксплуатацию человека человеком, тотальное отчуждение человека от собственности, результатов собственного труда и от самого себя. Превращение человека в товар, подчиненный произволу рынка труда, и придаток машины, а также кризисный характер развития и бесцеремонное вторжение в природу – вот далеко не полный перечень грехов капитализма, обсуждаемых в критических исследованиях экономики капитализма. Эти обвинения отчасти соответствовали фактическому положению дел, отчасти опирались на факт сосуществования двух социально-политических систем – социалистической и капиталистической. Но после завершения эпохи масштабного социально-экономического эксперимента по построению справедливого общества в странах социализма эти дискуссии в значительной степени утратили свою актуальность. К тому же в самой капиталистической экономике произошли существенные изменения, устранившие или смягчившие присущие ей проблемы и противоречия.

Поэтому во второй половине XX века появляются оптимистические сценарии развития экономики в глобальном масштабе всего человечества. Одним из них является волновая теория развития цивилизации американского социолога и футуролога Э. Тоффлера, которая опирается на предположение о технологической детерминации социальных, политических и экономических институтов. С его точки зрения, человечество развивается по модели волнового движения, определяющего эволюционное развитие технологического инструментария хозяйственной жизни. Каждому технологическому этапу соответствуют определенные способы социальной и политической организации и управления. Первая технологическая стадия, определявшая жизнь человечества на протяжении нескольких тысячелетий, – это аграрная цивилизация. В странах первой волны «земля была основой экономики, жизни, культуры, семейной структуры и политики. В каждой из них жизнь была организована вокруг деревенского поселения… существовало простое разделение труда и небольшое количество четко определенных каст и классов: знать, священники, воины, рабы или крепостные» [7; 30]. Этому этапу соответствуют общинная социальная солидарность, децентрализация власти и естественный ритм жизни. Цивилизация второй волны порождает феномен массового производства и массового потребления, производя унифицированный образ потребителя практически одновременно по всему миру, охваченному сетью массовых коммуникаций. Удешевление массового производства повышает

© Щербаков В. П., 2012

стандарты потребления, что еще больше раскручивает механизм поглощения невозобновляемых ресурсов – сырья и топлива, исчерпание которых – дело ближайшего будущего. В современной России этот процесс безудержного потребления только начинается, отдаляя нас от провозглашаемой американским футурологом третьей волны – постиндустриальной информационной цивилизации, которая должна быть организована на принципах, делающих ее похожей скорее на общество первой волны.

Но что же делает возможным этот радикальный поворот? Ответ Тоффлера вновь в русле технологического детерминизма. Прежняя система сверхцентрализованного массового производства достигла предела. Люди не справляются с нагрузкой индустриального ритма жизни и бесчеловечной организации производства. И вот в этой критической ситуации приближающейся дезорганизации жизни появляется спасительное средство – компьютер, с помощью которого можно построить новый мир, лишенный недостатков предыдущего.

В отличие от бюрократической машины второй волны, разрешившей классовый конфликт предпринимателей и рабочих в свою пользу, компьютер, по мысли Тоффлера, создает новую систему коммуникации и управления, которая способна полностью изменить систему организации производства и общества. Выполняя функцию интеграции разрозненных фрагментов информации, он способен управлять бесконечно сложными социальными и технологическими процессами, оставив человеку решение творческих задач. Помимо этого, посредством распространения компьютерных сетей и систем телекоммуникации изменяются принципы синхронизации, концентрации и специализации. Уже сегодня мы можем наблюдать значительные изменения восприятия времени. Так, после введения свободного графика немецкая пунктуальность превратилась в очередной миф. Всеобщее распространение мобильной связи заметно снизило пунктуальность обладателей мобильных телефонов во всем мире. Люди стали значительно чаще опаздывать на встречи и даже отменять их, получив возможность предупредить об этом.

На наших глазах произошло предсказанное Тоффлером исчезновение профессии секретаря-машинистки и сокращение числа офисных работников, поскольку значительная часть работы выполняется компьютером. Все большая часть людей предпочитают свободный график работы и включаются в систему производства для себя, приближая идеал «электронного коттеджа», включенного в систему коммуникаций и позволяющего человеку работать, не выходя из дома. Несомненно, возвращение рабочего места в пространство дома представляется заманчивой перспективой для человека, измотанного работой и транспортными проблемами. Но трудно согласиться с тем, что это может повлиять на современные тенденции разрушения семьи как ячейки общества, изменить структуру домашнего хозяйства и организовать его на принципах сотрудничества и взаимопонимания. Возвращение к доиндустриальному способу организации труда, даже с использованием компьютерной техники, представляется маловероятным.

Действительно, сегодня проблема нетоварного производства для себя широко обсуждается экономистами и социологами [10]. Классические экономические модели прежде не учитывали этого сектора экономики, который везде, и особенно в развивающихся странах, достаточно велик. В этот сектор входит разнообразная домашняя работа, которая по традиции в основном достается женщинам, значительно увеличивая их рабочий день. Но ни уборка дома, ни приготовление пищи, ни воспитание детей никем не оплачиваются. Получается, что один из самых важных секторов производства – воспроизводство рабочей силы – выпадает из капиталистической экономики.

Серьезные изменения намечаются в системе рынка, который становится менее заметной и значимой сферой экономики. Значительная часть торговли может осуществляться в форме электронного заказа, что позволяет напрямую связать производителя и потребителя и даже непосредственно подключить последнего к производству требуемого товара путем программирования его характеристик. На значительное изменение поведения потребителя указывают маркетинговые исследования, которые говорят о том, что оно стало непредсказуемым и неуправляемым [9; 16]. Потребитель теперь хорошо осведомлен о правилах игры и не всегда желает им подчиняться. Однако возможности его ограничены, и он все больше втягивается в маркетинговые стратегии сотрудничества. Покупателю предлагается самому забрать свой товар со склада, собрать мебель или даже автомобиль, загрузить продуктами тележку в супермаркете с системой самообслуживания. На эту работу у него уходит все больше свободного времени, которое, как мы знаем, имеет большое значение для сохранения структуры личности современного человека. Снижение предпринимательского потенциала, дефицит инициативных и креативных менеджеров уже сейчас сказывается на состоянии экономики.

Постепенное исчезновение экономически активного типа личности связано не только с изменениями образа жизни и традициями семейного воспитания. Как продемонстрировал канадский «пророк» электронной эры М. Маклюэн, происходящие изменения в средствах коммуникации значительно изменяют восприятие и сознание современного человека. На смену книге,

газете и журналу, которые были ориентированы на индивидуальное визуальное восприятие и последовательное осмысление, приходят средства массовой коммуникации. В начале прошлого века это радио, в середине – телевидение, а сегодня – Интернет. В результате мир вплотную приблизился к состоянию «глобальной деревни», в которой информация распространяется практически мгновенно [5], [6]. С одной стороны, это может показаться привлекательной перспективой для нынешнего расколотого цивилизационными противоречиями мира. Но языковые и культурные различия не позволяют реализовать эту надежду. Социальные интернет-сообщества остаются локальными и неохотно выходят за национальные границы.

Бесконечный поток информации, получаемый с огромной скоростью и из разных источников, предполагает поверхностное, беглое восприятие и фрагментарный образ мышления. Преобладание аудиовизуальных образов, которые воспринимаются иначе, чем неподвижный текст, приводит к формированию так называемого клипового мышления, составленного из отдельных фрагментов, связь между которыми зачастую случайна. В результате меняются стратегии поведения, они становятся ситуационными и не предполагают построения развернутого плана действий. Популярные сегодня флэш-мобы являются хорошим примером такого единичного события, у которого, как правило, нет предыстории и продолжения. Договорившись накануне с помощью Интернета, прежде незнакомые люди встречаются в условленном месте, одновременно совершают какое-нибудь действие и тут же расходятся. Спонтанность и непредсказуемость становятся характерными признаками современного стиля жизни. Однако это приводит к разрыву коммуникации между поколениями и еще больше разрушает социальную ткань отношений между людьми.

Наиболее яркая и проблематичная модель наступающего будущего предлагается в концепции «символической экономики» Ж. Бодрийяра [1], [2]. Соглашаясь с информационным характером современности, он обращает внимание на семиотические инновации, произошедшие в системе массового производства и потребления. Общество потребления становится для французского мыслителя объектом беспощадной критики, поскольку в нем сосредоточены, по его мнению, все грехи современной цивилизации. Острие этой критики направлено против симуляции – превращения реальности в знак. Современная экономика для него – это экономика симулякров – подделок реальности, которые выдают себя за реальность. Понять, что такое симулякр, легко на примере широко распространенной в современном массовом производстве практики имитации. Имитируются икра и крабовое мясо. Они изготавливаются из дешевой рыбы, но выглядят почти как настоящие. Мебель, сделанная из отходов производства, покрыта слоем пластика, повторяющего цвет и структуру дорогой древесины. Дома, сделанные в основном из пенопласта и пластика, производят впечатление родовых поместий. Распространение контрафактной продукции в индустрии одежды стало глобальной мировой проблемой. Но именно в этом случае становится понятным масштаб «экономики знаков». Даже в экономически благополучных странах люди предпочитают покупать подделки дорогих торговых марок одежды, понимая, что можно закрыть глаза на незначительную потерю качества. Ведь выигрыш в цене многократный. Эта разница и составляет стоимость пустого товарного знака, который, по мысли Бодрийяра, уже давно не связан с подлинными качествами обозначаемой вещи. Он является частью виртуальной реальности, которая состоит из знаков, связанных только между собой. Циркуляция пустых знаков и составляет суть виртуальной экономики, которая существует только в воображении, поскольку не нуждается ни в каком материальном носителе.

Виртуализация экономики стала спасительным выходом в ситуации конфликта производителя и потребителя, которые до середины прошлого века были ориентированы на несовместимые цели. Производитель стремился произвести как можно больше, а потребитель следовал стратегии бережливости, ориентируясь на прочность и долговечность вещи. Многие такие вещи до сих пор встречаются и практически не утратили своих потребительских качеств, но *морально* устарели, в отличие от современных поделок, которые ломаются и приходят в негодность значительно раньше гарантированного срока службы.

Почему же люди соглашаются участвовать в этой странной игре? Ведь совсем недавно их предки были ориентированы на другую систему вещей, следуя девизу «мой дом – моя крепость» и передавая вещи по наследству. Но сегодня такая стратегия обладания вещами доступна очень немногим людям высших экономических и политических классов, утверждающих свое превосходство в «вечных» вещах. Они покупают средневековые замки и дворцы разорившейся аристократии. Коллекционируют вечные образцы искусства и дорогие автомобили, формируя реальный символический капитал траты. Они не потребляют, а владеют. Всем остальным достается участь массового потребителя доступных вещей. Эта масса и втягивается в систему виртуальной экономики, которая предлагает возможность обрести иллюзию сопричастности к недостижимым ценностям обладания статусными вещами [1], [2]. Посредством рекламы об-

разы идеальных вещей становятся общедоступными. Но вместо них потребителю предлагаются заместители этих высших ценностей. Человек покупает ту или иную вещь, подчиняясь очарованию образа. Современная реклама давно уже рекламирует не собственно вещи, а образ успешной и престижной жизни. Поэтому, как правило, к созданию этого образа привлекаются известные медиаперсонажи, олицетворяющие идею успешности. Покупая обычный шампунь, которым воспользовалась известная спортсменка или любимый актер, потребитель приобщается к их славе и достижениям. Да и сам спорт давно превратился в успешное коммерческое предприятие по выпуску симулякров. Рекламное время в ходе трансляции престижных матчей и соревнований стоит в десятки раз больше обычного, поскольку рекламный клип встраивается вместе с элементами спортивного зрелища в слоистую структуру клипового мышления и придает мистическую силу рекламному знаку. Продажа спортивной атрибутики, несущей на себе магические эмблемы, составляет значительную долю доходов в бюджетах европейских футбольных клубов, а сами футбольные звезды зачастую больше получают за участие в рекламных кампаниях, чем за саму игру. Утраченная состязательность символического обмена возвращается в виде симулякра торгового знака или спортивного зрелища. Спорт как реальное состязание доступен или самым богатым, или самым бедным. Массовому потребителю остается только место на стадионе или телетрансляция.

Помимо сопричастности к определенному образу человека или практики, символическая ценность может ассоциироваться с определенными концептами престижа и статуса. Среди них обнаруживаются: совершенство – эстетическое и техническое, комфорт и безопасность, соответствие лучшим традициям, новейшие научные достижения и уникальность. Список остается открытым, так как появление новых концептов происходит внутри самой системы циркуляции знаков и зависит от множества событий в информационном пространстве. Реальная жизнь остается связанной с виртуальной, но зачастую негативно. Например, потребителя стараются привлечь новой упаковкой с «уникальными» свойствами, не меняя ее содержимого. Или рекламируемое ощущение безопасности в автомобиле, начиненном знаками надежности и технического совершенства, приводит в результате к излишне рискованному стилю вождения.

Символический капитал сконцентрирован в таком важном элементе современной экономики, как бренд. Несмотря на то что периодически публикуются сведения о стоимости брендов известных компаний, ценность их скорее символическая, поскольку формулируется в терминах доверия и лояльности со стороны потребителя. Это приводит к утрате реальных преимуществ, выраженных в качестве производимых продуктов, и разрушает устойчивые ориентиры, так необходимые для сохранения устойчивой картины мира. Утратив же внешние ориентиры, человек рискует потерять и внутреннюю устойчивость сознания и психики.

Рынок произведений искусства также заслуживает внимания, представляя еще один канал символического обмена, имеющий большое значение для современной культуры. Как показывает российский культуролог А. Б. Долгин, современный рынок искусства подчинен принципу «ухудшающего отбора», что ставит под сомнение его будущее [3]. Без создания эффективной системы навигации в океане произведений искусства современный потребитель рискует потратить большую часть своего ограниченного времени впустую, перебирая бесконечный бисер современной культуры в поисках достойных внимания объектов. Исследователь видит выход из этой ситуации в институте общественной экспертизы, организованном в сетевом интернет-сообществе. Но несмотря на экономическую обоснованность предлагаемой модели, нерешенной остается проблема разрушения привычной иерархически организованной системы ценностей прежних типов культуры.

Все предлагаемые сценарии будущего культуры весьма проблематичны. И обнаруженные проблемы не могут быть решены сообществом экспертов и системой государственных мероприятий, поскольку предполагают фундаментальные изменения принципов социальной организации и оснований культуры. А это невозможно без деятельного участия самого широкого круга специалистов и просто ныне живущих людей, понимающих серьезность современного «вызова истории».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: Рудомино, 1995. 172 с.
2. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. 387 с.
3. Долгин А. Б. Экономика символического обмена. М.: Инфра-М, 2006.
4. Лаваль К. Человек экономический. Эссе о происхождении неолиберализма. М.: НЛО, 2010. 430 с.
5. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М.: Канон-пресс-Ц, 2003. 464 с.
6. Маклюэн М. Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего. М.: Академический проект, 2005. 496 с.
7. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 1999. 784 с.
8. Уайт Л. Экономическая структура высоких культур // Антология исследований культуры. Интерпретации культуры. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006.
9. Шмигин И. Философия потребления. Харьков: Гуманитарный центр, 2009. 302 с.
10. Шрадер Х. Экономическая антропология. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999. 180 с.

Май, № 3 **Философия** **2012**

УДК 130.3

ЛАРИСА ВЛАДИМИРОВНА МИХАЙЛОВА
кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социально-экономических дисциплин, Карельская государственная педагогическая академия
larisa.mihailova@gmail.com

НОВЫЕ ИЕРУСАЛИМЫ РУССКОГО СЕВЕРА

Статья является результатом исследования культурного пространства Русского Севера. Новые Иерусалимы Русского Севера представлены как часть проекта Патриарха Никона по превращению всей Руси в новую Святую землю. Исследование основано на теории иеротопии – перенесение сакральных пространств, создание Новых Иерусалимов и образов Святой земли на Русском Севере.

Ключевые слова: Новый Иерусалим, Валаам, Соловки, Святая земля

Топоним «Иерусалим» включает бинарную идентичность реального и сакрального, где реальным является земной Иерусалим, а сакральным – образ небесного Иерусалима, который, по Библии, был построен Богом раньше, чем земной. Новый Иерусалим – это прежде всего Небесный Иерусалим, в котором Иоанн увидел «новое небо и новую землю» [3; 291]. Небесный Иерусалим – это апокалипсический образ «святого града». После страшного суда в нем будут жить праведники вместе с Богом [3; 291]. Небесный Иерусалим предстает как образ рая, царства святых на небе, в христианской культуре он олицетворяет церковь Христову и называется в Апокалипсисе «невестой Агнца» [3; 291].

Существует мнение, что евангельский Новый Град из Откровения Иоанна Богослова идентичен мифическому городу Китежу (Китеж-град, Кидиш). Ю. В. Линник считает, что легенда о Китеже своими корнями уходит на Русский Север и приводит к Соловкам, что в китежской легенде важен мотив утаивания, сокрытия, она о сокровенном. Он пишет: «Важно отметить, что образ Китежа стал одновременно и эталоном сравнения, и мерой восхищения: северные святыни – например, Кижи или Соловки – воспринимаются как поднявшийся из вод Китеж. <…> …Это очень важно для нашего духовного возрождения: восприятие Севера как своего рода Китежа – хранителя русской красоты, русской святости» [9; 62, 66].

Перенесение образа Святой земли на русскую землю впервые осуществил патриарх Никон, который в 1656 году начинает на берегах реки Истры строительство Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря. Никон нашел живописное место с семью холмами. Саму реку он освятил как Иордан, холмы получили названия: Сион, Елеон, Фавор. Воссозданный образ Иерусалима и Палестины мы встречаем на обширном культурном пространстве Русского Севера. А. С. Литвин, исследуя географию православия, приходит к выводу, что меридиан, пересекающий Иерусалим, проходит и через Карелию [10; 171]. И этот факт имеет для северян большое значение, так как на Святой земле и в Карелии живут по одним солнечным часам, где в одно и то же время наступает полдень.

На средневековых картах Иерусалим помещали в центре и считали «пупом Земли». С символом центра мира, который называют также «пуп Земли», мы встречаемся повсеместно. Связующим звеном между Небом и Землей у многих народов считались дерево или гора, мифическая или реальная. Это мифическая «Гора Стран» в Месопотамии, гора Геризим в Палестине, названная «пупом Земли». Для христиан вершиной космической Горы является Голгофа. Следовательно, территория вокруг горы находится ближе всего к Небу. Для евреев Ветхого Завета Иерусалим – это и центр, и пуп Земли. В библейских легендах Иерусалим занимает центральное положение: «Так говорит Господь Бог: это – Иерусалим! Я поставил его среди народов, и вокруг него – земли» [3; 807]. Иерусалим и Палестина как Святая земля связаны также с сакральным пространством Нового Завета, описывающим жизнь, смерть и воскрешение Иисуса Христа.

По мнению А. М. Лидова, подмосковный Новый Иерусалим занимает особое место в истории христианства как единственный в своем роде проект воссоздания Святой Земли на огромной территории, простирающейся на 10 км с севера на юг и на 5 км – с востока на запад [8; 6]. По нашему мнению, более грандиозной по размерам является пространственная икона Нового Иерусалима на островах Валаамского архипелага. Протяженность только главного острова архипелага Валаама с севера на юг составляет 10 км, с запада на восток – 8 км.

Иноки Валаамского монастыря идентифицировали Валаам с Палестиной. На острове был построен храм, названный Новым Иерусалимом. Идентичны окрестностям Иерусалима находящиеся на Валааме Гефсиманский сад, гора Сион, поток Кедрон, Елеонская гора, Иосафатова долина, Мертвое море, гора Фавор. С помощью этих

© Михайлова Л. В., 2012

наименований объекты реально существующей природы Валаама приобрели сакральный смысл. Для религиозного человека места, связанные с жизнью, распятием и воскресением Христа, имеют особое значение. Как иконы, по выражению Флоренского, являются не изображением святых, а «есть сами святые» [16; 14], так и Новый Иерусалим с его окрестностями на Валааме представляет собой для паломников и иноков монастыря не модель Иерусалима в Палестине, а саму Палестину с Гефсиманским садом. Создание Иерусалима на Валааме – это лишь частичная идентификация. Полной идентичности Валаама с Палестиной достичь невозможно из-за различного расположения объектов на местности.

Пространственная икона Иерусалима на Русском Севере занимает сакральное пространство от Приладожья – Валаамских островов до Поморья – Соловецких островов. Сакральная топография Соловков как Нового Иерусалима включает шесть крупных островов Соловецкого архипелага: Большой Соловецкий, Анзерский, Большая Муксалма, Малая Муксалма, Большой Заяцкий, Малый Заяцкий. Вершиной сакрального ансамбля Соловков является святая гора Голгофа на острове Анзер, в окрестностях Голгофо-Распятского скита. Восхождение на гору Голгофу завершает крестный путь паломников от озера Святого, в водах которого они должны искупаться. Н. М. Теребихин считает, что связь паломничества с образами креста и крестного пути прослеживается в обычае установления обетных крестов богомольцами, идущими в Соловецкий монастырь. Он сравнивает крестный путь соловецких богомольцев с восхождением Спасителя на Голгофу и приходит к выводу, что «в соответствии с монастырским обычаем богомольцы за время своего трехдневного пребывания на Соловках должны были обойти всю святую землю Нового Иерусалима, омыться в водах Святого озера (Иордана), взойти на Голгофу, пройти дорогами соловецких святых и подвижников – основателей семи пустынь, которые в своей “математической” символике запечатлели гармонию Преображенного мира – Обетованной земли Царства Небесного» [15; 32].

Возможно, крестный путь будущего основателя подмосковного Нового Иерусалима патриарха Никона начался на Русском Севере, на Соловках, в Анзерском скиту, иноком которого он был с 1636 по 1639 год. Проект Патриарха Никона по превращению всей Руси в новую Святую Землю получил свое дальнейшее развитие в иерусалимизации сакрального пространства Русского Севера. Пространственно-ландшафтная икона Нового Иерусалима на Русском Севере охватывает территорию Карелии и Поморья с расположенными на ней монастырями и храмами. Создание образа Нового Иерусалима на данном пространстве включает, по нашему мнению, следующие аспекты: сакральная топография, архитектурная копия, архитектурная икона, топография храма Гроба Господня, топонимика приделов, топонимика Воскресенского собора, палестинские наименования, евангельская топография, топография и топонимика пустынь, гор, пещер, реликвии, святые мощи.

Создание иконы Нового Иерусалима на Русском Севере осуществлялось в первую очередь через копирование сакральной топографии. Так, на Соловках, на острове Анзер, появляется гора Голгофа, по направлению к которой совершают свой крестный путь паломники. Соловецкая легенда рассказывает, что освятил Круглую гору и назвал ее Голгофой преподобный Иова Анзерский, в схиме Иисус. Он увидел в келье необыкновенный свет и в сиянии Пресвятую Богородицу, а с Нею Елеазара Анзерского: «Царица Небесная повелела старцу: “Гору сию нареки второй Голгофой, потому что со временем ей придется много пострадать и стать неисчислимым кладбищем. На вершине горы построй храм во имя Распятия Моего Сына. Я же вовек пребуду в месте сем”. С этими словами видение кончилось, но тотчас послышался с высоты другой голос: “Освяти гору Голгофу и поставь на ней крест!” Иеросхимонах Иисус пришел на гору, освятил ее, поставил крест. Позднее здесь был поставлен храм и началось строительство Голгофо-Распятского скита» [11; 11].

Перенос сакральной топографии Святой земли на Валаам происходит через крестный путь от Воскресенского скита до монастыря. Как и Воскресенский храм на горе Сион в Иерусалиме, храм Воскресенского скита Нового Иерусалима на Валааме расположен на высокой Никоновской горе, Сионе. Спускаясь с Сионской горы по направлению к горе Елеон, путник в Иерусалиме должен был перейти Кедронский поток, выйти в Гефсиманию, расположенную у подножья горы Елеон. На Валааме также дорога с горы Сион (Никоновской) по мосту через Кедрон приведет нас в Гефсиманию с высокой горой, символизирующей Елеон.

Воскресенский храм на Валааме создавался по аналогии с храмом Воскресения Христова в Иерусалиме. В храме две церкви: верхняя церковь во имя Воскресения Христова и нижняя церковь во имя Святого апостола Андрея Первозванного – мраморный склеп «Кувуклия» с подобием Гроба Господня. Таким образом, архитектурная копия храма Гроба Господня на Валааме воссоздает непосредственную сущность самого святого места и его ауру. Храм Воскресенского скита построен на месте, где, согласно валаамской легенде, Андрей Первозванный поставил каменный крест. В монастырских источниках говорится, что появление христианства на Валааме связано с деятельностью святого апостола Андрея Первозванного [4; 8]. А. А. Козырева

отмечает, что «о пребывании апостола Андрея не только в Киевских землях и Новгороде, но и на острове Валаам повествуется в северных новгородских сказаниях» [7; 66].

Архитектурные копии Нового Иерусалима представлены также на архитектурных иконах Валаамского, Соловецкого, Важеозерского и других монастырей, на которых изображены обители и их основатели. На одних иконах образ монастыря находится в центре между его основателями, как на резной деревянной иконе XVII века «Преподобные Зосима и Савватий. Соловецкие чудотворцы», на иконе «Преподобные Сергий и Герман Валаамские, и Всея Руси чудотворцы» (XIX век); на других – основатели монастыря изображены на фоне сакрального пространства, на некоторых иконах они держат в руках образ обители. На иконе XIX века «Вселение на остров преподобных Савватия и Германа в 1429» иноки изображены на фоне скалистого острова и водной стихии. Самого монастыря на этой иконе нет. Современная икона Соловецкого монастыря «Явление Божией Матери и преподобного Елеазара преподобному Иову» воссоздает легенду об основателе Голгофо-Распятского Соловецкого скита Иове Анзерском. Преподобный изображен стоящим на коленях перед Пресвятой Богородицей и преподобным Елеазаром, на фоне своей кельи и сакрального пейзажа. Тропинка среди деревьев ведет на высокую гору, Голгофу, на вершине которой возвышаются белокаменные стены будущего скита с храмом Распятия Господня, устроенного, согласно легенде, по указанию Царицы Небесной в видении преп. Иове. Мечта, видение – Небесный Иерусалим стал явью, Земным Иерусалимом – Голгофой, но уже после ухода из жизни самого старца Иовы.

На иконе «Препп. Сергий и Герман, Валаамские чудотворцы» (акварель на фарфоре работы валаамских иноков 1850 года) иноки стоят на земле Валаамской, на фоне сакрального ландшафта, включающего как изображение острова, так и образ Спасо-Преображенского монастыря на горе Фавор, который отделяет от Преподобных водное пространство Монастырской бухты. Вода бухты делит пространство Валаама на реальное – это земля под ногами преподобных Сергия и Германа и сакральное – монастырь на горе. Широкие световые потоки, льющиеся с небес от иконы «Преображение Иисуса Христа» в руках ангелов, соединяют образы преподобных Сергия и Германа, стоящих на валаамской земле, с небесами, с вечным, что подчеркивает двойной смысл иконы: образ Валаамского монастыря как Земного Иерусалима и Небесного Града.

Одной из главных реликвий храма Воскресенского скита Нового Иерусалима была частица подлинного камня от входа в пещеру гроба Господня, доставленного из Иерусалима. Перед мраморным склепом с подобием Гроба Господня стоял кубической формы камень из красного гранита, идентичный тому, который был привален ко входу в пещеру, где после распятия находилось тело Иисуса Христа. На нем лежала частица подлинного камня из Иерусалима, освящавшая Валаам. Священной реликвией Александро-Свирского монастыря является плащаница, которая выставлена для обозрения и поклонения на стене под стеклом в церкви святого пророка Захарии и Елисаветы. Эта удивительная святыня является точной копией Туринской плащаницы, которых насчитывается всего шесть, две из них находятся в России: в Москве и в Александро-Свирском монастыре. На плащанице изображено тело Иисуса Христа в том виде, в каком оно было снято с креста и положено в гроб. Другой реликвией является фрагмент гвоздя, который был вбит в крест Иисуса Христа. Реликвией является и речной песок в часовне в честь Святой Троицы, обладающий, как считается, чудесной силой.

Главными святынями северных монастырей являются также сохранившиеся мощи их основателей или особо почитаемых иноков. Известно, что святые мощи основателей Валаамской обители, преподобных Сергия и Германа, четырежды переносились с Валаама на материк из-за нападения на остров и разорения монастыря шведами. В 1182 году мощи были возвращены на Валаам и находятся под спудом в нижнем храме Преображенского собора, где установлена их рака. В ноябре 1991 года под полом нижнего храма собора Рождества Богородицы Коневского Рождество-Богородичного монастыря были обретены мощи преподобного Арсения Коневского, являющиеся главной святыней обители. В 2000 году в Важеозерский мужской монастырь перенесены мощи инока Владимира, постриженника Важеозерской пустыни. Он хорошо известен в Санкт-Петербурге, где почитается как чудотворец и помощник всем страждущим. 28 июля на Богословском кладбище Санкт-Петербурга отслужили панихиду и вскрыли могилу. Были обретены мощи, их положили в ковчег, и вечером Важеозерский монастырь встречал их прибытие колокольным звоном. Некоторое время мощи инока Владимира находились в ковчеге и все желающие могли к ним приложиться. Многие замечали, что от них исходит тонкое благоухание, затем они были погребены [14; 349]. Согласно описанию Н. А. Чистовича, «в XII веке подвизался на Валааме преподобный Корнелий, основавший впоследствии на Онежском озере Палеостровский монастырь, в котором почивают его святые мощи под спудом» [17; 38]. В Соловецком монастыре почитают святые мощи преподобного Иова Анзерского, в схиме Иисуса, и др. Раки с мощами преподобных Германа, Зосимы и Савватия, священномучени-

ка Петра, архиепископа Воронежского, на один месяц, в августе, ставятся в Спасо-Преображенском соборе, в остальное время они находятся в храме святителя Филиппа.

Из описания Свято-Троицкого Александро-Свирского мужского монастыря в справочнике «Православные русские обители» (1910 год) известно, что в соборе Преображения Господня, в приделе во имя святого Александра Свирского, в драгоценной серебряной раке находятся мощи преподобного Александра Свирского. Празднование ему совершается в Троицын день, когда его мощи переносятся отсюда в Троицкий собор [13; 7].

Первое освидетельствование мощей святого Александра Свирского было в 1641 году. Обретение мощей сопровождалось мироточением, благоуханием и исцелениями: «Тело оказалось не истлевшим, и из-под покрывающей лицо материи была видна часть бороды» [2; 4]. 30 июля 1998 года мощи святого Александра Свирского были обретены повторно и по благословению Патриарха Алексия II торжественно перенесены из Санкт-Петербурга в Александро-Свирский монастырь [1; 5]. По описанию современных ученых (антропологов, анатомов, специалистов по черепно-лицевой хирургии), принимавших участие в освидетельствовании мощей, их внешний вид соответствует историко-архивным описаниям вида мощей преподобного Александра при первом их обретении. Обнаруженные мощи имеют необычайно хорошую сохранность. При идентификации было выявлено антропо-иконографическое сходство с изображением преподобного на иконах. Экспертами было отмечено необычное положение стоп преподобного, но и этот признак также был отмечен при первом обретении мощей и описан следующим образом: «Ноги же лежали как у новопочившего: правая плюсною кверху, левая обращена в сторону» [1; 5]. Современные антропологические исследования позволили выявить, что по этнической принадлежности преподобный Александр – вепс. Территория расселения вепсов в межозерье Ладоги, Онеги и Белого озера восходит к месту рождения преподобного. В настоящее время мощи преподобного Александра Свирского в деревянной раке находятся в соборе, к ним по-прежнему съезжаются для поклонения паломники со всей России.

Таким образом, рассматривая культ поклонения святым мощам в контексте иеротопии, можно выделить ряд аспектов создания священного пространства в русских северных монастырях: появление отшельника, проживавшего в пустыне и основавшего монастырь; чудеса, связанные с аскетизмом и деятельностью преподобных при жизни, появление чудотворных мощей святого и формирование ритуалов, связанных с его почитанием.

Сакральное пространство Нового Иерусалима на Русском Севере создавали его подвижники. Религиозный человек стремится к нравственной чистоте, и когда внешний мир нарушает целостность его жизни, удаляется из этого мира, уходит в монастырь, где находится сообщество одинаково настроенных людей. У. Джеймс сравнивает стремление к чистоте с аскетизмом, который может выступать в различных формах. Это аскетизм как проявление мужественного характера, умеренность в пище и питье, простота в одежде, целомудрие как результат стремления к чистоте духа, лишения и самоистязания как искупление грехов и др. Понятие аскезы означает духовное подвижничество Христа ради, когда в стремлении к духовной жизни подавляются потребности тела, кроме самых необходимых. Наиболее аскетичные иноки северных монастырей жили в пустынях, в пространстве аскезы, отдаленном от мира и полном дьявольских искушений, которое в то же время представляло священное и мифологизированное пространство: Иоанн Предтеченский жил в пустыне, в тридцать лет он начал там проповедовать. Так и Иисус после крещения в Иордане ушел в пустыню, где остался один. Сорок дней он воздерживался от пищи и сопротивлялся дьяволу. Пустыня является эсхатологической категорией: «Так, Господь утешит Сион. Утешит все развалины его, и сделает пустыни его, как рай, и степь его, как сад Господа» [3; 722].

Для христианина, стремящегося к духовному совершенству, истинная чистота связана со святой жизнью. Многие «святые» сознательно поддерживали в себе отрицательные элементы религиозного чувства: унижение, физические лишения, «так как в душе усиливалась радость в той же мере, в какой увеличивались их тяжкие физические страдания. Никакое душевное движение, кроме религиозного, не может дать человеку таких переживаний» [6; 47]. Соловецкие чудотворцы преподобные Савватий и Герман провели шесть лет в отшельничестве на Большом Соловецком острове, в память о них здесь был устроен Савватиевский скит и селились иноки, искавшие пустынножительства. Ученик преподобного Александра Свирского Геннадий жил в пустыне на озере Важе, где инок Никифор основал Задне-Никифоровскую Важеозерскую пустынь. Преподобный Арсений провел год в отшельничестве на острове Коневец.

Иноки Валаамского монастыря также поддерживали аскетическую традицию. Так, настоятель о. игумен Дамаскин после пострижения в монахи прожил три года в отшельничестве в пустыне. В его келье стоял гроб, который он сам сделал и в котором спал, укрываясь крышкой вместо одеяла. Он носил железные вериги, о чем рассказывал впоследствии своему учени-

ку [5; 113]. Другой валаамский инок Александр, основавший впоследствии на реке Свирь Троицкий монастырь и получивший имя Александр Свирский, в 26 лет был пострижен на Валааме и 11 лет провел в отшельничестве на острове Святом, расположенном в 8,5 км к востоку от Валаама. Он жил в узкой каменной пещере, недалеко от которой сохранилась могила, выкопанная Александром для себя самого. На берегу реки Свирь в пустыне между озерами Рощинским и Святым преподобный Александр провел 7 лет в отшельничестве: «Он пел псалмы и трудился. Едой ему служила трава. Не сразу Александр привык к этой пище: поначалу он испытывал такие боли, что целыми днями лежал на земле, не имея сил подняться. Многие годы он не видел ни одного человеческого лица» [12; 12]. Валаамский иеросхимонах Никон несколько лет прожил в пещере, заполненной змеями.

Таким образом, пустыня, пещера – это локус контакта земного и небесного. Для религиозного человека отказ от всех благ земной жизни приводит к изменению его внутренней жизни, к полному сосредоточению на ней, к преодолению еще одной ступени на пути к духовному рождению. В культе скромности и нищеты есть мистическое чувство самоотречения, а также стремление к искренности, чувство равенства перед Богом всех созданных им существ, любовь к человечеству и готовность ему служить. У. Джеймс описывает такое состояние, знакомое только религиозным людям, когда стремление спастись сменяется потребностью превратиться в ничто перед Господом. «При таком состоянии духа то, чего мы прежде страшились, становится средством спасения, а миг моральной смерти обращается в миг духовного рождения» [6; 41]. Отречение от прежнего образа жизни происходит для любого человека постепенно и является следствием его любви к ближним. Для того чтобы понять высшие религиозные чувства, человек должен быть способен сам их ощущать. Тот, кто находится вне этих чувств, никогда не сможет понять того божественного состояния, которые они вызывают в душе верующего. Аскетизм, набожность, чистота и милосердие являются определяющими признаками «святости».

Следовательно, подражание Небесному Иерусалиму, имевшее не только иеротопическое, но и ритуальное значение, должно было служить убедительным доказательством того, что на Русском Севере была частица Святой Земли. Создание Новых Иерусалимов на Валааме, Соловках и на территории других идентичных сакральных пространств Русского Севера является важнейшей частью задуманного патриархом Никоном проекта по превращению всей Руси в новую Святую землю.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александро-Свирский монастырь [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.vogrehe_all_7.html
2. Александро-Свирский Свято-Троицкий монастырь [Электронный ресурс]. Режим доступа: http // eparhia.karelia.ru/svirmon.htm
3. Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Завета. М.: Всесоюзный Совет евангельских христиан-баптистов, 1968. 297 с.
4. Валаамский монастырь // Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений. 1847. Т. 68, № 272. С. 495–498.
5. Валаамский монастырь и его святыни. Л.: Государственный Русский музей. Фонд возрождения, 1990. 176 с.
6. Джеймс У. Многообразие религиозного опыта. М.: Наука, 1993. 431 с.
7. Козырева А. А. Тайны крещения Руси. М.: ОНИКС, 2007. 384 с.
8. Лидов А. М. Новые Иерусалимы. Перенесение Святой Земли как порождающая матрица христианской культуры // Новые Иерусалимы. Иеротопия и иконография сакральных пространств. М.: Индрик, 2009. С. 5–7.
9. Линник Ю. В. Духовность Русского Севера. Петрозаводск: Музей космического искусства им. Н. К. Рериха, 2007.
10. Литвин А. С. География православия // Православие в Карелии: Материалы III региональной науч. конф., посвящ. 780-летию крещения карелов (16–17 октября 2007 года). Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2008. С. 169–176.
11. Православные монастыри. Путешествие по святым местам. Спасо-Преображенский Соловецкий монастырь // 2009. № 3.
12. Прозорливость святого Александра Свирского [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.vogrehe.ru/page_all_7.html
13. Свято-Троицкий Александро-Свирский мужской монастырь [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.palomniksofia.ru/s-svjatotroickij
14. Сорокина Т. В. Краткое житие инока Владимира // Православие в Карелии: Материалы III региональной науч. конф., посвящ. 780-летию крещения карелов (16–17 октября 2007 года). Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2008. С. 349–357.
15. Теребихин Н. М. Метафизика Севера. Архангельск: ПГУ им. М. В. Ломоносова, 2004. 271 с.
16. Флоренский П. Иконостас. Избранные труды по искусству. СПб.: Мифрил, Русская книга, 1993. 366 с.
17. Чистович И. А. История православной церкви в Финляндии и Эстляндии, принадлежащих к Санкт-Петербургской епархии. СПб.: Тип. Я. Трея, 1856. 154 с.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Май, № 3 **Экономика** **2012**

УДК 332.1

ВЛАДИМИР БОРИСОВИЧ АКУЛОВ
доктор экономических наук, профессор, декан экономического факультета, Петрозаводский государственный университет
akulov@onego.ru

КАЧЕСТВО ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СРЕДЫ И КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ ЭКОНОМИКИ СЕВЕРА

В статье обосновывается положение о том, что в современных условиях глобализации и возрастания роли институтов конкурентоспособность экономики Севера может возрастать. С использованием эмпирического материала доказывается, что качество институциональной среды регионов, граничащих с высокоразвитыми экономиками Евросоюза, повышается, благотворно влияя и на их конкурентоспособность.

Ключевые слова: конкурентоспособность, экономика Севера, глобализация, трансакционные издержки, состояние (качество) институциональной среды

Вопрос о конкурентоспособности экономики Севера представляется важным для определения места северных территорий России в стратегии развития нашей страны. Формально трансформационные издержки на таких территориях выше, чем в субъектах РФ с нормальными по меркам России природно-климатическими условиями. Однако в современной экономике все большую роль играют трансакционные издержки [5], связанные с деятельностью институтов и существованием институциональной среды.

Такие издержки понимаются нами как затраты, связанные не только с контрактной формой организации, но и те, которые могут обеспечить дополнительные гарантии получения ожидаемой прибыли. В этой связи особый интерес приобретает влияние институциональной среды на эффективность функционирования экономики и в конечном итоге на конкурентоспособность северных территорий, что и является основной проблемой данной публикации. Конкурентоспособна ли экономика Севера в современных условиях, характеризующихся глобализацией и возрастанием роли институтов?

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ ЭКОНОМИКИ СЕВЕРА

Нам уже доводилось писать по данному вопросу [1], [3], [4]. По нашим представлениям, глобализация дает возможности для возрастания конкурентоспособности экономики северных территорий России.

Каким образом это происходит?

1. Изменяется структура издержек, «разрыв» в величине абсолютных затрат между хозяйствованием в северных регионах и регионах с нормальными природно-климатическими условиями сокращается.

2. Возрастает роль и значение относительных издержек (теория сравнительных преимуществ с учетом современной глобализации).

3. Происходит уменьшение роли (сокращение доли) утилитарно-экономических издержек.

4. Возрастает роль факторов *экономического*, а не *финансового* порядка при определении конкурентоспособности.

5. Расширяется круг *учитываемых затрат* при принятии экономических и финансовых решений.

Теперь рассмотрим подробнее каждое из высказанных соображений.

1. В результате прогресса производительных сил объективно сокращаются издержки на единицу продукции, связанные с продолжением процесса производства в сфере обращения. К таковым относятся: затраты на транспортировку, хранение, упаковку, доведение до потребителя. Это позволяет, например, сделать конкурентоспособным по формальным издержкам производство молока в Карелии при условии его поставки в Мурманскую область. В таком случае в более северных районах имеет смысл производить продукцию территориальной специализации, а не заниматься самообеспечением, не считая издержки. Напомним, что Мурманская область в советское время была в числе лидеров по удоям молока на одну корову. При этом никто всерьез не считал затраты.

2. Принцип ограниченности ресурсов базируется на положении, что главным (определяющим) фактором при выборе альтернативы использования ресурсов становится *абсолютная величина издержек* (затрат). Это выглядит вполне обоснованным, так как затраты на сырье и материалы в конечном итоге определяют и величину продажной цены, на которую реагируют потребители, выбирающие при прочих равных условиях товары с более низкими ценами.

Однако еще в XIX веке Д. Рикардо сформулировал ***принцип сравнительных преимуществ***, в основе которого *не абсолютные*, а *относительные затраты.* Это дает возможность достаточно эффективно вести бизнес и получать преимущества от обмена результатами хозяйственной деятельности и с большими, чем у конкурентов, абсолютными издержками [7]. На этой

© Акулов В. Б., 2012

методологической основе строится теория внешней торговли и международного разделения труда.

Это означает, что конкурентоспособное производство, например, углеводородов и на российском Севере вполне возможно уже в недалеком будущем. Уже сегодня начато освоение Приразломного месторождения в Карском море, нефть которого поступает в Мурманский морской порт, где на нефтяном терминале она перегружается в супертанкеры, доставляющие ее в страны Западной Европы.

Как нам представляется, *сравнительные преимущества в условиях глобализации не только не исчезают, а наоборот, претерпевают дальнейшую дифференциацию, что приводит к расширению спектра издержек, которые признается обществом в качестве общественно-нормальных.* Это позволяет вести успешную экономическую деятельность (с точки зрения сопоставления результата и затрат) в регионах, где еще вчера это было невозможно (экономически необоснованно). Российский Север как раз находится в таких условиях.

Считается, что *абсолютная величина* издержек хозяйственной деятельности на российском Севере существенно выше, чем в других, менее суровых по климату частях нашей страны, не говоря уже о развитых капиталистических странах. Затраты на воспроизводство рабочей силы несопоставимы с аналогичными в других регионах России и мира.

Однако, когда речь идет об *относительных затратах* (*относительных преимуществах*), ситуация уже не представляется столь катастрофической для российского Севера. Это в значительной степени определяется тем, что структура российских цен существенно отличается от аналогичной на Западе. Напомним, что и абсолютные, и относительные цены на энергоносители (нефть, газ, уран) и электроэнергию в России ниже, чем в развитых капиталистических странах.

3. В условиях глобализации и усложнения мировой экономики роль издержек, которые мы называем утилитарно-экономическими, снижается, так как сокращается их доля в общей величине бухгалтерских затрат. Это обусловлено удлинением технологических цепочек за счет сфер, напрямую не связанных с производством. Это не только продолжение процесса производства в сфере обращения (см. выше), где формируются трансформационные издержки, но и затраты, связанные с существованием денежного (финансового) механизма (конвертация валюты, выбор конкретных финансовых инструментов для совершения сделок и пр.). Кроме этого, существенно возросли издержки, которые Р. Коуз называл трансакционными. Сюда следует отнести затраты, связанные с контрактной формой организации экономических отношений и обеспечения дополнительных гарантий получения ожидаемого результата хозяйствования.

4. Схлопывание «пузырей» на финансовом рынке привело к сокращению доли финансовых услуг в ВВП развитых стран, в том числе и России. Напомним, за последние десять лет лопнули два таких «пузыря»: в начале десятилетия – в интернет-сфере, а в 2008–2010 годах – в сфере ипотечного кредитования и жилищного строительства. При таком развитии событий объективно более конкурентоспособными оказались экономики с меньшей долей в них финансовых услуг. Российская экономика, безусловно, относится к таковым. Следовательно, возрастет конкурентоспособность не только отечественного хозяйства в целом, но и экономики Севера как важной его части.

5. При принятии финансовых решений действует правило, что издержки для принятия решений (релевантные) не равны бухгалтерским издержкам количественно и не соответствуют им качественно. Поэтому в круг релевантных входят, помимо части бухгалтерских, издержки неявные, вмененные, часть трансакционных (после совершения сделки) и издержки, возникающие в связи с появлением монополистических тенденций внутри фирмы [2]. Очевидно, что при этом доля бухгалтерских издержек количественно сокращается, что при прочих равных условиях дает экономике Севера дополнительные возможности в повышении ее конкурентоспособности на основе собственно издержек.

РОЛЬ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СРЕДЫ В ПОВЫШЕНИИ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ЭКОНОМИКИ СЕВЕРА

Прежде всего необходимо отметить, что на конкурентоспособность национальной экономики большое влияние оказывает макроэкономическая эффективность, которая, в свою очередь, самым непосредственным образом связана с состоянием (качеством) институциональной среды. Заметим, что институциональная среда и состояние (качество) институциональной среды – это категории, сложившиеся в экономической науке и введенные Д. Нортом [6], [8].

Макроэкономическая эффективность зависит не только от величины ресурсов, вовлеченных в хозяйственный оборот, и размеров затрат, сложившихся в народном хозяйстве. Определяющими ее факторами также являются:

- поведение экономических субъектов, их реакция на изменение параметров среды обитания,
- уровень развития информационных технологий,
- существующая система бухгалтерского учета,
- организация денежного обращения и денежных расчетов,

- уровень организованности национальной экономики,
- состояние (качество) институциональной среды, уровень развития институтов (правил), ограничивающих поведение экономических субъектов, и выполнения данных правил всеми участниками экономических отношений.

Таким образом, мы можем утверждать, что состояние (качество) институциональной среды играет заметную роль в определении уровня конкурентоспособности [4].

Нас интересует конкурентоспособность экономики Севера. Вряд ли можно утверждать, что в национальной экономике такой страны, как Россия, институциональная среда является однородной. Это означает следующее: если мы сможем показать, что в северных регионах, например, примыкающих к Евросоюзу, качество (состояние) институциональной среды повышается, то это даст нам определенные основания говорить о дополнительных факторах, положительно влияющих на конкурентоспособность «северной» экономики.

Ученые, представляющие Петрозаводский государственный университет и Институт экономики Карельского центра Российской академии наук, при выполнении темы научных исследований в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы опросили более 800 домохозяйств, руководителей более 50 карельских фирм, а также чиновников местных органов власти.

После предварительной обработки результатов выяснилось, что трансграничное сотрудничество (проявление процессов глобализации на региональном уровне) в целом положительно влияет на состояние (качество) институциональной среды.

Это проявляется в большей ответственности карельского бизнеса. Особенно это заметно в регионах, непосредственно примыкающих к Финляндии (Костомукша, Сортавала). Финские предприниматели, работающие с карельскими партнерами, привносят в бизнес-среду схемы, которые серьезно снижают коррупционную составляющую. Общие затраты бизнеса здесь снижаются именно за счет трансакционной составляющей.

Опрошенные граждане (домохозяйства) также в целом положительно воспринимают трансграничное сотрудничество. Они достаточно адекватно ориентируются в правилах функционирования рыночной экономики. Это способствует снижению потребительских расходов, связанных со сделками (одна из форм трансакционных издержек). При этом формируются позитивные ожидания, что становится фактором, реально влияющим на хозяйственное развитие территорий в силу способности ожиданий к материализации.

Даже эти предварительные результаты позволяют с высокой вероятностью утверждать, что описанные выше процессы позитивно влияют на качество институциональной среды приграничных северных территорий (в целом повышая его). Таким образом, мы получаем эмпирические данные, подтверждающие наше предположение о возможностях возрастания конкурентоспособности «северной» экономики, по крайней мере в части, примыкающей к высокоразвитым экономикам Евросоюза, за счет улучшения состояния институциональной среды.

Статья написана в рамках выполнения ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы. Государственный контракт № 16.740.11.0418 от 26 ноября 2010 года.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акулов В. Освоение морского пространства Арктики в эпоху глобализации // Морской сборник. 2005. № 4. С. 61–64.
2. Акулов В. Финансовый менеджмент. 3-е изд. М.: Флинта, 2007. С. 17–25.
3. Акулов В. Б. Глобализация и освоение экономического пространства Севера (общий подход) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер. «Общественные и гуманитарные науки». 2008. № 1. С. 122–127.
4. Акулов В. Конкурентоспособность экономики Севера в условиях формирования новой парадигмы мирового развития (общий подход) // Север и Арктика в новой парадигме развития: Материалы Пятой междунар.-практ. конф. Апатиты, 8–10 апреля 2010 г. Апатиты: КНЦ РАН, 2010. С. 3–5.
5. Коуз Р. Природа фирмы / Пер. с англ. Б. Пинскера // Теория фирмы / Сост. В. М. Гальперин. СПб.: Экономическая школа, 1995. С. 11–32.
6. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики: Пер. с англ. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.
7. Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения: Пер. с англ. Т. 1, гл. 7 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.seinstitute.ru/Files/Veh6-08_Ricardo.pdf
8. Davis L., North D. Institutional Change and American Economic Growth. Cambridge, 1971.

Май, № 3 **Экономика** **2012**

УДК 330.1

НИКОЛАЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ЛЕВКИН
доктор экономических наук, профессор кафедры менеджмента экономического факультета, Петрозаводский государственный университет
levkip@mail.ru

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ ЛАПТЕВ
кандидат экономических наук, доцент кафедры теоретической экономики и государственного и муниципального управления экономического факультета, Петрозаводский государственный университет
econfac@psu.karelia.ru

НОВЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ТИПОЛОГИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

В статье проводится критический обзор существующих методологических подходов к анализу социально-экономических систем. Выдвигается и рассматривается гипотеза о возможности междисциплинарного изучения социально-экономических систем с позиций социосинергетики и интегральной психологии. Предлагается возможный вариант типологии социально-экономических систем на основе Ц-матриц (V-MEMES).

Ключевые слова: социально-экономическая система, типология социально-экономических систем, социосинергетика, интегральная психология

В последние годы существования и после распада Советского Союза в исследованиях фундаментального характера экономистов, социологов и политологов не утихают ожесточенные споры о природе и характеристиках современных социально-экономических систем. Эти споры имели бы чисто академическое значение, если бы их результаты прямо не затрагивали реальное состояние экономики России и жизни общества в целом. В зависимости от направления вектора научных дискуссий начиналось активное строительство «социализма с человеческим лицом» (1980–90-е годы), «социально ориентированного капитализма» (начало 1990-х годов), «цивилизованной рыночной экономики» (2000-е годы), «постиндустриального общества» с акцентом на «догоняющую модернизацию» (настоящее время). Точкой отсчета для таких теоретических конструкций становится, как правило, описание уже существующей на текущий момент времени системы экономической жизни российского общества. И здесь разброс мнений становится запредельно широким. Попытку обобщить это многообразие предпринял американский социолог В. Э. Шляпентох. Из огромного количества ярлыков, при помощи которых специалисты характеризуют современную Россию и ее социально-экономическую систему, он выделяет пять групп [11; 17–18]. Первая группа содержит общие определения общества с самых широких позиций цивилизационного подхода, такие как «нормальное общество», «переходное общество», «трансформационное общество», «православная цивилизация» и «евроазиатская цивилизация». Вторая группа содержит политические характеристики: «монархия», «избираемая монархия», «патерналистское общество», «управляемая демократия», «суверенная демократия», «суперпрезидентская республика», «криминально-синдикалистское государство», «авторитаризм», «тоталитаризм», «демократическая форма царизма», «феодализм», «расколотое общество», «российская демократия», «либеральная империя» и т. п. Третья группа терминов делает попытку описать экономическую структуру общества: «олигархический капитализм», «государственно-монополистический капитализм», «дикий капитализм», «криминальный капитализм», «клептоманный капитализм», «гангстерский капитализм», «хищный капитализм», «рыночный большевизм», «клановый капитализм», «незрелый капитализм», «мутантный капитализм», «капитализм джунглей», «корпоративное общество», «феодализм лавочников», «бюрократическо-олигархический капитализм», «паразитарный капитализм», «номенклатурный капитализм», «управляемый рынок», «развивающаяся экономика», «транзитивная экономика» и т. д. Четвертая группа акцентирует внимание на национальной и этнической идентичности, используя такие термины, как «евразийская нация», «постсоветское общество», «интернациональная империя», «часть западной цивилизации», «синтетическое общество» и т. д. И наконец, некоторые авторы фокусируют свое внимание на характеристиках, связанных с положением России и ее восприятием в мире: «энергетическая сверхдержава», «сырьевой придаток развитых стран», «страна с отсталыми технологическими укладами», «ядерная супер-

© Левкин Н. В., Лаптев А. А., 2012

держава», «демократия среднего дохода», «институционально несовершенное общество», «переходное общество». Данные примеры наглядно показывают, что попытки описать российское общество и дать развернутую характеристику его социально-экономической жизни в терминах одной интегративной системы (либеральной, авторитарной, демократической, рыночной, социалистической и любой другой) обречены на провал. Такая же проблема возникает и при описании других социально-экономических систем (американской, западноевропейской, японской, латиноамериканской, скандинавской и т. д.).

Почему же современная наука оказывается неспособной дать определение ключевой для жизни современного общества категории «социально-экономическая система» (что находит свое отражение в широком разбросе мнений и научных позиций, каждая из которых, казалось бы, имеет полное право на существование, но при этом не позволяет реализовать важнейшую прогностическую функцию научного знания)? Почему мы не можем избежать весьма ощутимой и болезненной фрагментации научного знания по этому вопросу? Проблема заключается в использовании неадекватного современному состоянию науки и общества научного аппарата, в основе которого лежит системная методология образца 1950–60-х годов. Начиная с 1970–80-х годов мы наблюдаем четкую тенденцию к сдвигу научной парадигмы познания жизни социально-экономических систем, что находит свое отражение в смене способа понимания окружающей хозяйственной реальности, влиянии открытий в одной научной области на многие другие области, существовании огромного массива данных, которые не находят своей интерпретации в рамках старой системной парадигмы. Непризнание фундаментальной экономической наукой этих изменений во многом привело к тем катастрофическим последствиям, которые произошли в экономике России в начале и середине 1990-х годов.

Основой прежней системной методологии была и остается кибернетика, претендовавшая в XX веке на роль всеохватывающей науки об управлении сложными системами самого разного порядка и ранга (по замыслу ее создателей – Н. Винера, Ст. Бира и Г. Клауса, кибернетика является наукой об общих принципах управления в технике, человеческом обществе и в живых организмах). Благодаря кибернетике современная наука значительно расширила свой понятийный аппарат, прежде всего за счет концепции «черного ящика», аналогий с механизмами управления, реализуемыми в биологических системах (в первую очередь с механизмом гомеостазиса), и таких понятий, как «обратная связь», «вход» и «выход» системы, принцип «внешнего дополнения», «энтропия», «информация» как отрицание энтропии и т. п. Однако уже сам Ст. Бир в своих работах отмечал, что управление социально-экономической системой – это управление не людьми, финансовыми ресурсами, материальными потоками или информацией, а прежде всего управление сложностью. Мерой сложности является разнообразие состояний, и поэтому в основе модели жизнеспособной системы лежит действие закона необходимого разнообразия У. Эшби, который требует, чтобы набор управленческих реакций был не менее богатым, чем набор возможных состояний среды, проблемных ситуаций в окружении социально-экономической системы [10; 136]. Кибернетика не смогла до конца адекватным образом описать и решить всю гамму проблем, возникающих при управлении сложностью. Во многом причиной этого стал технократический редукционизм (взаимосвязи управляющих и управляемых систем в кибернетике, как правило, изучаются лишь в той мере, в какой они допускают выражение средствами математики и формальной логики), а также отрыв от последних достижений целого спектра наук (начиная с последних открытий в области изучения мозга человека и заканчивая новыми представлениями об эволюции биологических и социальных систем, сформированных, например, еще в рамках ноосферного подхода русскими учеными конца XIX – начала XX века). Пересматриваются и базовые положения кибернетики в связи со становлением принципиально новых понятий и закономерностей, описывающих поведение сложных систем. Кибернетические «провалы» устраняются во многом за счет обращения к относительно новому направлению междисциплинарных изысканий – синергетике. Современная трактовка этого понятия заключается в том, что синергетика – это научная дисциплина, изучающая основные законы самоорганизации сложных систем (в нее входят такие области, как нелинейная динамика, хаос, фракталы, катастрофы, бифуркации, волны, солитоны, полевые эффекты и т. п.). Главная заслуга синергетики на современном этапе ее развития и ключевое отличие от кибернетики заключается в нахождении пути преобразования неустойчивости в устойчивость, вскрытии механизмов, делающих такой переход неизбежным, а также анализе диапазона и иерархии детерминирующих факторов, обусловливающих фазовые переходы [8; 47]. Этим объект синергетики как научной дисциплины коренным образом отличается от объекта изучения кибернетики – устойчивых управляемых саморегулируемых систем, как правило, целевых и равновесных [6; 162].

Одним из важнейших междисциплинарных направлений синергетики на современном этапе ее развития выступает исследование самоорганизации социальных систем (социосинергетика). Основы познания развития социально-экономических систем как неравновесных структур были

заложены еще в работах К. Маркса и Ф. Энгельса. Огромный вклад в познание хозяйственной действительности как сложного многомерного объекта с большим количеством прямых и обратных положительных и отрицательных связей был внесен в экономическую науку Ф. Листом, А. А. Богдановым, Н. Д. Кондратьевым, Й. Шумпетером, К. Поланьи, Л. Мизесом и Ф. Хайеком. Однако эти ученые давали лишь фрагментарное представление о сущности социально-экономических систем как самоорганизующихся объектов. Значительный прорыв в этом направлении был сделан в конце XX века в работах многих зарубежных и отечественных исследователей (Р. Ф. Абдеев, В.-Б. Занг, А. И. Добрынин, Р. Нельсон, С. Уинтер, Д. Норт, Г. Б. Клейнер, В. И. Маевский, Е. В. Попов, Л. П. Евстигнеева, Р. И. Евстигнеев, С. Д. Хайтун и др.). Важным выводом из анализа работ этих авторов является то, что социально-экономическая система четко удовлетворяет требованиям, предъявляемым к саморазвивающимся системам любой сложности [3], [4], [7], [8]. Господствующая позиция к классификации социально-экономических систем в экономической науке отталкивается от институционально-технологического и/или формационного подходов, исходя из содержания которых выделяются последовательно сменяющие друг друга этапы в развитии человеческого общества: первобытно-общинный, аграрный, промышленный, или индустриальный, и постиндустриальный способы общественного производства. Движущей силой социальных преобразований является процесс развития производительных сил общества. В свою очередь, в обоснование процесса развития производительных сил человеческих обществ легло положение о постоянно возобновляющемся процессе развития и обогащения человеческих потребностей. Непрерывно растущие потребности людей приводят к увеличению потребительского спроса на рынке товаров и услуг. Для удовлетворения возросшего потребительского спроса необходим рост производства и появление продукции с новыми потребительскими качествами. Эту задачу выполняют ученые, конструкторы, инженеры, совершенствующие технологию производственного процесса, а также другие специалисты и работники, участвующие в развитии производительных сил общества. Простота и ясность теоретических положений данной гипотезы способствовали ее быстрому и широкому распространению, и она стала предлагаться как единственно возможное объяснение причин, определяющих процесс развития производительных сил и человеческого общества в целом. При этом многие ученые до сих пор стоят на позиции технологического или экономического детерминизма, исходя из принципа «человек есть функция экономики». Если же исходить из принципа «экономика есть функция человека», то становится очевидным, что процесс экономической эволюции – это прежде всего процесс развертывания саморазвивающейся системы потребностей людей. Технологии, масштабы производства, производительность труда и сложность хозяйственных связей в этом случае могут рассматриваться лишь как системный фон для ее развития. И такой взгляд на эволюцию социально-экономических систем намного ближе к социосинергетической парадигме, чем традиционный технократический. Таким образом, ключевыми для современного этапа развития экономической науки становятся исследования, посвященные человеческим потребностям. Однако потребности выступают скорее как объект и предмет изучения психологии, чем экономики, так как потребности прямо связаны с сознанием человека. В связи с этим возрастает роль междисциплинарных изучений потребностей людей, находящихся на стыке экономики и психологии. И здесь мы снова видим преимущества социосинергетического подхода по сравнению с альтернативными методологическими конструкциями. Наиболее важными гипотезами при изучении социально-экономических систем, по мнению социосинергетиков, являются следующие: 1) предположение о существовании социально-исторических архетипов; 2) обусловленность архетипов нелокальным полем развития сознания человека; 3) ритмокаскадная природа развития архетипов [5; 237].

Механизмы социального наследования, свертывания информации, а также регуляции психических и поведенческих актов огромным опытом прошлого, прямо влияющие на мир потребностей человека, подробно исследованы психологами, особенно принадлежащими к культурно-исторической и когнитивной школам (Л. Выготский, А. Урия, А. Асмолов, Дж. Келли, М. Коул и др.). Они представлены в профессиональном тезаурусе такими категориями, как интериоризация, конструкт, мем (единица культурной памяти), социогенетический закон (мышление и прочие психические функции ребенка воспроизводят в своем развитии стадии предыдущего развития культуры) [9; 139]. Обусловленность архетипов развития нелокальным полем сознания человека может быть проиллюстрирована обращением к последним достижениями интегральной психологии. Один из основоположников и ведущий теоретик трансперсональной психологии К. Уилбер раскрывает спиральную динамику развития сознания и самосознания человека на примере модели матриц ценностей (Ц-матриц), разработанной психологами К. Грейвзом, Д. Беком и К. Коуэном [9; 68–76]. По мнению К. Грейвза, «психология зрелого человека представляет собой развертывающийся, творческий, возвратно-поступательный и спиральный процесс, этапы которого отмечены все большим подчинением старых систем поведе-

ния более низкого порядка новым системам более высокого порядка по мере того как меняются экзистенциональные проблемы человека. …Каждый последующий этап, волна или уровень экзистенции – это состояние, через которое люди проходят на своем пути к другим состояниям бытия» [9; 59–60]. Чувства человека, его мотивация, этика и система ценностей, биохимия, степень активации нервной системы, системы научения, системы убеждений, концепции и предпочтения в сфере менеджмента, образования, экономики политической теории и практики – все они соответствуют этому состоянию. Каждая Ц-матрица – это одновременно психологическая структура, система ценностей и стиль адаптации, которые могут выражаться множеством способов, от мировоззрений до манеры одеваться и форм государственного управления. Различные Ц-матрицы, в определенном смысле, представляют собой разные этапы в развитии человеческого сознания и общества в целом, доступные нашей цивилизации в ходе ее движения по диалектической спирали под действием как ее собственной динамики, так и меняющихся условий жизни. Каждая Ц-матрица превосходит и включает в себя своих предшественников – это развитие как расширение охвата (синергетический принцип «матрешки»). Разные уровни эволюции сознания – не просто проходящие фазы; они представляют собой постоянно доступные способности и стратегии адаптации, которые могут активизироваться при соответствующих условиях жизни (например, инстинкты выживания могут активизироваться в чрезвычайной ситуации). Спираль Ц-матриц является беспорядочной и состоит из многообразных смесей, образующих мозаики, сетки, гибриды. Наиболее значимые классификационные признаки, которые могут быть положены в основу типологии социально-экономических систем, задаются характеристиками того или иного уровня Ц-матрицы, а также их взаимодействием и взаимопроникновением друг в друга.

Ниже дается краткое описание всех волн, образующих Ц-матрицы, доли населения мира, находящегося на каждой волне, и доли общественной власти и экономического влияния, которыми обладает каждая из этих групп.

1. *Архаически-инстинктивный уровень.* Уровень физического самосохранения. Приоритет отдается пище, воде, теплу и безопасности. Инстинкты и навыки используются только для выживания. Для продолжения жизни формируются группы выживания. Наблюдается в первобытных обществах, экономике психически больных бездомных («экономика бомжей»), при массовом голодании, при военном неврозе. 0,1 % взрослого населения земного шара, 0 % власти.

2. *Магически-анимистический уровень.* Мышление по преимуществу анимистического типа: землю переполняют злые и добрые магические духи, которые оставляют за собой благословения, проклятия и колдовские чары, определяющие все события. Общности формируются по типу этнических племен. Духи предков связывают племя воедино. Политические связи устанавливаются в соответствии с принципом кровного и племенного родства. Наблюдается верование в злое колдовство, кровные клятвы, кровная месть, талисманы удачи, семейные ритуалы, этнические магические верования и предрассудки. Распространен в экономиках третьего мира, в криминальной экономике, спортивных командах и корпоративных кланах, некоторых социально-экономических системах кавказского региона РФ. 10 % населения Земли, 1 % власти.

3. *Магически-мифический уровень.* Мифические духи, драконы, чудовища и богатыри. Феодальные властители защищают своих подданных в обмен на их верность и труд. Основа власти – сила и слава. Мир видится как джунгли, полные опасностей и хищников. Где наблюдается: менталитет «переднего края», бунтующая молодежь, наемные солдаты, экономика шоубизнеса, феодальные вотчины. 20 % населения, 5 % власти.

4. *Сакрально-абсолютистический уровень.* В жизни есть смысл, направление и цель, и все определяется всепроникающим порядком. Этот порядок насаждает кодекс поведения, основанный на неизменных понятиях «правильного» и «неправильного». Нарушение кодекса влечет за собой суровое наказание. Соблюдение кодекса вознаграждается. Основа древних наций (цивилизаций). Жесткая социальная иерархия; патернализм; существует только один правильный образ мышления; фундаменталистские убеждения. Где наблюдается: пуританская Америка, викторианская Англия, экономический ортодоксальный либерализм, кодексы чести и рыцарства, исламский фундаментализм, патриотизм. 40 % населения, 30 % власти.

5. *Рационально-эгоистический уровень.* Мир представляется рациональной машиной, функционирующей в соответствии с естественными законами, которые можно изучить и освоить, а затем манипулировать ими в своих собственных целях. Ориентация на личный успех и карьеру, которые понимаются прежде всего как получение материальных благ. Научные законы управляют политикой, экономикой и событиями жизни человека. Где наблюдается: корпократия; эксплуатация природных ресурсов ради достижения стратегических преимуществ, экономика Уолл-Стрит, материализм, либеральный индивидуализм. 30 % населения, 50 % власти.

6. *Релятивистический уровень.* Ключевыми понятиями здесь становятся идеалы общности, связи между людьми, осознание экологических проблем, «сетевое» мышление, противостояние иерархии, установление горизонтальных связей, акцент на диалоге и взаимоотношениях, боль-

шая степень аффективного тепла, чуткости и заботы о Земле и ее обитателях. Такой подход становится основой коллективных сообществ (то есть свободно выбираемых групп, основанных на общности чувств и мнений), решения в которых принимаются путем соглашения и достижения общего мнения (оборотная сторона этого – бесконечная переработка и неспособность приходить к решению). Важным инфраструктурным фоном для социально-экономических систем на этом уровне развития становятся сильный эгалитаризм, плюралистические ценности, социальное конструирование реальности, разнообразие, многокультурность, релятивистические системы ценностей, субъективное, нелинейное мышление. Наполнение Ц-матрицы любого уровня сложности может быть активировано, если того требуют жизненные обстоятельства. Где наблюдается: постмодернизм, Гринпис, экофеминизм, политкорректность, защита прав человека, экуменическое движение, канадская система здравоохранения, экономика интернет-сообществ по типу членов виртуальной сети «В контакте» или «Одноклассники», самоуправляемые социально-экономические системы (10 % населения Земли и 15 % власти).

7. *Систематически-интегративный уровень.* Жизнь – это калейдоскоп естественных иерархий, систем и форм. Наивысший приоритет имеют гибкость, спонтанность и функциональность. Различия и множественность могут интегрироваться во взаимозависимые, естественные потоки. Там, где это уместно, эгалитаризм дополняется естественными степенями превосходства. Знания и компетентность имеют более важное значение, чем ранг, власть, статус или групповая принадлежность. Преобладающий мировой порядок является результатом существования разных уровней (матриц) реальности и неизбежных паттернов движения вверх и вниз по динамической спирали. Хорошее государственное управление облегчает подъем социальных структур через уровни возрастающей сложности. Социально-экономические системы отвечают требованиям «физической экономики» Л. Ларуша.

8. *Глобально-холистический уровень.* Универсальная холистическая система. Объединение чувств со знаниями; множество уровней переплетаются в единую сознательную систему. Всеобщий, но осознанный порядок, не основывающийся на внешних правилах или групповых связях. Возникновение новой духовности как сети всего сущего. Где наблюдается: концепция ноосферы Пьера Тейяра де Шардена. Седьмой и восьмой уровни затрагивают 1 % населения и обладают 5 % власти.

Несомненно, что теория Ц-матриц еще достаточно далека от практической проблематики социально-экономических систем и требует глубокой доработки в этом направлении. Но благодаря ей мы можем альтернативно взглянуть на те процессы и явления экономической жизни, которые не находят своего объяснения в рамках традиционной системной методологии. Принципы Ц-матриц были положены в основу дискуссий, которые положили конец системе апартеида в ЮАР, они оказались весьма плодотворными для реорганизации бизнеса многих крупных компаний, возрождения экономических систем небольших городов, реформирования систем образования и здравоохранения, управления спортивными командами и т. д. Практический успех Ц-матриц во многом объясняется тем, что они связывают уровень развития экономических систем и их типологию не с социально-экономическим (в контексте макроэкономической доктрины), технологическим, геополитическим или иным положением страны, а с *типом мировоззрения*, исходя из которого действует человек, группа людей, деловой мир, правительство или страна.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белотелов Н. В., Бродский Ю. И., Павловский Ю. Н. Сложность. Математическое моделирование. Гуманитарный анализ: Исследование исторических, военных, социально-экономических и политических процессов. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 320 с.
2. Богатырева О. А. Описание социальных и экологических трансформаций: эволюция, история, сукцессия // Методология биологии: новые идеи (синергетика, семиотика, коэволюция). М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 253–262.
3. Буданов В. Г. Ритмокаскады истории и прогноз развития социально-психологических архетипов России до 2050 года // Синергетическая парадигма. Социальная синергетика. М.: Прогресс-Традиция, 2009. С. 234–263.
4. Губарев В. В. Наука ли синергетика? // Вопросы философии. 2009. № 10. С. 159–165.
5. Ильин И. В. Глобальные проблемы и процессы в контексте синергетического подхода и представления о глобальном эволюционизме // Социально-гуманитарные знания. 2009. № 5. С. 284–292.
6. Малков С. Ю. Применение синергетики для моделирования социальных процессов // Синергетическая парадигма. Социальная синергетика. М.: Прогресс-Традиция, 2009. С. 203–204.
7. Назаретян А. П. Синергетика, когнитивная психология и гипотеза техно-гуманитарного баланса // Общественные науки и современность. 1999. № 4. С. 135–145.
8. Режабек Е. Я. Синергетические представления и социальная реальность // Синергетическая парадигма. Социальная синергетика. М.: Прогресс-Традиция, 2009. С. 37–62.
9. Уилбер К. Интегральная психология: Сознание, Дух, Психология, Терапия: Пер. с англ. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. 412 с.
10. Хиценко В. Е. Модель жизнеспособной фирмы Стаффорда Бира // Менеджмент в России и за рубежом. 1999. № 3. С. 135–142.
11. Шляпентох В. Современная Россия как феодальное общество. Новый взгляд на постсоветскую эпоху: Пер. с англ. М.: СТОЛИЦА-ПРИНТ, 2008. 328 с.

Май, № 3 **Юридические науки** **2012**

УДК 349.4:574

ВЛАДИСЛАВ ГЕННАДЬЕВИЧ АБРАМОВ
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, Северный филиал Российской правовой академии Министерства юстиции РФ (г. Петрозаводск)
vlaabr@rambler.ru

ОБЪЕКТ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОДЕРЖАНИЯ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ

В статье анализируются теоретические аспекты содержания понятия объекта экологического правонарушения; исследуются различные точки зрения, характеризующие его природу и сущность; формулируется определение объекта экологического правонарушения.

Ключевые слова: объект экологического правонарушения, сфера взаимодействия общества и природы, охрана окружающей среды, экологические отношения и интересы

Являясь одним из структурных элементов состава правонарушения, его объект зачастую играет определяющую роль в процессе дифференциации разнообразных форм противоправного поведения. Это положение полностью применимо и к нарушениям законодательства в области охраны окружающей среды, поскольку именно объект посягательства выступает основным критерием их выделения в самостоятельную разновидность противоправных деяний. Данное обстоятельство обусловливает несомненную теоретическую и практическую значимость правильного понимания категории объекта экологического правонарушения.

Необходимость детального рассмотрения означенного вопроса предопределяется и другими не менее принципиальными моментами. В частности, выявление признаков, характеризующих особенности содержательной стороны анализируемой категории, позволяет, с одной стороны, раскрыть социальную сущность соответствующего противоправного поведения и определить характер и степень его вредоносности, а с другой – установить сферу применения эколого-правовых охранительных норм.

В наиболее общем смысле объектом преступления в уголовно-правовой доктрине признается то, на что направлено посягательство и чему причиняется или может быть причинен вред в результате совершения преступного деяния [9; 204]. Под объектом административного правонарушения в науке административного права понимаются «общественно-правовые отношения, подлежащие юридической защите» нормами административного права [3; 33]. В общей теории права объект правонарушения характеризуется как совокупность социальных отношений, личных и общественных интересов, регулируемых и охраняемых правовыми нормами [11; 8, 51], [16; 585–586]. Такая его трактовка органично вписывается в понимание правонарушения как правовой категории, обобщающей всю совокупность свойств разнообразных противоправных поступков.

Однако специалистами в области экологического права высказываются самые разные мнения по вопросу о сущности и содержании объекта экологического правонарушения. Под ним понимаются в одних случаях природная среда в целом, отдельные природные объекты и комплексы, «охраняемые законом от загрязнения, истощения и разрушения, а через это – и здоровье человека, материальные ценности, состояние которых зависит от качества окружающей природной среды» [14; 272, 289], либо собственно качество последней [19; 108]. В других случаях подразумеваются нормы природоохранительной и природоресурсных отраслей законодательства и урегулированные ими общественные отношения [8; 75], в третьих – отношения между людьми по поводу окружающей среды как основы существования и жизнедеятельности человеческого общества [5; 81–82], в четвертых – природоохранительный интерес [13; 25].

Таким образом, имеет место отсутствие в доктрине экологического правонарушения единообразного подхода к характеристике сущности означенного объекта. Наиболее рациональной и соответствующей положениям действующего законодательства в области охраны окружающей среды представляется позиция тех ученых, которые определяют анализируемое в настоящей работе понятие как сложный целостный комплекс фактических общественных отношений экологического характера [20; 20].

Общественные отношения трактуются в социологии и юриспруденции как устойчивая система существенных и закономерных связей, объективно складывающихся между субъектами в процессе социально значимой деятельности [12; 33]. Основываясь на таком понимании природы общественных отношений, выделим следующие их основные характеристики: 1) это общественные (социальные) связи между субъектами; 2) данные связи возникают в результате их социально значимой деятельности; 3) они складываются в определенную структуру и 4) имеют объективный и устойчивый характер.

© Абрамов В. Г., 2012

Общественные экологические отношения как проявление социальных отношений в сфере взаимодействия общества и природы предстают в объективной действительности в виде социальных связей субъектов, возникающих по причине необходимости охраны окружающей среды. Структурную основу любого общественного отношения образуют: 1) его субъекты; 2) их социально значимые связи и взаимодействие; 3) предмет, по поводу которого возникают указанные связи и осуществляется социально значимая деятельность субъектов [16; 493]. Именно особенности предмета общественного экологического отношения главным образом и обусловливают его специфику. В сфере взаимодействия общества и природы в качестве соответствующих предметов предстают как окружающая среда в целом, так и различные ее составляющие. Федеральный закон «Об охране окружающей среды» называет важнейшей составляющей последней природную среду (природу), которую образует совокупность отдельных ее компонентов, а также природных и природно-антропогенных объектов. Другим составным элементом окружающей среды являются антропогенные объекты – материальные блага, созданные людьми для обеспечения своих социальных потребностей и не обладающие естественными природными свойствами [1]. Такое понимание окружающей среды позволяет выделить в ее содержании природную и социальную составляющие.

В то же время М. М. Бринчук справедливо отмечает «научно не обоснованное расширение в законе понятия окружающей среды», которое он предлагает трактовать в качестве синонима природной среды [4; 38–39]. Применительно к рассматриваемому аспекту проблемы объекта экологического правонарушения необходимость в подобном ограничительном толковании термина «окружающая среда» видится излишней. В контексте освещения особенностей содержательной стороны объекта экологического правонарушения представляется рациональным следующий вывод. Антропогенные объекты не должны охватываться содержанием анализируемого понятия, поскольку они не несут какую-либо существенную экологическую нагрузку, выполняя исключительно социальные функции. В свою очередь, именно с природной составляющей окружающей среды экологическая направленность противоправного поведения находится в самой непосредственной связи. (Соответствующие критерии будут раскрыты ниже.)

Следует обратить внимание на то, что предмет нельзя ассоциировать с самим отношением, поскольку он всегда остается лишь его структурным элементом, то есть частью целого, своеобразной формой объективизации общественного отношения, какое бы влияние ни оказывал на его содержание. Поэтому необоснована позиция тех авторов, которые выделяют в качестве объекта экологического правонарушения отдельные компоненты природной среды, природные объекты и ресурсы. В подобных суждениях по существу не проводится никакого различия между объектом и предметом нарушений законодательства в области охраны окружающей среды.

Современная доктрина экологического правонарушения и положения действующего законодательства в области охраны окружающей среды предполагают достаточно широкую трактовку содержания понятия рассматриваемого объекта – отношений в сфере взаимодействия общества и природы. В их состав входят самые разнообразные социальные связи субъектов. Следовательно, общественные экологические отношения выступают в качестве интегрированного, комплексного объекта правонарушения. Они представляют собой целостную систему, структуру которой образуют отдельные разновидности социальных отношений, возникающих и функционирующих в сфере взаимодействия общества и природы. Последние целесообразно сгруппировать в отношения по охране отдельных компонентов природной среды, природных и природно-антропогенных объектов.

Предпосылкой подобной дифференциации общего объекта нарушений законодательства в области охраны окружающей среды является ее комплексный характер, обусловливающий органическую взаимозависимость между отмеченными группами отношений, которые образуют в своей совокупности единое целое. Если подобную совокупность отношений рассматривать как систему определенных взаимосвязей между ее структурными элементами, то нетрудно увидеть, что вред этой системе может быть причинен путем оказания негативного воздействия на любое из ее звеньев.

Общественные отношения объективно нуждаются в регулировании правовыми нормами. Поэтому вполне логично предположение, что объектом экологического правонарушения является не вся совокупность разнообразных социальных связей, возникающих и функционирующих в сфере взаимодействия общества и природы, а только те из них, которые взяты под охрану эколого-правовыми нормами. Однако, основываясь на факте неразрывного существования юридически значимых социальных отношений и регулирующих их правовых норм, некоторые ученые стали включать последние в состав элементов объекта экологического правонарушения [6; 67].

Такая позиция вызывает серьезные возражения. Как справедливо отметил при анализе сущности экологических преступлений В. Л. Мунтян, их общественная опасность «заключается

не в посягательстве на юридическую форму, а в проявлении преступных действий против общественных отношений. Уголовный закон охраняет материальное содержание явления, а не его юридическую форму. Преступление нарушает сферу общественных связей и отношений между людьми, нарушая при этом правовые формы регулирования соответствующих отношений, но сами юридические формы не становятся от этого объектом уголовно-правовой охраны» [18; 225].

В то же время анализ общественного экологического отношения как сложного социального механизма приводит к выводу о правомерности выделения на его теоретическом уровне фактического и юридического аспектов, которые соотносятся между собой как содержание и форма. Данное обстоятельство послужило основанием определения некоторыми учеными в качестве объекта нарушений законодательства в области охраны окружающей среды экологических правоотношений (эколого-правовых отношений), а также экологического правопорядка [17; 153–154]. Первые представляют собой охраняемые правовыми нормами отношения, возникающие и функционирующие в сфере взаимодействия общества и природы. В свою очередь, представляется, что формулировку экологического правопорядка наиболее рационально конструировать, основываясь на общетеоретическом понимании категории правопорядка как состояния общественных отношений [21; 240]. Соответственно, и применительно к сфере взаимодействия общества и природы данное понятие должно определяться как состояние общественных экологических отношений, урегулированных правовыми нормами [7; 50]. Таким образом, экологический правопорядок предстает в виде состояния упорядоченности, организованности этих отношений, закрепленного эколого-правовыми нормами и обеспечиваемого посредством выполнения их общеобязательных правил.

Подобные выводы вполне обоснованны. Однако выделение в качестве объекта экологического правонарушения общественных (социальных) отношений раскрывает более глубинный пласт, поскольку указывает на явление, лежащее в основании исследуемого понятия. Иные категории, рассматриваемые в означенном контексте, производны от общественного экологического отношения. В частности, оно является первичным к экологическому правоотношению. И только определенное состояние соответствующих социальных связей свидетельствует об экологическом правопорядке и экологической безопасности. (Федеральный закон «Об охране окружающей среды» определяет экологическую безопасность как состояние защищенности природной среды и жизненно важных интересов человека от возможного негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности, чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, а также их последствий [1].) В связи с этим самостоятельное выделение указанных правовых категорий в качестве общего объекта нарушений законодательства в области охраны окружающей среды нецелесообразно.

Вместе с тем следует признать правомерной позицию Н. А. Лопашенко, которая именно экологическую безопасность характеризует в качестве видового объекта экологических преступлений. Свой вывод она основывает на том, что исходя из расположения данной категории преступлений в Особенной части Уголовного кодекса РФ [2] их родовым объектом выступает общественная безопасность – «состояние защищенности общественных интересов» [10; 31–32].

Длительное время в юриспруденции под объектом правонарушения традиционно понимались определенные общественные отношения. Однако в последние годы в уголовно-правовой доктрине все настойчивее отстаивается точка зрения, согласно которой объект преступления представляет собой охраняемые уголовным законом социально значимые интересы, блага, на которые посягает преступное деяние [9; 208–209]. Данная позиция выглядит вполне обоснованной, поскольку именно интересы обусловливают возникновение соответствующих социальных связей субъектов. (В общей теории права охраняемый законом интерес характеризуется как «юридически предусматриваемое стремление субъекта к достижению тех благ, обладание которыми дозволено государством и обеспечено правовыми возможностями определенного вида» [11; 58].)

Существует широкое и узкое понятие объекта экологического правонарушения. В узком смысле он отождествляется с непосредственным объектом противоправного посягательства и представляет собой конкретную разновидность экологических отношений и интересов. Основываясь на ранее изложенном материале, можно констатировать, что они проявляются в объективной действительности в виде устойчивой системы социальных связей субъектов, возникающих на основе их стремления к сохранению и восстановлению благоприятного качественного состояния окружающей среды (отдельных ее составляющих).

В связи с этим необходимо обратить внимание на то, что наряду с посягательством на соответствующий объект к критериям экологической направленности противоправного поведения доктрина экологического правонарушения относит причинение вреда природной среде либо существование реальной угрозы наступления такового [14; 271]. Именно в посягательстве на специфическую область социальных отношений, личных и (или) общественных интере-

сов, а также в наступлении негативных последствий определенного характера и содержания в первую очередь заключается вредоносность нарушений законодательства в области охраны окружающей среды. Экологическое правонарушение причиняет вред, отрицательно воздействуя на охраняемые эколого-правовыми нормами интересы, нарушая нормальное функционирование социальных отношений в сфере взаимодействия общества и природы. В свою очередь, последствия противоправного поведения всегда отражаются на объекте правонарушения. Они «как бы высвечивают, материализуют сущность и специфику конкретного объекта посягательства» [9; 205].

Вместе с тем применительно к экологическому правонарушению как собирательному понятию, объединяющему в своем содержании всю совокупность признаков разнообразных вариантов нарушений законодательства в области охраны окружающей среды, наиболее рациональной представляется следующая комплексная формулировка его объекта. Это есть *совокупность охраняемых эколого-правовыми нормами социальных отношений, личных и общественных интересов*. Эта трактовка охватывает целый комплекс разнообразных отношений, интересов, которые могут подвергнуться негативному воздействию в результате совершения означенного правонарушения.

Данное обстоятельство определяет одну из наиболее существенных особенностей содержательной стороны анализируемого объекта. Очевидно, ухудшение качественного состояния окружающей среды способно оказать отрицательное воздействие и на иные охраняемые эколого-правовыми нормами интересы, в том числе такие, которые обладают повышенной социальной ценностью, – в частности жизнь и здоровье людей. В связи с этим они обоснованно включаются в содержание понятия общего объекта экологического правонарушения.

В то же время сами жизненно важные интересы человека, иные охраняемые законом ценности и блага в составах нарушений законодательства в области охраны окружающей среды никогда не выполняют функцию основного объекта. Применительно к изучаемой разновидности противоправных деяний причинение вреда жизни или здоровью носит опосредованный характер, являясь результатом посягательства на экологические отношения и интересы. Следовательно, в сложных по конструкции (двуобъектных) составах нарушений законодательства в области охраны окружающей среды жизненно важные интересы человека, иные охраняемые эколого-правовыми нормами интересы (за исключением, естественно, собственно экологических) надлежит квалифицировать в качестве *дополнительных объектов* правонарушения.

Рассмотренная особенность анализируемой категории обусловливает соответствующую иерархию охраняемых указанными нормами социально значимых благ, ценностей. Она нашла отражение в закреплении Федеральным законом «Об охране окружающей среды» в качестве фундаментальных, базовых принципов экологического права соблюдение права человека на благоприятную окружающую среду, а также обеспечение благоприятных условий его жизнедеятельности на основе научно обоснованного сочетания экологических, экономических и социальных интересов человека, общества и государства [1]. В этой связи заслуживает внимания характеристика А. М. Плешаковым объекта нарушений законодательства в области охраны окружающей среды как «общественных (экологических) отношений, обеспечивающих условия для оптимальной жизнедеятельности человека и общества во взаимосвязи со средой обитания. Иными словами, это отношения по поводу права на благоприятную окружающую среду» [15; 87].

В контексте анализа сущности и особенностей содержания исследуемого в настоящей работе понятия необходимо отметить следующее обстоятельство, имеющее немаловажное значение для теоретических основ доктрины экологического правонарушения. Объективное существование основного, дополнительного и факультативного непосредственных объектов правонарушения [9; 215–216] позволяет дифференцировать составы преступлений и проступков, несущих определенную экологическую нагрузку, по критерию приоритетности выполнения ими функции охраны природной среды. Исходя из этого противоправные деяния, способные оказать негативное воздействие на нее, подлежат разделению на два основных варианта поведенческой деятельности: а) непосредственно и б) опосредованно оказывающей такое воздействие на частные или публичные интересы, социальные отношения, возникающие и функционирующие в сфере взаимодействия общества и природы.

Подобная посылка вполне закономерна, поскольку вред означенным отношениям и интересам может быть причинен не только вследствие противоправного посягательства непосредственно на них, но также и опосредованно – в результате посягательства на иные объекты (в частности, на отношения в сфере хозяйственной деятельности, имущественные интересы, общественную безопасность). Таким образом, правомерен следующий вывод: характерная особенность деяний, опосредованно оказывающих негативное воздействие на экологические отношения и интересы, заключается в квалификации данных отношений и интересов в качестве дополнительного или факультативного объекта этих право-

нарушений. Подобный тезис обусловлен спецификой законодательных конструкций последних. Причинение вреда природной среде (отдельным ее составляющим) либо существование реальной угрозы его наступления, свидетельствующее об экологической направленности противоправного поведения, не предусматривается в качестве приоритетного признака в составах такого рода правонарушений. (Зачастую возможность фактического наступления означенных последствий устанавливается в результате толкования соответствующей правовой нормы.)

Объективно проявляясь в том числе в сфере взаимодействия общества и природы, данные правонарушения несут определенную экологическую нагрузку и тем самым представляют собой специфические варианты экологически негативного противоправного поведения. Однако к рассматриваемой разновидности деяний они не относятся, поскольку понятие экологического правонарушения (нарушения законодательства в области охраны окружающей среды) необходимо трактовать в специальном значении. Его социальная сущность и особенности содержания определяются в первую очередь *основным непосредственным объектом* противоправного посягательства, в роли которого выступают именно экологические отношения и интересы.

ИСТОЧНИКИ

1. Об охране окружающей среды: Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 2. Ст. 133.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

3. Агапов А. Б. Административная ответственность: Учебник. М.: Статут, 2000. 251 с.
4. Бринчук М. М. Благоприятная окружающая среда – важнейшая категория права // Журнал российского права. 2008. № 9. С. 37–52.
5. Бушуева Т. А., Дагель П. С. Объект уголовно-правовой охраны природы // Советское государство и право. 1977. № 8. С. 77–83.
6. Дубовик О. Л., Жалинский А. Э. Причины экологических преступлений. М.: Наука, 1988. 240 с.
7. Духно Н. А. Экологический правопорядок: понятие и структура // Журнал российского права. 1999. № 7/8. С. 50–56.
8. Кравченко С. Н. Имущественная ответственность за нарушение природоохранительного законодательства. Львов: Вища школа. Изд-во при Львов. ун-те, 1979. 184 с.
9. Курс уголовного права: В 5 т. Т. 1: Учение о преступлении / Под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М.: Зерцало-М, 2002. 624 с.
10. Лопашенко Н. А. Экологические преступления: комментарий к главе 26 УК РФ. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. 802 с.
11. Малеин Н. С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность. М.: Юрид. лит., 1985. 192 с.
12. Общественные отношения: вопросы общей теории / Под ред. П. А. Рачкова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. 200 с.
13. Пакутин В. Д. Уголовно-правовая охрана внешней природной среды (объект и система преступлений): Учеб. пособие. Уфа: Изд-во Башкир. ун-та, 1977. 80 с.
14. Петров В. В. Экологическое право России: Учебник. М.: БЕК, 1995. 557 с.
15. Плешаков А. М. Экологические преступления: концепции и система понятий // Государство и право. 1993. № 8. С. 81–88.
16. Теория государства и права: курс лекций / Под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. М.: Юристъ, 2004. 768 с.
17. Шемшученко Ю. С. Правовые проблемы экологии. Киев: Наукова думка, 1989. 232 с.
18. Шемшученко Ю. С., Мунтян В. Л., Розовский Б. Г. Юридическая ответственность в области охраны окружающей среды. Киев: Наукова думка, 1978. 280 с.
19. Шестерюк А. С. Вопросы кодификации законодательства об охране окружающей среды. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 120 с.
20. Эффективность юридической ответственности в охране окружающей среды / Отв. ред. О. С. Колбасов, Н. И. Краснов. М.: Наука, 1985. 225 с.
21. Явич Л. С. Общая теория права. Л.: Изд-во ЛГУ, 1976. 286 с.

Май, № 3 **Юридические науки** **2012**

УДК 341.1/.8

АНАСТАСИЯ ВИТАЛЬЕВНА БАКУНОВИЧ
аспирант кафедры конституционного и международного права юридического факультета, Российская таможенная академия (г. Люберцы, Московская область)
asya89_2003@bk.ru

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕССА ПЕРЕМЕЩЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ ЧЕРЕЗ ТАМОЖЕННУЮ ГРАНИЦУ

Исследуется международно-правовое регулирование перемещения культурных ценностей через таможенную границу. Рассматриваются основные понятия и критерии отнесения предметов к культурным ценностям; проводится ретроспективный анализ правового регулирования формирования понятия культурных ценностей и порядка их перемещения через таможенную границу.

Ключевые слова: международно-правовое регулирование, культурные ценности, таможенная граница, перемещение, государство, защита

Культурные ценности – это неотъемлемые элементы национального культурного наследия стран. В результате совершения таких преступлений, как хищение, контрабанда, а также уничтожение или повреждение культурных ценностей, страна теряет часть своего культурного наследия [6; 38].

Сохранение культурных ценностей имеет приоритетное значение для любого государства, так как свободный доступ к культурным ценностям и ознакомление с культурным наследием страны является важнейшим из инструментов формирования общественного сознания и целостной системы духовных ценностей, влияющих на все сферы государственной и общественной жизни, особенно подрастающего поколения. Кроме того, в процессе контрабандного перемещения культурных ценностей часть из них безвозмездно утрачивается или повреждается в процессе хищения, транспортировки, сокрытия [9; 24]. Отмечены случаи нанесения повреждений культурным ценностям при неумелой организации их хранения или при проведении следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий [5; 20].

Перемещение культурных ценностей через таможенную границу характеризуется определенной спецификой. Как особый вид товара они ввозятся в страну и вывозятся за ее пределы под строгим контролем со стороны государственных органов. Государство не должно препятствовать свободному международному культурному обмену, но оно обязано сохранять культурные ценности, находящиеся на его территории. Немаловажная роль в регулировании процесса перемещения культурных ценностей отводится таможенным органам, которые, в свою очередь, обеспечивают соблюдение законодательства в части контроля порядка перемещения культурных ценностей через таможенную границу.

Типология культурных ценностей, запечатленная в различных международных конвенциях и нормативно-правовых актах, претерпела существенные изменения, так как любое законодательство разрабатывается с учетом необходимости отображения и нормативного решения тех проблем, которые являются актуальными на данный момент времени. Примером тому может служить защита культурных ценностей в период военных конфликтов, проведения общественных и частных работ и нормативная база, создаваемая при этом.

Данное требование было сформулировано еще в 1935 году в «Пакте Рериха». Согласно данному Пакту, «исторические памятники, научные, художественные, образовательные и культурные учреждения, музеи считаются нейтральными и как таковые пользуются уважением и покровительством воюющих сторон. Таким же уважением и покровительством пользуются сотрудники вышеназванных учреждений» [11; 205]. Развитие коллекционирования, международных культурных контактов, а также музейные обмены выставками и как следствие более интенсивное перемещение культурных ценностей вызвали необходимость формирования понятия «движимые и недвижимые культурные ценности». Позднее на Генеральной конференции ООН по вопросам образования, науки и культуры, которая проходила в Париже 19 ноября 1968 года, была сформирована Парижская конвенция от 19.11.1968 «Рекомендация “О сохранении культурных ценностей, подвергающихся опасности при проведении общественных или частных работ”» [3] (далее – Конвенция 1968 года), в которой дается понятие движимых и недвижимых культурных ценностей. Сама идея выявления в каждой стране мира культурных ценностей с целью их последующей охраны появилась в связи со строительством в 1960-х годах Асуанской плотины, возведение которой грозило затоплением старинных храмов [3]. В 1978 году на своей двадцатой сессии Генеральная конференция ООН расширила понятие «движимые культурные ценности», подчеркнув, что к ним относятся все движимые ценности,

© Бакунович А. В., 2012

являющиеся выражением или свидетельством творчества человека или эволюции природы и имеющие ценность с археологической, исторической, художественной, научной или технической точки зрения [11; 103].

В настоящий момент правовой охране культурных ценностей посвящено множество нормативных правовых актов. В современном международном праве насчитывается более 60 специальных правовых актов, которые носят универсальный и региональный характер и направлены на регламентацию отношений в сфере охраны и сохранения объектов культурного наследия. Общеизвестно, что в международном праве объектом охраны являются все культурные ценности в наиболее широком смысле данного понятия, но практически любой правовой акт международного характера содержит собственное определение, принятое исходя из конкретных целей и задач в рамках данного документа [8; 302]. Примером тому могут служить следующие международные акты: Конвенция «О мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи прав собственности на культурные ценности» (1970), Конвенция ЮНИДРУА «По похищенным и незаконно вывезенным культурным ценностям» (1998).

В свете сложившейся международной ситуации, которая на данный момент оценивается как чрезвычайная, особую актуальность приобретает правовая защита культурных ценностей. С 1960 года преступные посягательства на культурные и исторические ценности приобрели беспрецедентное распространение и вышли на второе место после контрабанды и перепродажи наркотиков. Каждый день в мире похищаются около 450–500 произведений живописи, предметов, связанных с религиозными культами, и других памятников культуры. По оценкам экспертов, общая сумма потерянных ценностей составляет несколько миллиардов долларов. Так, во Франции с 1954 года бесследно исчезли 12 тыс. произведений искусства, в Италии – 40 тыс. В Западной Европе действуют около 50 криминальных группировок, занимающихся теневым бизнесом по контрабанде антикварных ценностей. В России в 1998 году при попытке незаконного вывоза задержано 8 тыс. предметов, относящихся к объектам антиквариата и искусства, ориентировочная оценочная стоимость которых составляет 27 % стоимости всех предметов контрабанды в неторговом обороте страны [9; 7].

Рассмотрим, как регламентируется процесс перемещения культурных ценностей через таможенную границу в разных странах. В Италии с целью совершенствования обмена информацией между компетентными учреждениями и соответствующими базами данных на национальном, региональном и международном уровнях (с Интерполом и французским Центральным бюро по поиску похищенных культурных ценностей) создано несколько электронных каналов передачи данных. В 2001 году в Риме прошел международный симпозиум, на котором было обращено внимание на увеличение числа случаев разграбления культурных ценностей и важное значение кодекса этики Международного совета музеев. Меры по распространению информации о пропавших предметах культуры оказались успешными и способствовали их обнаружению. В настоящее время создана археологическая карта наземных и подводных объектов, которая существует и в электронном формате. В нее вносится информация об ущербе, наносимом незаконными раскопками. Регулярно проводятся кампании по повышению уровня информированности общественности [13; 47].

Аргентина на национальном и международном уровнях постепенно наращивала усилия по борьбе с незаконным оборотом предметов культуры, в частности, в последние два года были разработаны новые соглашения и созданы специальные комиссии. В соответствии с законом № 25.197 «О регистрации культурных ценностей» всем территориальным органам власти предложено разработать реестр культурных ценностей, который будет включен в общенациональный реестр. Важным шагом в сохранении культурного наследия стало создание по указу министра культуры подотчетного ему Комитета по борьбе с незаконным оборотом культурных ценностей Аргентины для решения следующих задач: разработка механизмов предупреждения незаконного оборота культурных ценностей и борьбы с ним; содействие проведению информационных кампаний с целью повышения осведомленности общественности о данной проблеме; разработка по образцу Международного совета музеев (далее – ИКОМ) «Красного списка» культурных ценностей Аргентины, находящихся в опасности, который впоследствии будет включен в «Красный список» находящихся в опасности объектов культуры Латинской Америки; обеспечение введения и обновления баз данных по культурным ценностям; организация специальной подготовки сотрудников государственных и частных учреждений по вопросам предупреждения незаконного оборота культурных ценностей и борьбы с ним; сотрудничество в этой борьбе со всеми национальными и международными, правительственными и неправительственными структурами. В каждой провинции действует система охраны археологических объектов, которая является частью рабочего плана, утвержденного правительством страны для каждого муниципалитета в целях предотвращения проведения незаконных раскопок. В соответствии с законодательством любой запрос на вывоз культурных ценностей должен

быть представлен министру культуры, после чего выдается экспортное свидетельство в таможенную службу. Вывоз культурных ценностей без этого свидетельства является незаконным деянием. Правительство эффективно задействует все виды национальных полицейских сил (воздушные, морские, пограничные) для усиления пограничного контроля, а также осуществляет обмен информацией с другими партнерами в этой сфере для развертывания широкой борьбы с незаконным оборотом культурных ценностей. В 2000 году было подписано соглашение об обмене информацией между министром культуры, федеральной полицией (отделением Интерпола) и ИКОМ. В соответствии с данным соглашением музеям, национальным выставочным залам и галереям предоставляются формуляры КРИГЕН-АРТ, используемые Интерполом для идентификации предметов культуры; информация о них включается в базу данных с системой автоматического поиска. Кроме того, создана веб-страница «INTERPOL Argentina» для охраны объектов, которые считаются частью культурного наследия страны. В июле 2002 года было подписано дополнительное соглашение между министром культуры и национальной авиационной полицией, предусматривающее официальную разработку совместных действий по охране культурного наследия Аргентины [12; 32].

Иордания традиционно придает огромное значение культурному наследию и понимает его подлинную ценность. В соответствии с законодательством в начале XX века был создан Департамент древностей, в функции которого входит осуществление политики государства в области культуры, включая выполнение соответствующих конвенций, участником которых является Иордания. Департамент принимает и удовлетворяет запросы других государств о введении ограничений на ввоз археологических или этнологических остатков материальной культуры древнего человека. Ввоз не разрешается, если известно или считается, что объекты были похищены; в таком случае они обычно конфискуются. Лица, ответственные за нарушение законодательства, подлежат наказанию. Департамент обеспечивает сотрудничество компетентных служб с целью содействия реституции незаконно перемещенных культурных ценностей их законному владельцу. Для получения разрешения на ввоз лицо, намеревающееся ввезти определенные культурные ценности из-за рубежа, должно выполнить установленные законодательством требования. Объекты, в отношении которых действуют ограничения, могут ввозиться при наличии разрешения на вывоз, выданного страной их происхождения. Ограничения на ввоз не действуют в отношении культурных ценностей, находящихся во временном пользовании с целью организации выставок с разрешения Департамента.

Существует национальный реестр культурных ценностей Иордании, включающий информацию о частных коллекциях. Таможенный департамент особенно внимательно относится к проблеме незаконного оборота культурных ценностей. Для борьбы с этим явлением создано специальное подразделение полиции. В определенных обстоятельствах принимаются меры специального характера, как это было недавно в отношении культурных ценностей Ирака, когда полицейские и таможенные службы Иордании были переведены на особый режим работы для отслеживания ввоза, вывоза и/или оборота культурных ценностей Ирака [12; 34].

Ограничения на вывоз существуют для всех категорий археологических или этнологических объектов. Ограничения не действуют только в отношении культурных ценностей, которые передаются во временное пользование для организации выставок с соответствующего разрешения премьер-министра Иордании.

Конституция Бразилии предусматривает надежную охрану всех форм культурного наследия, исполнительные органы власти обязаны принимать меры с целью заключения соглашений между федерацией и штатами для улучшения координации и развития мероприятий, связанных с охраной национального исторического и художественного наследия и стандартизацией дополнительного законодательства штатов в этой области. В Федеральной конституции Бразилии первым подпунктом статьи 216 Главы II, посвященной культуре, предусматривается, что «правительство в сотрудничестве с обществом популяризирует и охраняет культурное наследие Бразилии посредством составления перечней; регистров; наблюдения, декретов об охране памятников, экспроприации и других форм защиты и охраны». В частности, в течение многих лет Министерство культуры возлагало на свой Департамент национального исторического и художественного наследия (далее – ИПХАН) задачу охраны культурного наследия. В круг обязанностей ИПХАН включена функция по ведению регистра археологических памятников Бразилии, а также археологического, этнографического, пейзажного, исторического регистров и регистра изящных искусств. Ценности, принадлежащие федерации, штатам и муниципалитетам, регистрируются, а предметы, находящиеся в частной собственности, включаются в регистр на добровольной основе в случае, если ИПХАН дает на это свое согласие. Может также производиться обязательная регистрация предметов, находящихся в частной собственности. О всех перемещениях этих предметов в пределах страны необходимо сообщать ИПХАН. Зарегистрированные предметы нельзя вывозить

за пределы страны, за исключением вывоза на короткий срок в целях культурного обмена по усмотрению ИПХАН. Собственник должен сообщать ИПХАН об утрате или краже зарегистрированных предметов. В случае продажи частных зарегистрированных предметов правительство имеет право их покупки. Лица, торгующие антиквариатом, произведениями искусства, рукописями, старыми и редкими книгами, должны регистрировать их на специальной основе в ИПХАН и предоставлять каждые шесть месяцев списки исторических и художественных ценностей, которыми они владеют. Организаторы аукционов, намеревающиеся продать эти предметы, должны предоставить ИПХАН список. В случае невыполнения этого положения им грозит штраф. Подлинность этих предметов должна подтверждаться ИПХАН до выставления их на продажу. В рамках борьбы с незаконным оборотом культурных ценностей ИПХАН оказывал содействие проведению просветительской кампании вместе с Интерполом и ИКОМ, которая была развернута в 1997 году и продолжается до сих пор. Федеральные сотрудники посещают учебно-практические семинары, в ходе которых они получают подготовку с целью опознания похищенных предметов или предметов, находящихся в незаконном обороте. В религиозных учреждениях проводятся описи. Была составлена база данных на основе стандартных заявок, а также создано программное обеспечение для ввода данных. ИПХАН составил регистр и создал базу данных по разыскиваемым пропавшим культурным ценностям, с которыми можно ознакомиться на его веб-сайте. В 2002 году в рамках ИПХАН был создан специальный отдел, который занимается исключительно пропавшими культурными ценностями [12; 50].

В настоящее время проблема правового регулирования гражданского оборота культурных ценностей является весьма актуальной для позитивного права, теории и правоприменительной практики. Это связано с тем, что нормы международного законодательства, устанавливающие особенности гражданского оборота культурных ценностей, не носят системного характера и содержат целый ряд пробелов и коллизий. Таким образом, высокая общественная опасность, резкий рост числа посягательств на культурные ценности, сложность квалификации правонарушений и преступлений, особый порядок перемещения культурных ценностей через таможенную границу обусловливают необходимость дальнейшего усовершенствования законодательства в этой сфере. Таковы основные, наиболее актуальные аспекты регулирования общественных отношений, связанных с рынком культурных ценностей и вопросами предотвращения правонарушений, прежде всего контрабанды. Совершенствование юридических средств влияния на эти процессы является определяющим [7; 32].

Существенным аспектом также является возможность привлечения средств массовой информации для проведения масштабных кампаний по информированию общественности, акцентирующих особое внимание на угрозе незаконного оборота культурных ценностей. Необходимо проведение специальной подготовки кадров, укрепление сотрудничества с соответствующими партнерами в международных профессиональных и национальных объединениях.

ИСТОЧНИКИ

1. Гаагская Конвенция от 14.05.1954 «О защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта» // Международные нормативные акты ЮНЕСКО. М.: Логос, 1993. С. 258–281.
2. Парижская Конвенция от 14.11.1970 «О мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности» // Свод нормативных актов ЮНЕСКО. М.: Международные отношения, 1991. С. 283–290.
3. Рекомендация от 19.11.1968 «О сохранении культурных ценностей, подвергающихся опасности при проведении общественных или частных работ» // Международные нормативные акты ЮНЕСКО. М.: Логос, 1993. С. 323–331.
4. Римская Конвенция ЮНИДРУА от 24.06.1995 «По похищенным или незаконно вывезенным культурным ценностям» // Международное частное право: Сборник документов. М.: БЕК, 1997. С. 499–506.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

5. Беспалько В. Г. Понятие и признаки культурных ценностей как предметов преступлений // Журнал российского права. 2005. № 3. С. 71–81.
6. Богуславский М. М. Культурные ценности в международном обороте: правовые аспекты. М.: Юристъ, 2005. 345 с.
7. Виноградов Н. А. Культурные ценности в цикле таможенного регулирования (некоторые подходы к изучению) // Циклы природы и общества: Материалы междунар. конф. Ставрополь: АГРУС, 2005.
8. Герасимов А. А. Культурные ценности: эволюция понятия. М.: МГУКИ, 2004. 205 с.
9. Дьяков И. В. Современное состояние законодательства Российской Федерации об охране культурных ценностей и проблема его гармонизации // Актуальные проблемы сохранения культурных ценностей в Дальневосточном регионе. Владивосток: Российская таможенная академия. Владивостокский филиал, 2003. С. 46–53.
10. Качалова В. Г. Государственная политика России в области охраны культурных ценностей в XVIII–XX вв.: Дисс. … д-ра ист. наук. СПб., 2000.
11. Яковлев А. В. Культурные ценности. М.: ЭКСМО, 2009. 423 с.
12. Mujica S. UNESCO celebrates 40 years of combating illicit trafficking in cultural property // WCO journal. 2011. March.
13. Schmitz M. WCO calls for increased border vigilance to protect cultural heritage // WCO journal. 2012. March.

Май, № 3 **Рецензии** **2012**

УДК 340(09)(571)

ВИКТОРИЯ ВИКТОРОВНА ЕФИМОВА
кандидат юридических наук, доцент кафедры теории, истории государства и права юридического факультета, Петрозаводский государственный университет
efimova1870@rambler.ru

Рец. на кн.: **Воропанов В. А. Региональный фактор становления судебной системы Российской империи на Урале и в Западной Сибири (последняя треть XVIII – первая половина XIX вв.): историко-юридическое исследование. – Челябинск: Челябинский институт (филиал) ФГОУ ВПО «Уральская академия государственной службы», 2011. – 528 с.**

Монография В. А. Воропанова является убедительным свидетельством того, что в нашей науке не угасает интерес к истории российского правосудия. Автор давно работает по данной теме [1], но продолжает ее плодотворно развивать. Обсуждаемая монография является итогом его многолетней и кропотливой работы по сбору материалов в 3 центральных и 19 региональных архивах России (!), большинство из которых ранее никогда не публиковались. Главной целью исследования было не только провести «первое комплексное, обобщающее и многоуровневое исследование судебной системы дореволюционной России на Урале и в Западной Сибири», но и попытаться «на основе материалов судебной практики и судебно-деловой документации» установить «фактическое значение официального правосудия в повседневной жизни провинций, имевших географические, демографические, производственные, социокультурные, этнорелигиозные особенности, преодолев авторитет безапелляционных оценок и стереотипы, устоявшиеся в научной литературе со второй половины XIX в.» (с. 34–35).

1-ю и 2-ю главы монографии В. А. Воропанов посвятил изложению истории системы правосудия в российском государстве в конце XVI – первой половине XIX века. Несомненным достоинством этих глав следует признать то, что автор, в отличие от известных работ Н. Н. Ефремовой [2], [3], [4], делает акцент на более подробном освещении особенностей формирования различных моделей судоустройства как в центре, так и на окраинах Российской империи. Автор убедительно доказывает, что на реальную организацию правосудия на местах влияло не только географическое положение региона, но и «исторические, демографические, культурные, языковые, религиозные особенности местных социальных структур», а также профессиональные занятия населения.

В 3-й главе В. А. Воропанов обстоятельно рассмотрел органы, осуществлявшие контроль и надзор за деятельностью судебных мест, и формы, в которых это делалось. При этом важно подчеркнуть, что автор и не пытается скрыть удручающую картину постоянного накопления нерешенных дел и неисполненных судебных решений, а, как мы знаем, именно это обстоятельство и было самым главным аргументом, который использовали большинство исследователей 2-й половины XIX – XX века, чтобы доказать неэффективность дореформенных судов. Автор подробно анализирует объективные причины этого негативного явления и способы борьбы с ним. В результате делается ряд нетрадиционных, но весьма интересных утверждений. Например, автор уже не столь отрицательно, чем это было принято в пореформенной и советской и нередко встречается в современной научной литературе, оценивает право вмешательства администрации в рассмотрение судебных дел.

В 4-й и 5-й главах В. А. Воропанов подробно описывает проводимую верховной властью в ведомстве юстиции в период 1780–1850-х годов кадровую политику: анализирует процесс укомплектования штатов различных судов судьями и канцелярскими служащими, а также механизмы контроля за этим процессом со стороны высшей и губернской администрации. Автор проделал огромный труд по обработке сведений, извлеченных из десятков формулярных списков, что позволяет ему показать, какие изменения происходили в социальном и имущественном положении, уровне образования судебных чиновников разных категорий в исследуемом им регионе.

Самой интересной по своему содержанию представляется 6-я глава, так как в ней автор поставил перед собой задачу изучить «способы и степени влияния как социальной среды на осуществление правосудия, так и деятельности правоохранительных, правоприменительных учреждений на общественное и культурное развитие широких масс населения» (с. 27). Объектом пристального исследовательского внимания стала реальная деятельность выборных заседателей в сословных судах. Следует признать, что автор серьезно разошелся в оценках с большинством исследователей, обычно основывавших свою оценку на мнении Н. М. Колмакова о том, что неподготовленность крестьянских депутатов делала «в глазах многих суд посмешищем» и что «на самом деле» они «исполняли при судах должности сторожей, истопников и прочие» (цит. по: с. 441). Принципиальный те-

© Ефимова В. В., 2012

зис В. А. Воропанова состоит в том, что «степень престижа участия во власти» представителей разных сословий не могла быть единой для всех провинций гетерогенного государства, что каждому региону была присуща своя специфика судоустройства, напрямую зависевшая от контингента сельского населения. Так, в губерниях с преобладанием крепостных крестьян доминировали уездные суды, а в них «всецело господствовала дворянская бюрократия» (с. 407–410, 446, 447). В губерниях же, где преобладали различные категории свободных крестьян и служилых сословий, а также «иноверцы» (позже – «инородцы»), доминировали нижние расправы, а в заседатели выбирались их авторитетные и состоятельные представители (с. 411–419, 447–448). Автор приходит к заключению, что действие в данных губерниях (а к ним относится и исследуемый в монографии регион) института сельских заседателей вплоть до издания Судебных уставов (в Сибири только до 20-х годов XIX века) «обеспечивало равновесие социальных отношений в сфере правосудия... относительно компенсировало недостатки отечественной бюрократии и полное отсутствие профессиональных юристов средствами социального контроля в судопроизводстве», а «государственное правосудие становилось ближе миллионам подданных в вопросах, неурегулированных обычным правом» (с. 440–441).

В 7-й главе изучается соотношение общеимперских и региональных начал в организации имперской судебной системы на примере одного из коренных народов исследуемого региона – кочевых казахов в сравнении с аналогичными процессами, происходившими у калмыков, горцев Северного Кавказа и иных кочевых этносов Астраханского края.

Главный вывод исследования состоит в том, что «в середине XIX в. в России действовала судебная система, соответствовавшая уровню государственно-политического развития империи» (с. 517).

Таким образом, мы видим, какой широкий круг задач решает в своей монографии В. А. Воропанов. Новизна его многих нетрадиционных суждений есть результат разработки ряда малоизученных вопросов, а также непредвзятого подхода к анализу материалов делопроизводственной практики и конкретных судебных дел. Тем не менее выскажем несколько замечаний.

Во-первых, не совсем понятны фактические «географические рамки» монографии. Помимо собственно территорий, входивших в состав Урала и Западной Сибири, автор, как он сам пишет на с. 28 Введения, в целях усиления «сравнительно-сопоставительного аспекта исследования» использует также материалы по Поволжью и Центральной России. Но из содержания глав видно, что автор далеко выходит за пределы и этих регионов. Представляется, что столь широкий территориальный охват требует более развернутого, нежели это сделано во Введении, обоснования. Впрочем, сравнительный подход в региональных исследованиях только приветствуется, а в данной работе обусловлен ведущей задачей – проследить изменения в системе правосудия на Урале и в Западной Сибири «в контексте юридической политики абсолютизма во второй половине XVIII – первой половине XIX вв.» (с. 26). Во-вторых, не следовало ли автору в выводах к 3-й главе оценить степень эффективности деятельности контрольных и надзорных органов, поскольку напрашивается вопрос: если так энергично трудились эти органы, то почему так неэффективно работали дореформенные суды и не означает ли это, что контроль носил формальный характер? В-третьих, была ли необходимость в разделении 4-й и 5-й глав, у которых общий объект исследования – кадровая политика государства по отношению к судам и ее результаты? В-четвертых, не перегружена ли 5-я глава излишним фактическим материалом, отчего она становится весьма трудной для восприятия?

Однако считаем, что замечания отнюдь не снижают научную ценность рецензируемой монографии. Перед нами оригинальный труд, в котором автор показал недостатки и достоинства дореформенной судебной системы Российской империи. Но вот сумел ли В. А. Воропанов своими трудами «разоблачить миф, стереотип о крайней неэффективности имперского правосудия» [4; 389], думается, покажет время. Необходимо наличие большего количества, чем существует сегодня, серьезных региональных исследований по истории дореформенного суда, которые бы позволили подтвердить или опровергнуть сделанные автором на примере своего региона выводы. В любом случае исследование В. А. Воропанова является прекрасным образцом добросовестного научного труда и очень важным источником для сравнений, которые могут теперь проводить все исследователи, занимающиеся разработкой аналогичных тем как в масштабах всей Российской империи, так и ее отдельных регионов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воропанов В. А. Суд и правосудие в Российской империи во II-й половине XVIII – первой половине XIX в. Региональный аспект: Урал и Западная Сибирь (опыт сравнительно-сопоставительного анализа). Челябинск: Челябинский ин-т (филиал) ФГОУ ВПО «Уральская академия государственной службы», 2008. 606 с.
2. Ефремова Н. Н. Судоустройство в России в XVIII – первой половине XIX вв. М.: Наука, 1993. 192 с.
3. Ефремова Н. Н. Становление и развитие судебного права в России XVIII – начала XX вв. (историко-правое исследование). М., 2007.
4. Любичанковский С. В. Рецензия на монографию В. А. Воропанова // Ab imperio. 2009. № 4. С. 385–390.

Май, № 3 **Рецензии** **2012**

УДК 94(47)

МИХАИЛ ЛЕОНИДОВИЧ ГОЛЬДЕНБЕРГ
кандидат педагогических наук, директор, Национальный музей Республики Карелия (г. Петрозаводск)
goldengora@yandex.ru

Рец. на кн.: **Пашков А. М. Карельские просветители и краеведы XIX – начала XX века. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2010. 445 с.**

Рецензируемая монография представляет собой результат многолетней работы доцента, кандидата исторических наук, заведующего кафедрой дореволюционной истории ПетрГУ А. М. Пашкова. Автором поставлена задача обобщения исторических знаний о карелах, их систематизации, включения в единые процессы формирования общественного самосознания народов Карелии, России и Европы.

В работе определены смысловые объемы и границы понятий научного просветительства и краеведения. Раскрываются индивидуальные свойства путей развития этих понятий и их взаимодействие. Показана значимость этнической истории карел в истории прибалтийско-финских, славянских и других народов. Книга подтверждает известную афористичную мысль о том, что малочисленность этноса не всегда соответствует его большой роли в истории региона.

История изучения карел во многом отождествляется с их историей вообще. Своеобразие истории карел заключается в том, что в период Средневековья сведения о них присутствуют на страницах новгородских актов и летописей, а с XVII века карелы исчезают из письменных источников. Только в XIX веке они появляются в историографии. Это обстоятельство повышает значимость данного научного труда. Роль этнического компонента в истории сегодня особо актуальна.

А. М. Пашков старается вычленить историю карел как этноса из преобладавшего ранее отождествления истории карел с историей российского Северо-Запада. Автор увязывает появление этнической истории карел в XIX веке с ростом этнического самосознания, появлением предпринимательской и интеллектуальной элиты, развитием рыночных отношений и сопутствующей этому ломке межэтнических перегородок. Ценно и то, что автор проанализировал этническую историю карел в русской историографии, особое внимание уделив истории карел в трудах Н. И. Костомарова. Только в XIX веке у карел проявляется интерес к истории, этнографии, фольклору и языку своего этноса. Именно этой проблеме посвящена книга А. М. Пашкова. Причем автор показывает своеобразный дуализм факторов влияния на рост этнического самосознания карел. С одной стороны, на них влияли процессы, происходившие в российском обществе с 30-х годов XIX века, с другой – процессы роста национального самосознания в Финляндии. Карелы всегда находились в этой дихотомической ситуации раскола, и это привело к своеобразию их исторической судьбы. Карельские просветители и краеведы, по мнению автора, были составной частью общественных процессов: в Финляндии – карелианизма (Э. Лённрот и А. Шёгрен), в России – теории официальной народности (И. В. Кондратьев).

А. М. Пашков особо выделяет роль либеральных реформ 1860–70-х годов на изучение этнической истории карел: анализируются труды Е. И. Тихонова, М. Н. Смирнова, Н. Ф. Лескова. Автору удалось выдержать построенную дуалистическую смысловую структуру до начала XX века: влияние идей панфиннизма и российского имперского сознания (труды В. П. Крохина). Все это придало монографии структурную целостность. Автор оценивает роль этнической истории карел реально, не преувеличивая ее значимость в истории России. Но важность процессов, связанных с ее формированием, прослеживается последовательно и системно. Возникает естественный вопрос о необходимости издания трудов просветителей и краеведов Карелии.

Книга А. М. Пашкова ценна большим количеством фактического материала, часто извлеченного из малоизвестных публикаций из местных и столичных архивов.

На IV Всероссийском конкурсе краеведческой литературы «Наше культурное наследие», проведенном Российским фондом мира в декабре 2011 года, монография заняла 2-е место в номинации «Малые народы». Сама монография А. М. Пашкова из-за малого тиража обречена на статус раритета.

© Гольденберг М. Л., 2012

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ПОЛЯКОВ
доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории и финансов экономического факультета, Петрозаводский государственный университет
econfac@psu.karelia.ru

Уважаемые читатели! Предлагаем вашему вниманию размышления старейшего профессора экономического факультета нашего университета, отдавшего ПетрГУ более 50 лет своей непростой и насыщенной жизни. Глобальный финансово-экономический кризис вновь поставил на повестку дня вопрос о месте и роли марксистско-ленинской философии в познании реалий современного мира. Насколько злободневным является сегодня этот вопрос и поиск ответов на него?

«ПРИЗРАК БРОДИТ ПО ЕВРОПЕ…»

«Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма» – такими словами начинается один из значительных документов XIX века – «Манифест Коммунистической партии», написанный в 1848 году выдающимися мыслителями того времени К. Марксом и Ф. Энгельсом и представляющий критику капиталистического общества позапрошлого столетия. Основным противоречием капитализма, по мнению авторов «Манифеста…», является противоречие между трудом и капиталом, между буржуазией и рабочим классом. Ухудшение положения трудящихся проявляется в двух формах: абсолютного обнищания, когда рабочий живет все хуже, и относительного обнищания, когда сокращается доля работников в ВВП страны. Последние процессы особенно характерны для современной России. В ней они проявляются в чрезвычайно низком уровне жизни и громадном разрыве доходов богатых и бедных. «Манифест…» утверждал, что рабочий класс вследствие безвыходности своего положения является единственным революционным классом: «…ему нечего терять, кроме своих цепей, приобретет же он весь мир». Этот лозунг породил у последователей трактата Маркса и Энгельса идею всемирной пролетарской революции. Вторым противоречием капитализма является противоречие между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения его результатов. Проявлением этого противоречия является анархия производства, которая господствует в капиталистическом обществе. Конечно, в силу действия объективных законов рынка необходимые пропорции в народном хозяйстве в конечном счете устанавливаются («невидимая рука провидения» Адама Смита), но при этом происходит колоссальная потеря труда, материальных и денежных средств. В трактате утверждалось, что в будущем обществе конкуренция и анархия производства исчезнут, их место займет планомерная организация производства. И наконец, отметим еще одну группу противоречий, присущих капитализму. Это противоречие между потребительной стоимостью и стоимостью между конкретным и абстрактным трудом, между трудом частным и трудом общественным. Эти противоречия в той или иной степени связаны с законом стоимости. В обществе будущего, по мысли Маркса и Энгельса, не будет товарного производства и рынка, а вместе с ними исчезнет и «прославленная стоимость» [8; 293–294]. В коммунистическом обществе полагалось осуществлять принцип «от каждого по способностям – каждому по потребностям». Нетрудно заметить, что в этом принципе начисто отсутствуют материальные стимулы – как в повышении производительности труда, так и в разумном потреблении, которое должно согласовываться с реальной оценкой уровня производительных сил. Очевидно, что этот принцип предполагает воспитание нового человека. С этой проблемой большевики столкнулись с первых дней своего нахождения у власти. Решить ее предполагалось двумя путями. Во-первых, путем создания трудовых армий и концентрационных лагерей [3; 161]. Второй путь решения этой проблемы предложил Ленин в работе «Великий почин» [5; Т. 29; 377–400], написанной по поводу первого коммунистического субботника в депо на Московско-Казанской железной дороге. Он писал, что новое отношение к труду надо воспитывать не на энтузиазме непосредственно, а при помощи энтузиазма, рожденного великой революцией на личной заинтересованности, на хозяйственном расчете. Второй путь оказался более плодотворным. Другой проблемой, ставшей перед большевиками, была проблема снабжения страны продовольствием. Организовать правильный продуктообмен между промышленностью и сельским хозяйством в условиях полной разрухи было нельзя. Страна обеспечивалась продовольствием путем продразверстки. Разумеется, это привело к падению производства сельскохозяйственной продукции. Произошли массовые волнения крестьян, среди которых наиболее из-

© Поляков С. Н., 2012

вестно антоновское движение в Тамбовской области. Одновременно произошел Кронштадтский мятеж и голодные бунты рабочих. Надо было коренным образом менять экономическую политику, идти на уступку крестьянину. Была разрешена частная торговля и частное предпринимательство, которые значительно увеличили производство продовольствия в стране и позволили приступить к восстановлению промышленности. Эта политика получила название НЭПа (новой экономической политики). Суть ее заключалась в конкуренции государственного сектора экономики с капиталистическим сектором. Конкуренция, по замечанию Ленина, шла по принципу «кто кого» [5; Т. 33; 43].

НЭП оказался наиболее эффективной реформой, проведенной за все годы советской власти. Он позволил приступить и к восстановлению тяжелой промышленности. В резолюции XIV съезда РСДРП (1925 год) было записано, что экономическое строительство надо вести таким образом, чтобы СССР из страны, ввозящей машины и оборудование, превратился в страну, производящую машины и оборудование [7; 245]. Еще Ленин писал, что воспитание нового отношения к труду, нового человека есть задача многих десятилетий и поколений. Однако на XXII съезде КПСС была принята программа строительства коммунизма, рассчитанная всего на двадцать лет. В ней торжественно декларировалось, что нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме [2]. Одновременно с этим программа, выдвинутая в трактате Маркса и Энгельса, была объявлена теорией научного коммунизма, и в конце 70-х годов прошлого века во всех высших учебных заведениях были созданы кафедры научного коммунизма.

Почему же коммунизм не наступил, а Советский Союз как государство рухнул? Главная причина в том, что, помимо социально-экономических и других противоречий, Маркс и Энгельс оставили без внимания еще одну группу противоречий: между природой и обществом, между природой и современным человеком. В человеке изначально заложены такие черты, как стремление к самореализации и стремление к труду, прежде всего на себя. Десятилетия нахождения у власти портят человека, недаром есть поговорка «рыба гниет с головы». В Советском Союзе одни и те же лица занимали первые государственные посты на протяжении нескольких десятилетий. Ленин в работе «По поводу так называемого вопроса о рынках» сформулировал закон преимущественного роста производства средств производства. Им советское правительство руководствовалось все годы советской власти, что обрекало страну на отставание сельского хозяйства и легкой промышленности. Кроме того, СССР взял на себя обязательство по снабжению сырьем предприятий социалистического лагеря и помощи развивающимся странам, которые, как предполагалось, вступят на путь развития социализма. Правда, с 1981 года (XXVI съезд КПСС) была разработана программа развития аграрно-промышленного комплекса (АПК). Сельскому хозяйству стало выделяться достаточно средств. Однако система экономического стимулирования в колхозах не была достаточно эффективной, и сельское хозяйство постепенно приходило в упадок. Одновременно с этим снижалась эффективность и в промышленности. По нашим расчетам, наиболее удачной была восьмая пятилетка (1965–1970). Эффективность основных фондов за это время возросла на 32 %. Но уже в девятой пятилетке этот показатель вырос только на 12 %.

Теперь рассмотрим вопрос о показателях измерения результатов производства. Маркс и Энгельс считали, что в коммунистическом обществе результаты производства непосредственно будут оцениваться в натуральной форме. К середине XIX века в западной экономической теории прошел переход от классической теории товарного производства и рынка к неоклассической. Была разработана система показателей теории предельной полезности. Предельной полезностью для потребителя обладает последняя единица товара. Она объединяет в себе как стоимость, так и потребительную стоимость. На практике потребитель (производитель), определяя выгодность товара для себя, одновременно учитывает обе его стоимости. Производитель оценивает производство товара исходя из предельных затрат на него, то есть тех затрат, которые обеспечивают ему выгодность производства товара. Потребитель оценивает при приобретении товара его стоимость и потребительную стоимость, совмещая в оценке оба эти показателя в зависимости от того количества данного товара, который уже у него имеется. Таким образом, все экономические показатели имеют двойственную природу. С одной стороны, они определяются абсолютными величинами прибыли, цены, затрат и т. д. С другой стороны, они измеряются предельными величинами затрат, цены и т. д. Объясняется это тем, что производство всегда ведется в интересах общества, и поэтому общество (человек, производитель, потребитель) само оценивает выгодность изготовления или потребления данной продукции. На этой основе была разработана система оценки величин, которая в настоящее время лежит в основе всех экономических теорий. Теория предельных величин была встречена в штыки марксистскими экономистами. Н. Бухарин писал, что она является теорией пресыщенной паразитическим потреблением буржуазии, которая только и думает о своих удовольствиях [1].

Наконец, рассмотрим вопрос о том, действительно ли теория коммунизма, согласно воззре-

ниям Маркса и Энгельса, является научной теорией или же это очередная утопия. Прежде всего отметим, что теория, предполагающая создание нового человека, в отдельных случаях являлась тормозом в развитии научно-технического прогресса, в развитии ряда естественных и научно-технических дисциплин. Так, Советский Союз значительно отстал в области генетики. Генетике противопоставлялось учение Лысенко о селекции, посредством которой предполагалось создание высокоурожайных сельскохозяйственных культур. Положение же генетики о наследственности противоречило созданию нового человека. Также серьезно тормозилось развитие кибернетики, основ компьютеризации производства и современной информационной системы. Правда, в 1960-е годы в Советском Союзе была предпринята попытка создать автоматизированную систему управления народным хозяйством (ОГАС). Однако советская командно-административная система оказалась слишком инертной для реализации подобного передового наукоемкого проекта. Положения марксистско-ленинской теории начали противоречить развитию страны. Таким образом, теория коммунизма, построенная на основе воззрений Маркса и Энгельса, не учитывает ряд факторов общественного развития, в частности в области создания нового человека, поэтому она не может считаться научной.

В заключение попытаемся высказать свое мнение о характере эпохи, в которой мы живем. За последнее столетие капитализм добился больших успехов. Он создал неизмеримо более могущественные производительные силы, чем все предыдущие поколения вместе взятые. Он использует в производстве принципиально новую технику и технологии. В области естественных наук он приступил к познанию самых потаенных законов человеческого бытия и мироздания. Но, создав столь мощные производительные силы, капитализм не сумел совладать с ними и использовать достижения человеческой мысли в интересах общества. Наоборот, мир все плотнее втягивается в гонку вооружений, разбиваясь на политические, экономические, религиозные и другие блоки. Дальнейшее несогласованное использование вершин человеческой мысли может грозить человечеству деградацией или вымиранием. Таким образом, капитализм подошел вплотную к новой ступеньке общественного развития, подняться на которую он уже не в состоянии. Великий Октябрь и образование СССР были первой попыткой подняться на эту ступень. Советский Союз погиб под давлением внешних и внутренних обстоятельств, в которых ему пришлось существовать. Главным из этих обстоятельств была гонка вооружений, навязанная ему внешним миром. В результате лидеры ведущих капиталистических стран дали ему следующую оценку: «империя зла» (Р. Рейган), «колосс на глиняных ногах с ракетно-ядерной надстройкой» (М. Тетчер). Поэтому, критикуя Советский Союз, помните, это была первая попытка шагнуть в наше уже не далекое будущее.

Призрак бродит по Европе… Призрак перемен.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бухарин Н. И. Политическая экономия рантье. М.: Государственное издательство, 1919.
2. Двадцать второй съезд КПСС. Москва. 17–31 октября 1961 г. Задачи Коммунистической Партии Советского Союза по строительству коммунистического общества // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М.: Политиздат, 1970. Т. 8. С. 245.
3. Девятый съезд РКП (б). Москва. 29 марта – 5 апреля 1920 г. Резолюция «Об очередных задачах хозяйственного строительства», раздел «Трудовые армии» // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М.: Политиздат, 1970. Т. 2. С. 161.
4. Ленин В. И. «Новая экономическая политика и задачи политпросветов». Доклад на втором всероссийском съезде политпросветов 17 октября 1921 г. // Ленин В. И. Сочинения. 4-е изд. Т. 33. М.: Политиздат, 1949.
5. Ленин В. И. Сочинения. 4-е изд. Т. 29. М.: Политиздат, 1949.
6. Сталин И. В. Экономические проблемы социализма в СССР. М.: Знание, 1958.
7. Четырнадцатый съезд ВКП (б). Москва. 18–31 декабря 1925 г. Отчет центрального комитета // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М.: Политиздат, 1970. Т. 3. С. 245.
8. Энгельс Ф. Анти-Дюринг. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 375 с.

6 июня 2012 года исполняется 50 лет доктору филологических наук, профессору кафедры русской литературы и журналистики филологического факультета Петрозаводского государственного университета, заведующему кафедрой литературы историко-филологического факультета Карельской государственной педагогической академии *Александру Валерьевичу Пигину.*

АЛЕКСАНДР ВАЛЕРЬЕВИЧ ПИГИН

К 50-летию со дня рождения

А. В. Пигин родился в г. Петрозаводске. В 1984 году окончил историко-филологический факультет Петрозаводского университета по специальности «Русский язык и литература». В 1986–1989 годах обучался в аспирантуре при кафедре русской литературы ЛГПИ им. А. И. Герцена. Под руководством академика РАН А. М. Панченко написал и защитил кандидатскую диссертацию в 1990 году. Докторскую диссертацию защитил в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.

В ПетрГУ А. В. Пигин работает с 1992 года, с 2003 года по совместительству заведует кафедрой литературы в КГПА.

Александр Валерьевич – известный ученый-медиевист, исследователь рукописной книжности Русского Севера. В круг его научных интересов входят полевая и камеральная археография, текстология рукописных памятников, история севернорусских монастырей и монастырской письменности, жития святых, старообрядческая культура, русский фольклор, древнерусские и фольклорные традиции в творчестве русских писателей XIX–XX веков. А. В. Пигин ввел в научный оборот целый ряд неизвестных или малоисследованных памятников рукописной книжности. Им опубликовано 180 работ, в их числе несколько книг (одна из них была издана в авторитетной в мире славистики серии «Slavistische Forschungen» (Германия)). Высокую оценку специалистов получил подготовленный А. В. Пигиным и его коллегами сводный каталог рукописных книг XV–XX веков в государственных хранилищах РК (2010). С 2007 года Александр Валерьевич сотрудничает с Национальным парком «Водлозерский», где руководит проектом «Святые и святыни Русского Севера». Начиная с 1997 года он 8 раз становился победителем российских и западных конкурсов грантов (РГНФ, ACLS). В 2006 году на кафедре русской литературы ПетрГУ А. В. Пигиным создана научная школа «Рукописная книжность и традиционная культура». Под его руководством защищено 5 кандидатских диссертаций.

А. В. Пигин награжден памятной медалью к 100-летию Пушкинского Дома за вклад в сохранение культурного наследия. В 2008 году ему присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки РК».

От всей души поздравляем Александра Валерьевича с юбилеем, желаем ему новых научных достижений, грандиозных планов и талантливых учеников!

Редакция журнала «Ученые записки Петрозаводского государственного университета»

CONTENTS

HISTORY

Razumova I. A.

EVACUATION THEME IN BIOGRAPHIC NARRATIVES OF PETROZAVODSK OLD TIMERS

Summary: Oral narratives of Petrozavodsk old timers about evacuation procedures at the time of the Great Patriotic War are studied. The stories provide particular historical facts and subjective assessments of the evacuation procedure viewed as a type of unique life experience.

Key words: Biographic narratives, oral history, the Great Patriotic War, evacuation, adaptation 7

Senyavskaya E. S.

WOMEN OF LIBERATED EUROPE THROUGH EYES OF SOVIET MILITARY (1944–1945)

Summary: The article is concerned with the image of European women, formed in the minds of the Soviet military at the end of the Great Patriotic War and its impact on the perception of other cultures and nations as well as on the development of sustainable ethnic and psychological stereotypes.

Key words: Great Patriotic War, Red army, Europe, Germany, women, ethnopsychological stereotypes, traditional behavior, national mentality 13

Belsky S. V.

FUNERAL RITES OF KYLALAHTI KALMISTOMAKI BURIAL GROUND IN NORTH-WESTERN LADOGA LAKE REGION (BASED ON THE RESULTS OF THE ARCHAEOLOGICAL RESEARCH OF 2006–2009)

Summary: The main features of the funeral rites of Kylalahti burial ground are analysed in the article. The site was studied in 2006–2009 by the Ladoga archaeological expedition from the RAS museum of the World Anthropology and Ethnography. The history of the research, the features of the above-grave stone structure, objects placed together with the deceased inside the grave, treatment of the dead bodies, and location of the deceased are considered. Generalizations on the character of the monuments are made.

Key words: Karelia, Middle Ages, cemeteries, funeral rites 20

Petrov P. V.

RUSSIAN PEDLARS IN FINLAND AND RUMOURS ABOUT LAND ALLOCATION TO PEASANTS: END OF XIX CENTURY DISCUSSIONS IN RUSSIAN AND FINNISH PERIODICALS

Summary: The article deals with the tenant problem of the landless population in Finland and subsequent controversial polemic on wandering pedlars from distant Russian villages bordering on Finland. According to the opinion of local authorities, Russian pedlars spread rumors about transition of the tenant lands into the category of independent lands.

Key words: Tenant question, pedlars, landless rural population, rumors about land allocation 25

CULTURAL STUDIES

Leonov I. V.

THEMATIC PATTERNS' PHENOMENON IN RESEARCH OF CULTURE-HISTORICAL REALITY: CONCEPT AND MAJOR COMPONENTS

Summary: The article provides a comparative analysis of the main approaches to the study of the cognitive process of culture-historical reality. The problem of thematic patterns' identification and study in the context of structural and paradigmatic approach are considered. The given patterns lie at the root of the integral thematic structures of consciousness. They develop during the process of intellectual mastery of cultural and historical reality.

Key words: Noogenesis, culture-historical reality, paradigm, thematic structure, thematic pattern 29

PEDAGOGICS

Gritsay L. A.

AXIOLOGICAL FOUNDATION OF CONTEMPORARY PARENTHOOD IN CONTEXT OF NATIONAL CULTURE

Summary: Axiological foundations of the family relationship in national philosophical and pedagogical literature (XII–XX centuries) are considered in the article. Based on the analysis of historical, philosophical, and pedagogical sources the ideal image of parental upbringing is determined.

Key words: National mentality, axiological foundations of culture, parenthood 34

Plotnikova V. S., Fedorova E. N.

VALUE-SEMANTIC SUPPORT OF ANIMATION ACTIVITY TRAINING DURING EDUCATIONAL PROCESS AT TEACHER TRAINING COLLAGE

Summary: The paper is concerned with the problem of future teachers' training and use of pedagogical animation activity during educational process in the context of value-semantic approach. The concepts of animation activity and educational animation are determined. The structure of the animation activity is provided. The model of professional teacher training for animation activity is offered.

Key words: Value-semantic approach, pedagogical education, animation activity, pedagogical animation, professional training, model, teacher training collage. 38

Shishmolina E. A.
DEVELOPMENT OF PROFESSIONAL FOREIGN LANGUAGE COMPETENCE IN HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS BY MEANS OF PROJECT-BASED EDUCATIONAL TECHNOLOGY
Summary: The article contains the analysis of the main approaches to foreign language teaching in higher educational institutions. The concept and components of the graduates' professional competence (foreign language competence) are determined. A model of project teaching (production of the video with the use of advanced information technologies) aimed at language competence development is offered.
Key words: Professional competence, project-based method, professionally-oriented foreign language communication. . . . 42

POLITICAL SCIENCE

Rozhneva S. S.
CONTEMPORARY NATIONAL ASSOCIATIONS OF KARELIA AS CIVIL SOCIETY INSTITUTES
Summary The article analyses the work areas of national associations. Special attention is paid to the role played by these institutions in securing the state and national status of Karelia. Possible venues of impacting decisions taken by the political system of the Republic are studied.
Key words: National associations, political identity, civil society, political system, national and state status of the Republic of Karelia, Public Chamber 47

SOCIAL SCIENCE

Borisov A. F.
CONCEPT OF SOCIAL SPHERE IN MODERN SOCIO-HUMANITARIAN DISCOURSE
Summary: The article discusses the main methodological approaches to the definition of the social sphere. The concept of the social sphere in Marxist, Western and national social science is analysed. Characteristic features of the economic and management approach in analyzing social sphere are revealed. The author's concept of social sphere is provided.
Key words: Social, social relationships, social structure, social services, social infrastructure. 51

PHILOLOGY

Mineeva Z. I.
DERIVATION OF RUSSIAN FEMININE AGENTIVES
Summary: The article is concerned with the lexemes denoting female persons, predominantly neologisms, and ways of their formation in the context of controversial linguistic issues.
Key words: Ways of derivation, nomina agentis, feminine gender, correlation pair, National corpus of the Russian language 56

Makarova A. A.
PARALLEL LAKE NAMES IN HYDRONYMY OF BELOZERJE AND PROBLEM OF LANGUAGE CONTACTS
Summary: Possible types of parallel names of Belozerje lakes are considered. Nominative models, characteristic for each toponymic system, are determined. Factors facilitating in adaptation of different types of foreign names or their replacement by new toponyms are defined.
Key words: Onomastics, contact linguistics, Russian toponymy, Vepsian toponymy, Baltic-Finnish toponymy, linguistic substrate, Russian North, Belozerje 60

Kunil'skii A. E.
CONCEPT OF "LIFE" IN RUSSIAN LITERATURE OF XIX CENTURY
Summary: The paper is concerned with one of the main concepts of the world literature, the concept of "life". The place of the concept in Russian literature of the XIX century is studied.
The essence of the concept is studied on the examples of Pushkin, Gogol and Dostoevsky's works. Examples from the works of other authors are provided.
Key words: Russian literature of the XIX century, concept, "life", philosophy of life. 64

Mal'chukova T. G.
ON SOURCES OF PUSHKIN'S SEA IMAGES
Summary: The paper is concerned with the antique sea and ship images in Pushkin's poetry. Characteristic features of the images' reconsideration are revealed.
Key words: Classic Russian literature, Pushkin, antique traditions. 68

Chepil' A. P., Drannikova N. V.
ORAL NARRATIVES ABOUT *ROLEPLAYER* AND *CIVILIAN* ENCOUNTER IN SUBCULTURAL ROLE-PLAYING MOVEMENT OF ARCHANGELSK CITY
Summary: The paper deals with the research of the oral narrative tradition shared by the representatives of the subcultural role-playing movement in Archangelsk. Typical protagonists of the texts are a roleplayer and a civilian. Discourse features of the texts and their connection with traditional folklore genres are studied.
Key words: Subculture, oral stories, narrative tradition, discourse analysis, comical history, household fairy tale 75

Andrianova I. S.
A. G. DOSTOEVSKAJA'S DIARY AND GENRE PROBLEM
Summary: The article considers the genre problem of A. G. Dostoevskaja's diary written in 1867.
Key words: Memoirs, family shorthand diary, reasons for creation, genre features, protagonist and author's images. 80

PHILOSOPHY

Borisov O. S.
COGNITIVE PROCESSES IN SOCIOCULTURAL DIMENSION
Summary: A connection of cognitive processes with cultural evolution in the context of binary oppositions such as sacred-profane and ideal-real is studied. Cognitive forms of introversion, self-identical in the explicit forms of culture,

are represented in these semantic correlations. Internalized forms are more durable than explicit ones as they assert themselves in patterns of reproduction. Restructuring transformation involves the concept of form.
Key words: Cognitive and cultural forms, introverted and extraverted cognitive system, hypostatization and internalization, personal and social homeostasis, space of free movement, effect 83

Scherbakov V. P.
SYMBOLIC ECONOMY OF MODERNITY: ANTHROPOLOGICAL PERSPECTIVES
Summary: The article analyses anthropological perspectives of the modern symbolic exchange economy. Various scenarios of cultural and anthropological transformations of contemporaneity are considered.
Key words: Economy of symbolic exchange, postindustrial society, economic anthropology, modern culture. 89

Mikhailova L. V.
NEW JERUSALEMS OF RUSSIAN NORTH
Summary: Research results of the Russian North cultural field are provided in the article. New Jerusalems of the Russian North are presented as a part of Patriarch Nikon's project on transformation of Russia into a new Holy Land. The research is based on the theory of hierotopy – transfer of sacred environment, creation of New Jerusalems, and images of the Holy Land in the Russian North.
Key words: New Jerusalem, Valaam, Solovki, Holy Land 93

ECONOMICS

Akulov V. B.
QUALITY OF INSTITUTIONAL ENVIRONMENT AND ECONOMIC COMPETITIVENESS OF RUSSIAN NORTH
Summary: The article establishes a point about possible increase in the economic competitiveness of the Russian North in conditions of globalization and growing role of the institutions. Using empirical data the author proves that the quality of the institutional environment in the regions, bordering on highly developed EU economies, improves beneficially influencing their competitiveness.
Key words: Competitiveness, economy of the North, globalization, transaction costs, state (quality) of institutional environment 98

Levkin N. V., Laptev A. A.
NEW THEORETICAL APPROACHES TOWARD TYPOLOGY OF SOCIO-ECONOMIC SYSTEMS
Summary: A critical review of the existing methodological approaches to the analysis of the socio-economic systems is carried out. A hypothesis about a possibility of the interdisciplinary study of the socio-economic systems from perspectives of social synergetics and integral psychology is suggested. A possible typology version for socio-economic systems based on V-matrices (V-MEMES) is offered.
Key words: Socio-economic system, types of socio-economic systems, social synergetics, integral psychology. 101

LEGAL STUDIES

Abramov V. G.
SUBJECT OF ECOLOGICAL OFFENCE: THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS OF CONCEPT'S CONTENT AND DEFINITION
Summary: The article deals with some theoretical and practical aspects of the subject of ecological offence, its concept, and content. Different points of views concerning its character and essence are shown. The definition of the subject of ecological offence is given.
Key words: Subject of ecological offence, society and nature interaction area, environment protection, ecological relations and interests. 106

Bakunovich A. V.
LEGAL INTERNATIONAL REGULATIONS FOR CULTURAL PROPERTY MOVEMENT PROCEDURE ACROSS CUSTOM BORDER
Summary: The purpose of the paper is to study legal international regulations pertaining to the movement of cultural property across custom borders. The main categories and criteria for objects qualified as items of cultural value are considered. Retrospective analysis of the legal regulation concerning the cultural value concept development is carried out. Rules and procedures relevant to moving items of cultural value across custom borders are considered.
Key words: International legal regulation, cultural property, customs border, movement, state, protection 111

REVIEWS

Efimova V. V.
The book review: *Voropanov V. A. Regional Factor of Judicial System Development in Urals and Western Siberia of Russian Empire (last third of the XVIII century – first half of the XIX century): Historical and Judicial Research* 115

Goldenberg M. L.
The book review*: Pashkov A. M. Karelian Social Educators and Local Historians of XIX – beginning of XX Century* 117

DISCUSSIONS

Poljakov S. N.
"A SPECTRE IS HAUNTING EUROPE …" 118

JUBILATION
To the 50th Anniversary of A. V. Pigin 121